

ISSN 2414-9241
Издается с 1968 года

**THE PROBLEMS
OF SCIENTIST
AND SCIENTIFIC
GROUPS ACTIVITY**

№8 (38) 2022

**ПРОБЛЕМЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ
КОЛЛЕКТИВОВ**

№8 (38) 2022

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

№8 (38) 2022

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук
Санкт-Петербургский филиал

**ПРОБЛЕМЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ**

Международный ежегодник

ВЫПУСК 8 (38)

Санкт-Петербург
2022

Главный редактор: *Н.А. Ащеулова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Заместитель главного редактора: *С.И. Зенкевич* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Ответственный секретарь: *В.А. Куприянов* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Редакционный совет:

Ю.С. Васильев (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург), *И.И. Елисеева* (Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург), *П. Тамаш* (Институт социологии Академии наук Венгрии, Венгрия, Будапешт).

Редакционная коллегия:

А.М. Аблажей (Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск), *Д.В. Иванов* (Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург), *Е.А. Иванова* (Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург), *П.А. Захарчук* (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва), *Н.В. Никифорова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург), *М.М. Клавдиева* (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва).

Выпускающий редактор выпуска: *Е.Ф. Синельникова*

Основан в 1968 году. Периодичность издания 1 раз в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН).

ISSN 2414-9241

Международный рецензируемый ежегодник «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» издается при содействии Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук, Социологического института РАН, Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Европейского университета в Санкт-Петербурге, 23-го комитета по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, Исследовательского комитета социологии науки и технологий Российского общества социологов, Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

Журнал предназначен для студентов, аспирантов, научных работников, специалистов по социологии науки, техники, образования. Журнал индексируется в библиографической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Ministry of Science and Higher Education
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences
St Petersburg Branch

THE PROBLEMS OF SCIENTIST AND SCIENTIFIC GROUPS ACTIVITY

International Annual Papers

VOLUME 8 (38)

St Petersburg
2022

Editor-in-Chief: *N.A. Asheulova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg).

Assistant Editor: *S.I. Zenkevich* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg).

Executive secretary: *V.A. Kupriyanov* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg).

Editorial Board:

Yu.S. Vasiliev (St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg), *I.I. Eliseeva* (Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg), *P. Tamash* (Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest).

Editorial Office:

A.M. Ablazhej (Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk), *D.V. Ivanov* (Saint-Petersburg State University, St Petersburg), *E.A. Ivanova* (St Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg), *P.A. Zakharchuk* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow), *N.V. Nikiforova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg), *M.M. Klavdiyeva* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow).

Managing Editor: *E.F. Sinelnikova*.

Founded in 1968. Publication frequency: published once a year.

Founder: Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

ISSN 2414-9241

International Annual Papers “The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity” is published in cooperation with St Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Faculty of Sociology of the Saint-Petersburg State University, St Petersburg Polytechnic University, European University at St. Petersburg, Research Committee on Sociology of Science and Technology RC 23 of the International Sociological Association, Research Committee on Sociology of Science and Technology of the Russian Society of Sociologists, St Petersburg Association of Sociologists.

Papers provide students, postgraduates, researches and specialists with an advanced introduction to STS.

International Annual Papers “The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity” is indexed in the National Bibliographic Database “Russian Science Citation Index” (RSCI).

- © S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, 2022
- © Editorial Board of International Annual Papers, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От выпускающего редактора	11
---------------------------------	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

<i>Ульянкина Т.И.</i> Трудные времена 2022 г.: кризисная ситуация в международных научных связях.....	13
<i>Груздинская В.С.</i> Заграничные командировки по-советски: диалог ученого сообщества и власти в 1920-е годы (по материалам Комиссии содействия работам Академии наук СССР).....	22
<i>Хаблова Е.С.</i> Рецепция научного наследия Н.И. Вавилова Андре-Жоржем Одрикуром в контексте зарождения этноботаники во Франции.....	33
<i>Ванисова Е.А.</i> Формы сотрудничества советских биологов с Линнеевским обществом Лиона	43
<i>Ковалев М.В.</i> Советско-чехословацкие научные коммуникации 1948–1991 гг.: роль формальных и неформальных связей	57
<i>Собисевич А.В.</i> Международное географическое сотрудничество по проектам «Альпы – Кавказ» и «Кавказ – Стара-Планина»	70
<i>Иванова А.Н.</i> I Международный симпозиум по сравнительной электрокардиологии 1979 года: международные коммуникации исследовательской группы Коми филиала АН СССР как отражение ее достижений	81

НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРУКТУРЫ

<i>Сергеев М.Л.</i> Ученая переписка и обмен научной информацией в раннее Новое время (на примере письма Улиссе Альдрованди Томасу Йордану 1571 г.) ..	91
<i>Шпак Г.В.</i> Образ научных сообществ в английской утопии XVII в. На примере трактата М. Кавендиш «Пылающий мир».....	103

<i>Саркисова А.Ю., Дунаева Д.О.</i> Структурно-сетевые особенности российского сообщества научных волонтеров «Люди науки»	113
<i>Нуриев Н.А.</i> Исторические следы развития криптографии в арабских источниках в свете исследований по востоковедению в России	128
<i>Железнов А.Ф.</i> Из истории буддологии в России	139
<i>Синельникова Е.Ф.</i> Основные тенденции изменения ландшафта российской науки в 1917–1922 гг.	148

ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИИ В ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Батурин Ю.М.</i> Формальные и неформальные институты: системный подход	156
<i>Феклова Т.Ю.</i> Экспедиции Академии наук в первой половине XIX в.: неформальная формальность	166
<i>Скрыдлов А.Ю.</i> Из истории ведомственной науки в России: Статистическое отделение Министерства государственных имуществ (1837–1857)	175
<i>Ростовцев Е.А.</i> Воспитание историка: формальные и неформальные институты исторической науки Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX вв.	185
<i>Помелова М.А.</i> Особенности научного сообщества опытных станций Института экспериментальной биологии (начало XX века)	194
<i>Сокерин Т.А.</i> Становление радиобиологии как научного направления в Коми филиале АН СССР во второй половине 1950-х гг.	204
<i>Чагадаева О.А.</i> Студенческие конструкторские бюро: от неформальных кружков к официальным научно-исследовательским институтам (1960–1980 гг.)	213
<i>Окунева М.О.</i> Практика и критерии присвоения почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» в послевоенный период.	222
<i>Платонова М.В.</i> Формальные и неформальные направления деятельности Политехнического музея по истории науки и техники	230

<i>Сидоренко М.Ю.</i> Взаимодействие формальных и неформальных институций в редакционно-издательском процессе подготовки социогуманитарных научных журналов	239
<i>Саргсян А.М.</i> Формальные и неформальные научные институции в сфере политики памяти	253

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИИ В ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Кузнецова Н.И.</i> Параметры научной школы: к постановке проблемы	261
<i>Соловей А.П.</i> Научная школа в системе факторов повышения эффективности научной деятельности ученых	268
<i>Шипицына Ю.С.</i> Научная семья как средоточие добродетели: жизнеописание британского натуралиста Т.Э. Найта (1841)	278
<i>Оседах А.Г.</i> Династия геологов Черновых как пример преемственности поколений в науке.	288
<i>Лиманова С.А.</i> Опыт работы «Кружка С.О. Шмидта» в отзывах его коллег и учеников.	296
<i>Захарчук П.А.</i> Роль неформальных институций в создании региональных историко-технических исследований по истории металлургии 1825–1917 гг.	306
<i>Сухова О.К.</i> Взаимодействие власти и общества в сфере археологических открытий на территории Среднего и Нижнего Поволжья до 1917 г.	316
<i>Чупрова К.И.</i> Деятельность Общества изучения Коми края в условиях становления государственной системы управления наукой в Автономной области Коми. 1922–1931 гг.	327
<i>Созинов И.В.</i> Роль неформальных институций в продвижении «научной продукции» О.Б. Лепешинской.	336
<i>Вивич Е.</i> ТРИЗ и институты: школа Альтшуллера	349
<i>Шухно Е.В.</i> Роль наставничества в адаптации и интеграции молодых ученых	359

TABLE OF CONTENTS

From Managing Editor	11
--------------------------------	----

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION: HISTORICAL ASPECT

<i>Ulyankina T.I.</i> Difficult times of 2022: The crisis in international scientific relations	13
<i>Gruzinskaya V.S.</i> Foreign scientific trips in the Soviet style: dialogue between the scientific community and authorities in the 1920s (based on the materials of the Commission for Assistance to the Works of the USSR Academy of Sciences)	22
<i>Khablova E.S.</i> The reception of N.I. Vavilov's scientific legacy by Andre-George Haudricourt in the context of the birth of Ethnobotany in France	33
<i>Vanisova E.A.</i> Forms of cooperation between Soviet biologists and the Linnean Society of Lyon	43
<i>Kovalev M.V.</i> Soviet-Czechoslovak scientific communications in 1948–1991: the role of formal and informal relationships	57
<i>Sobishevich A.V.</i> International geographical cooperation on the projects “Alps–Caucasus” and “Caucasus–Stara Planina” (Balkan Mountains)	70
<i>Ivanova A.N.</i> The I International symposium on comparative electrocardiology in 1979: international communications of the research group of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences as a reflection of its achievements	81

SCIENTIFIC COMMUNICATIONS AND DISCIPLINARY STRUCTURES

<i>Sergeev M.L.</i> Scientific correspondence and information exchange in Early modern science (on the material of Ulisse Aldrovandi's 1571 letter to Thomas Iordanus)	91
<i>Shpak G.V.</i> The image of scientific communities in the English utopia of the seventeenth century on the example of “The Blazing World” by M. Cavendish	103

<i>Sarkisova A.Yu., Dunaeva D.O.</i> Structural and network features of the Russian community of scientific volunteers “People of Science”	113
<i>Nuriyev N.A.</i> Historical traces of the development of cryptography in Arab sources in the light of research on oriental studies in Russia	128
<i>Zheleznov A.F.</i> From the History of Buddhology in Russia.	139
<i>Sinelnikova E.F.</i> The main trends in the changing landscape of Russian science in 1917–1922.....	148

FORMAL INSTITUTIONS IN THE HISTORY OF SCIENCE

<i>Baturin Yu.M.</i> Formal and Informal Institutions: System Approach	156
<i>Feklova T.Yu.</i> Expeditions of the Academy of Sciences in the first half of the nineteenth century: informal formality	166
<i>Skrydlov A.Yu.</i> On the history of departmental science in Russia: Ministry of State Property Statistical Department (1837–1857).....	175
<i>Rostovtsev E.A.</i> Education of a historian: formal and informal institutions of historical science in St. Petersburg at the turn of the 20th century.	185
<i>Pomelova M.A.</i> The emergence of the experimental stations of the institute of experimental biology and their scientific community (the early 20th century)	194
<i>Sokerin T.A.</i> The shaping of radiobiology as a scientific field in the Komi Branch of the USSR Academy of sciences in the second half of the 1950s.	204
<i>Chagadaeva O.A.</i> Student design and scientific bureaus: from informal groups to official research institutions (1960–1980).....	213
<i>Okuneva M.O.</i> The Honored Science Worker of RSFSR Honorary Degree: Practice and Criteria for Awarding at the Post-War Period	222
<i>Platonova M.V.</i> Formal and informal activities of the Polytechnic Museum on the history of science and technology	230

<i>Sidorenko M. Yu.</i> Interaction of formal and informal institutions in the editorial and publishing process of social sciences and humanities academic journals.	239
<i>Sargsyan A.M.</i> Formal and informal scholarly institutions in the context of politics of memory.	253

INFORMAL INSTITUTIONS IN THE HISTORY OF SCIENCE

<i>Kuznetsova N.I.</i> Parameters of a scientific school: toward a problem statement.	261
<i>Salavei A.P.</i> Scientific school in a system of factors increasing the efficiency of scientific activity of scientists.	268
<i>Shipitsyna Yu.S.</i> A scientific family as center of virtue: the biography of British naturalist Thomas Andrew Knight (1841).	278
<i>Osedakh A.G.</i> Chernov geological dynasty as an example of the succession of generations in science.	288
<i>Limanova S.A.</i> Work experience of the Circle of Source Studies of Russian History ("Kruzhok of S.O. Schmidt") in the memories of his colleagues and students.	296
<i>Zakharchuk P.A.</i> The role of informal institutions in the creation of regional historical and technical research on the history of metallurgy 1825–1917.	306
<i>Sukhova O.K.</i> Interaction of power and society in the field of archaeological discoveries in the Middle and Lower Volga regions until 1917.	316
<i>Chuprova K.I.</i> The activities of the Society for the Study of Komi Territory in the context of the formation of the state system of science management in the Autonomous Region of Komi. 1922–1931.	327
<i>Sozinov I.V.</i> The role of informal institutions in the promotion of O.B. Lepeshinskaya's "scientific products".	336
<i>Vivich E.</i> TRIZ and Institutes: Altshuller's school.	349
<i>Shukhno E.V.</i> The role of mentoring in the adaptation and integration of young scientists.	359

ОТ ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

Предлагаемый вниманию читателя номер международного ежегодника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» содержит статьи, в основу которых положены доклады, представленные на VIII Научной школе молодых ученых ИИЕТ РАН «Формальные и неформальные институты в развитии науки». Школа работала на базе Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук с 17 по 21 октября 2022 г. Участие в Школе принимали как молодые ученые в возрасте до 39 лет, научные сотрудники и аспиранты, чьи научные интересы связаны с проблематикой истории науки и техники, так и ведущие ученые, которые провели ряд мастер-классов, а также выступили в качестве модераторов секционных заседаний.

Изучение истории научного сообщества является важнейшей задачей для анализа потенциала развития науки. От эффективности взаимодействия внутри корпорации ученых напрямую зависит результат научных исследований. Для плодотворного развития научного сообщества необходимо изучить механизмы возникновения формальных и неформальных институций.

Помещенные в ежегодник статьи тематически объединены в четыре раздела. В первом из них — статьи, в которых рассматривается формальное и неформальное международное научное сотрудничество.

Второй тематический блок составили статьи, посвященные анализу механизмов формирования коммуникативных полей ученых и сетевых структур науки. В частности, в этом разделе представлено исследование вклада неэкспертных акторов, т. е. широкого круга волонтеров, многие из которых являются любителями и не имеют специальной подготовки, в проведение научных исследований.

В следующий раздел помещены статьи, предметом исследования которых являются формальные способы структурирования

научного сообщества — административно упорядоченных исследовательских групп. В статьях обсуждаются вопросы истории Российской академии наук, университетов и университетской науки, а также принципов работы научной бюрократии и управления наукой. Кроме того, в этот раздел вошли статьи, в которых представлены результаты исследований взаимодействия и связи неформальных институций с формальной институциональной системой. Эти исследования расширяют представления о сложных взаимосвязях внутри научного сообщества и о самоорганизации внутри образовательных и научно-исследовательских учреждений.

Последний блок статей охватывает вопросы изучения роли и места неформальных институций в системе организации научных исследований. В центре внимания этих исследований такие структуры неформальных институций как научные общества, научные семьи, кружки, научные школы, в которых дружеские и семейные связи тесно сплетались с образованием и социализацией учеников. Развиваясь параллельно с официальными, эти неформальные институции являлись площадками для дискуссий представителей разных дисциплин по широкому кругу научных и социально-культурных проблем.

Надеемся, что предлагаемый вниманию читателей очередной выпуск международного ежегодника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» своей широкой проблематикой будет интересен преподавателям и ученым самых разных научных направлений.

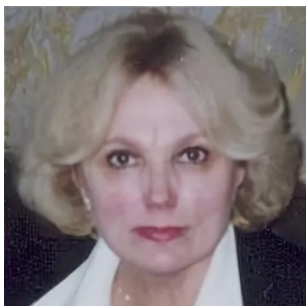
Е.Ф. Синельникова

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 001.583(100)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-13-21

**ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА 2022 Г: КРИЗИСНАЯ
СИТУАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ
СВЯЗЯХ**

Татьяна Ивановна Ульянкина

доктор биологических наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: tatparis70@gmail.com

Статья посвящена анализу кризисной ситуации в международных научных связях. Хотя прошедшая в октябре в Санкт-Петербургском Филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук VIII Научная школа молодых ученых «Формальные и неформальные институции в развитии науки» продемонстрировала новые исторические примеры успешных международных связей в науке, однако, с февраля 2022 г., в связи с событиями в Украине и введением т. н. международных санкций, вектор международного сотрудничества в академических институтах изменился в худшую сторону.

Ключевые слова: история науки и техники, международное научное сотрудничество.

Для науки демократически развитых стран мира характерным является наличие многочисленных формальных и неформальных научных коммуникаций между различными направлениями исследований и непрерывное расширение масштабов международного научного сотрудничества. В 2003 г. доктор

экономических наук В.Л. Иноземцев, учитывая увлеченность модным уже тогда процессом глобализации науки, писал: «Глобализация считается чуть ли не самой характерной чертой современного мира <...> и рассматривается, как важнейшее средство демократизации мира, приобщения его к западным ценностям» (Иноземцев, 2003: 25). Глобализация находит свое отражение в объединении ученых разных стран мира в международные сообщества — комиссии, комитеты, редакции международных журналов, систему стажировок, научных командировок и пр. Участие ученых в совместных научных экспедициях, лабораторных исследованиях, получении престижных премий, включая самую престижную Нобелевскую, наличие у сообществ общего научного языка — все это тоже характерные векторы глобализации.

Начиная с «гения научной мысли» М.В. Ломоносова ученых России регулярно избирали членами-корреспондентами национальных академий наук, почетными членами научных обществ, научных корпораций, крупных научных ассоциаций и разных университетов мира, что, несомненно, свидетельствовало о высоком престиже «русского имени». В состав Лондонского королевского общества в разное время были избраны: А.Д. Меншиков (1714), К.Г. Разумовский (1755), В.Я. Струве (1827), И.Ф. Крузенштерн (1837), П.Л. Чебышев (1877), А.О. Ковалевский (1855), Д.И. Менделеев (1892), И.И. Мечников (1895), И.П. Павлов (1907), К.А. Тимирязев (1911), Б.Б. Голицын (1916), П.Л. Капица (1929), И.М. Виноградов (1942), Н.И. Вавилов (1942), Н.Н. Семенов (1958), А.Н. Несмеянов (1961), А.Н. Колмогоров (1964), В.А. Амбарцумян (1969), Я.Б. Зельдович и др. Орденом Почетного Легиона (Франция) были награждены П.Л. Чебышев, П.Н. Яблочков, Д.И. Менделеев и др. (Корнеев, 1990: 3–4). На современном этапе масштабы формальной оценки деятельности российских ученых значительно расширились. Широкое признание международной общественностью научных заслуг русских ученых,

несомненно, способствовало росту международного авторитета России/СССР.

Историками и социологами науки показано, что даже в пределах одной конкретной отрасли науки проблема сотрудничества между учеными и научными школами может заметно изменить темп научного прогресса и, в целом, прогресс цивилизации. Так случилось с открытием в 1869 г. Д.И. Менделеевым Периодического закона, с открытием в 1882–1883 гг. клеточного иммунитета и описания иммунной системы у низших и высших животных И.И. Мечниковым и, наконец, в 1897 г. с открытием И.П. Павловым учения о высшей нервной деятельности человека и животных. В начале XX в. оба русских гения, И.П. Павлов (1904) и И.И. Мечников (1908), были удостоены Нобелевских премий в области физиологии и медицины. Однако прошло около 50 лет, и следующая Нобелевская премия была вручена русским только в 1956 г. Это была Нобелевская премия по химии, присужденная академику Н.Н. Семенову. Затем, с 1958 г., Нобелевскую премию по физике получали: профессор П.А. Черенков, член-корреспондент АН СССР М.М. Франк и академик И.Е. Тамм, в 1962 г. — академик Л.Д. Ландау, а в 1964 г. — академики Н.Г. Басов и А.М. Прохоров. В 1975 г. Нобелевскую премию по экономике получил академик Л.В. Канторович. В 1978 г. академик П.Л. Капица получил Нобелевскую премию по физике; в 2000 г. Нобелевскую по физике получил Ж.И. Алфёров; в 2003 г. — А.А. Абрикосов и В.Л. Гинзбург; в 2010 г. — К.С. Новоселов.

Хотелось бы несколько слов сказать о раннем этапе истории исследований международных научных связей в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН). В Архиве ИИЕТ РАН (Москва, улица Балтийская, дом 14), в фонде С.Г. Корнеева я нашла письмо вице-президента АН СССР, академика П.Н. Федосеева от 18 апреля 1975 г. (№ 10105–321/20), адресованное директору ИИЕТ, члену-корреспонденту АН СССР С.Р. Микулинскому, на бланке Президиума АН СССР, следующего содержания: «Учитывая

важность исследований развития международных научных связей и сотрудничества, Президиум АН СССР считает необходимым предусмотреть в планах научных исследований Института изучение развития международных научных связей и сотрудничества. В этих целях целесообразно создать специальный сектор по этой проблеме. Для руководства работой этого сектора Президиум АН СССР направляет к[андидата] и[сторических] н[аук] Корнеева Степана Гавриловича и выделяет соответствующую штатную единицу с фондом заработной платы. Штатные единицы для развертывания работы сектора будут выделены в течение III–IV кварталов 1975 г.» Итак, Проблемная группа по истории международных научных связей ИИЕТ АН СССР была создана в 1977 г. Ее задачей было проведение анализа и обобщение исторического опыта международных связей Академии наук СССР, участия ее научных учреждений в международных организациях и их программах. Через Советский национальный Комитет истории и философии науки и техники Проблемная группа координировала работу по истории международных научных связей, проводимую в научных учреждениях АН СССР и академиях наук союзных республик. Сотрудники группы занимались историей научных связей и научного сотрудничества АН СССР с Польшей, Чехословакией, ГДР, США, Индией, Францией, Швецией. Группой был подготовлен и издан ряд монографий и справочников по истории научных связей АН СССР с научными организациями зарубежных стран.

Там же, в Архиве ИИЕТ РАН, находится отчет С.Г. Корнеева (1911–2004), отражающий результаты деятельности Проблемной группы института за 1976–1985 гг. Были изданы и подготовлены:

- 1) монография «Научные связи АН СССР по странам Азии и Африки» (2-е изд.: М.: Наука, 1976, объем 24 п. л.);
- 2) монография «Советские ученые — почетные члены научных организаций зарубежных стран» (2-е изд. М.: Наука, 1981, объем 29,5 п. л.);

- 3) в сборнике «СССР и Япония. К 90-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925–1975 гг.)» (М.: Наука, 1978) опубликована статья «Сотрудничество Академии наук СССР с японскими научными организациями» (объем 1,5 п. л.);
- 4) подготовлена рукопись «История развития советско-американских научных связей (XVIII – сер. XX вв.)» (объем 20 п. л.);
- 5) подготовлена рукопись «Академия наук СССР: научные связи с США после второй мировой войны (1945–1982)» (объем 30 п. л.);
- 6) подготовлена рукопись «История советско-чехословацких научных связей (XVIII–1982 гг.)» (объем 22 п. л.);
- 7) в 1984–1985 гг. для издающейся Институтом всеобщей истории АН СССР «Истории США» подготовлены статьи: для третьего тома «Научные связи с США между двумя мировыми войнами» (объем 1 п. л.), для четвертого тома «Научные связи АН СССР с США после второй мировой войны» (объем 1 п. л.);
- 8) в 1985 г., в связи с 40-летием Победы, по просьбе АПН подготовлены статьи: «Научные связи с США в годы второй мировой войны» (объем 0,3 п. л.) и «Научные связи АН СССР и США после второй мировой войны» (объем 1 п. л.);
- 9) в 1984 г. руководитель Группы С.Г. Корнеев принял участие в проходившем в Киеве Симпозиуме советско-американских историков, где выступил с докладом «О научных связях АН СССР и США между двумя мировыми войнами»;
- 10) 1984–1985 гг. С.Г. Корнеев осуществлял научное руководство аспирантом К.А. Федоровым, подготовившим и защитившим кандидатскую диссертацию «Научные связи России с Францией. 1968–1980 гг.».

«Наука — это специализированная сфера познавательной деятельности человека, <...> направленной на приобретение нового знания о мире, его законах, свойствах и т. д. Без этой деятельности и вне ее наука не существует» (Келле, 1979: 28–29). Современная фундаментальная наука интернациональна по своей сути, она не может нормально развиваться в изоляции, вне коммуникации людей и без постоянного обмена научной информацией. На этой основе складывается система внутри-научных социальных связей, включающих организационные, психологические, идеологические и нравственные отношения. «Это стиль жизни мировой науки <...> и топовые результаты делаются международными командами ученых», — считает 22-й президент РАН, академик А.М. Сергеев (Сергеев, 2022: 7). Что касается России, без международных связей отечественная наука вряд ли смогла бы достичь высокого уровня передовых современных стран. В силу современных технологий ученые могут сотрудничать друг с другом даже несмотря на периодически возникающие политические сложности во взаимоотношениях между странами (Колчинский, 2007: 34–48). Однако, с февраля 2022 г., в связи с событиями в Украине и введением «международных санкций», ситуация с международным научным сотрудничеством радикально изменилась в худшую сторону. Российское научное сообщество оказалось в новой критической ситуации: совместные проекты ряда научных институтов РАН с зарубежными странами оказались замороженными, прекращен доступ к важным научным изданиям, наукометрическим базам данных, отменены некоторые научные конференции и т. д. «...Крупнейшие научные издательства (*Elsevier, Springer/Nature, IOP Publishers* и другие) официально объявили, что закрывают российским научным организациям доступ к своим журналам. Такое же ограничение ввели реферативные базы *Web of Science* и *Scopus*. При этом статьи наших ученых будут по-прежнему принимать в публикации на общих основаниях. Получается своеобразный насос, который качает (перекачивает) информацию

в одну сторону: на Западе будут знать, чем занимаются российские ученые, мы же оказываемся изолированными от основных потоков мировой научной информации», — считает академик А.М. Сергеев (Сергеев, 2022: 8). Другой действительный член РАН, академик А.Д. Адрианов, полагает, что «то, что происходит сейчас, когда некоторые страны официально вводят запрет своим ученым на любые контакты с российскими коллегами, — это нонсенс. Но в условиях государственного финансирования и довлеющего общественного мнения наши зарубежные коллеги вынуждены подчиняться этим запретам» (Адрианов, 2022: 67).

Учитывая трудности современной ситуации в российской науке, нужно поддержать действия руководства ИИЕТ РАН и его Санкт-Петербургского филиала, которые 17 октября 2022 г. предоставили организационную площадку VIII Научной школе молодых ученых «Формальные/неформальные научные институты в развитии науки» для секции «Международное научное сотрудничество: исторический аспект», на которой обсуждались важные исторические примеры международной кооперации в развитии отечественной науки. Представленные доклады включали новые, никогда ранее не использованные архивные материалы, что сделало их обсуждение особенно ценным, они демонстрировали высокий профессиональный уровень и большой временной разброс. В докладах рассматривались проблемы международного сотрудничества России и Франции в области этноботаники, формы сотрудничества биологов, объединенных членством в Линнеевском обществе Лиона во Франции, международное сотрудничество географов по проектам «Альпы – Кавказ» и «Кавказ – Стара-Планина», международные коммуникации советских ученых по сравнительной электрокардиологии и др.

Список литературы

Иноземцев В.Л. Безопасность и свобода иммиграции — новая американская дилемма // США и Канада. 2003. № 11. С. 25–40.

Келле В.Ж. Методологические проблемы комплексного исследования научного труда // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 1979. Вып. VII. С. 26–39.

Адрианов А. Будущее человечества зависит от океана // В мире науки. 2022. № 5/6.

Колчинский Э.И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Сергеев А.С. Самые сложные задачи физики и научной дипломатии // В мире науки. 2022. № 5/6. С. 6–17.

DIFFICULT TIMES OF 2022: THE CRISIS IN INTERNATIONAL SCIENTIFIC RELATIONS

Tatiana I. Ulyankina

Doctor of Biology, Chief researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: tatparis70@gmail.com

The paper discusses the role of various forms of international communication in contemporary science and analyses the current crisis in international scientific communications. New historical examples of successful international cooperation were presented at the 8th Scientific School for Young Researchers “Formal and Informal Institutions in the Development of Science”, held at St Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. In February 2022, however, due to the situation in Ukraine and the imposition of international sanctions, the vector of international cooperation at the Academy of Sciences’ institutes has changed for the worse.

Keywords: history of science, sociology of science, scientific community, emigre studies.

УДК 001.583(100)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-22-32

**ЗАГРАНИЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ
ПО-СОВЕТСКИ: ДИАЛОГ УЧЕНОГО
СООБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В 1920-Е ГОДЫ
(по материалам комиссии содействия работам
Академии наук СССР)**

Виктория Сергеевна Груздинская

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского,
доцент Первого Московского
государственного медицинского университета
им. И.М. Сеченова (Сеченовского
университета),
старший научный сотрудник Архива
Российской академии наук,
Омск, Москва, Россия;
e-mail: vik11910314@yandex.ru

Статья посвящена деятельности Комиссии содействия работам АН СССР при СНК СССР. Институтция просуществовала несколько лет, с 1926 по 1929 г., и была призвана курировать все вопросы, касающиеся АН СССР. Однако на практике основным направлением ее деятельности стала организация международного научного сотрудничества АН СССР, в том числе и заграничных командировок. В данной статье предпринята попытка воссоздать диалог между представителями академического сообщества и советской властью по поводу научных поездок за рубеж. На материалах из Государственного архива Российской Федерации (Ф. 8429) и Центрального государственного архива научно-технической документации (Ф. 318) было рассмотрено несколько эпизодов из истории организации научных путешествий советских ученых. В ходе изучения было установлено, что диалог между академическим сообществом и новой советской властью выстраивался трудно. Личностный фактор оказывал наибольшее влияние на интенсивность и эффективность этого взаимодействия. Большую роль в выстраивании этого диалога сыграли непреременный секретарь Академии наук СССР, академик С.Ф. Ольденбург и заведующий Отделом научных учреждений СНК Е.П. Воронов.

Ключевые слова: заграничные научные командировки, международная академическая мобильность, Академия наук СССР, Комиссия содействия работам Академии наук СССР, история науки.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ в рамках научного проекта МК-27.2022.2 «Международная академическая мобильность советских ученых: 1920-е – 1930-е гг.».

Практика поездок за границу для установления и поддержания научных связей, работы в иностранных архивах, библиотеках, лабораториях и музеях, выступлений с лекциями или научными докладами была естественным явлением в интеллектуальной жизни дореволюционной России. С установлением советской власти эта сфера ученой жизни существенно изменилась. В первую очередь эти изменения затронули процедуру и способы организации международной академической мобильности, маршруты и сроки научных путешествий (см. например: Гришина, 2018; Sinelnikova, 2018). В первой половине 1920-х гг. вопросы зарубежных поездок находились в ведении Комиссии по заграничным командировкам при Наркомате просвещения РСФСР (Андреев, 2018). На рассмотрение этой комиссии поступали заявления и ходатайства специалистов из разных областей, в том числе и ученых.

В 1926–1929 гг. подобные заявления сотрудников Академии наук обсуждались Комиссией содействия научным работам АН СССР. Институтция была создана при СНК и носила межведомственный характер. В ее состав входили председатель ЦИК СССР А.С. Енукидзе, неперемный секретарь С.Ф. Ольденбург, заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов, управляющий делами СНК Н.П. Горбунов, начальник Отдела научных учреждений СНК (ОНУ СНК) Е.П. Воронов, заведующий

Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) А.И. Криницкий, заместитель председателя Президиума Коммунистической академии В.П. Милютин (Груздинская, 2019).

Хотя комиссия создавалась как орган, курирующий деятельность АН СССР в целом, в реальности ее функции сводились к организации международной жизни академического центра, в том числе и к решению проблем, связанных с заграничными командировками. В настоящей статье предпринята попытка очертить контуры диалога между учеными и советской властью по поводу деловых поездок за границу в рамках этой институции.

На первом заседании, состоявшемся 16 марта 1926 г., обсуждались возможные пути и направления интеграции Академии наук в мировую научную сеть. Так, академик С.Ф. Ольденбург обратил внимание собравшихся на желательность не только участия советских ученых в уже ставших традиционными научных форумах, например, в III Тихоокеанском конгрессе осенью 1926 г., но и в организации новых площадок. В частности, было предложено созвать Международное совещание исследователей Восточного Туркестана, а также узкое совещание по геологии, орографии, географии и минералогии Средней Азии (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 94. Л. 137–136). Заметим, что переговоры с иностранными коллегами по поводу их участия в этих совещаниях было поручено С.Ф. Ольденбургу во время заграничной поездки летом-осенью 1926 г. (Каганович, 2013: 133).

На заседаниях Комиссии содействия работам АН СССР утверждались или отклонялись научные командировки за рубеж. Но, прежде чем дойти до комиссии, заявления научных сотрудников совершали «кругосветное» путешествие по кабинетам советской бюрократии. В качестве иллюстрации приведем случай с командированием ученого из Института прикладной ботаники и новых культур Н.Н. Кулешова на V международный конгресс по контрольно-семенному делу, который состоялся в мае 1928 г. в Риме. Приглашение на конгресс и запрос в государственные

инстанции администрация Института отправила заблаговременно, но к 30 марта решение еще не было принято. Н.Н. Кулешов обратился к директору Института Н.И. Вавилову с просьбой выяснить у Е.П. Воронова о судьбе своей поездке (ЦГАНТД). Ф. 318. Оп. 11. Д. 272. Л. 1). Соответствующую записку в ОНУ СНК Николай Иванович отправил вскоре, но судя по дальнейшей переписке ответ из СНК пришел только спустя месяц – в конце апреля. И это известие вызвало у Н.Н. Кулешова тревогу и опасения за успех дела. Так, в письме в дирекцию Института он пишет: «все складывается крайне неудобно. Телеграмма послана 26.04, удостоверение будет выслано в лучшем случае 3.05 и будет у меня 05.05. Только после этого можно получать паспорт, деньги и транзитные визы. Чтобы успеть в Рим к 16 мая, я должен отсюда выехать не позже 10 мая. Неужели можно предположить, что я за 5 дней успею все это сделать без каких-либо особых мер? К большому моему огорчению, но я уже мысленно примирился с тем, что мое участие в Конгрессе сорвано, ибо я не верю, что за оставшиеся две недели можно будет сделать то, чего не удалось сделать за три месяца» (ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 11. Д. 272. Л. 3–3 об.). Понимая, что преодолеть бюрократические препоны ученый не в силах, он с нескрываемым возмущением пишет: «О каком тут можно говорить оживлении нашей научной связи с границей, о которой пишут газеты, когда вся “живость” разбивается о непреодолимый формализм канцелярий» (ЦГАНТД. Ф. 318. Оп. 11. Д. 272. Л. 3 об. – 4). Н.Н. Кулешов был прав в своих опасениях — на конгресс в Рим он опоздал, приехал только 19 мая, успев только на экскурсии и пропустив таким образом всю научную часть мероприятия.

На недопустимость подобной ситуации с возмущением указал генеральный консул СССР в Риме А. Гольдберг. В частности, в письме в НКВД он пишет: «За последнее время участились случаи, когда советские работники, командированные на международные конгрессы, имевшие место в Италии, выезжают из пределов

СССР через 2–3 недели по окончании работ конгрессов несмотря на то, что они были своевременно информированы о начале работ конгрессов в каждом отдельном случае. Так, к началу работ конгресса по контрольно-семенному делу, открывшемуся в Риме 10-го мая с[его] г[ода], приехал лишь один профессор Исаченко <...> Это не единичные явления <...> Подобного рода ненормальные явления, которые повторяются почти со всеми нашими делегатами, создают о нас весьма невыгодное впечатление и поэтому считаю нужным обратить на это Ваше внимание. Из объяснений приезжающих делегатов явствует, что в большинстве случаев причина опоздания их на конгрессы связана с формальностями при получении заграничных паспортов» (ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 81. Л. 1). К сожалению, подобные инциденты повторялись и в послевоенный период. Сохранилось немало свидетельств опоздания советских ученых на международные форумы из-за бюрократических проволочек (см.: Мерперт, 2011: 199–211).

Трудности в налаживании диалога между учеными и властью были окрашены классово-идеологической «палитрой». В этом плане показателен эпизод с поездкой в Германию молодого физика из Ленинграда. В апреле 1928 г. АН СССР возбудила ходатайство о командировании сотрудника Физического института, стипендиата имени В.А. Стеклова Дмитрия Дмитриевича Иваненко (заметим, что в официальной документации советских органов власти неправильно указано отчество ученого — «Иванович»). Командировка была необходима для стажировки у профессора Берлинского университета, физика-теоретика, одного из создателей квантовой теории Эрвина Шрёдингера. После ходатайства АН СССР Е.П. Воронов направил в партачейку Ленинградского университета запрос с просьбой предоставить «сведения, характеризующие политическую физиономию и научную квалификацию Иваненко» (ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 80. Л. 1). Местные партийные чины, как и Наркомат просвещения РСФСР (мнение, которого также пожелали услышать) дали молодому физику нелicenseприятную характеристику: «связанный исключительно

с правой профессурой», «проводил линию, идущую вразрез с линией партийных и профсоюзных организаций», «как академическая фигура <...> отнюдь не исключительный и не единственный», «политически вредный, идеологически чуждый» и др. (ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 80. Л. 4–4 об.). Именно на основании этих хлестких, в духе своего времени ярлыков Д.Д. Иваненко не получил места в аспирантуре в 1927 г. Но не только: не получил он и права на заграничную командировку. 8 мая 1928 г. Непременному секретарю АН СССР пришло краткое письмо от Е.П. Воронова не просто с безапелляционным отказом в поездке, но и с требованием «сообщить, каким образом гр-н Иваненко, аспирантура которого была отклонена <...>, был принят после этого в число научных сотрудников Академии» (ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 80. Л. 6.). Подробный ответ предоставил директор Физического института, академик А.Ф. Иоффе, где сообщил, что решение принять на работу Д.Д. Иваненко принял лично, о чем собственно и не жалеет. Ученый считает своего младшего коллегу «выдающимся по своим талантам и знаниям», а потому весьма сожалеет о том, что тот не сможет послушать лекции по теоретической физике в Берлинском университете, как и о том, что его незаслуженно лишили аспирантуры. Предполагаем, что неприязнь к Д.Д. Иваненко объяснялась его чуждостью «красному» лагерю, что выражалось и в духовной близости к старым профессорам, и в его дворянском происхождении. Однако до середины 1930-х гг. карьера Дмитрия Дмитриевича Иваненко развивается по восходящей: он активно работал в ядерном семинаре, сотрудничал с А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатовым, Л.Д. Ландау. Тепло вспоминал он о встречах с академиком А.Н. Крыловым (см.: Сарданашвили, 2010: 47–49). И кто знает, как бы сложилась карьера ученого, если бы не арест в 1935 г. и последовавшая за ним ссылка сначала в Караганду, а затем в Томск?

На решение комиссии об утверждении той или иной командировки оказывала влияние «политическая характеристика» кандидата. В сохранившихся материалах институции встречаются

списки командируемых, где напротив каждой фамилии стоит одна из трех отметин лояльности к советской власти: 1) сведений об антисоветской деятельности не поступало, 2) враждебно настроенные к советской власти ученые, 3) имевшие «связь с белой эмиграцией» (ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 115. Л. 74–75). Показательно, на наш взгляд, что ко второй группе был отнесен и сам участник комиссии — С.Ф. Ольденбург. При этом надо сказать, что в ряде случаев даже «связь с белой эмиграцией» не становилась неопределимым препятствием для получения заветной командировки. Так, С.Ф. Платонов, дочь которого вместе со своей семьей эмигрировала во Францию, неоднократно выезжал в Европу с деловыми целями. Большую помощь Сергею Федоровичу оказывали иностранные коллеги, персональные приглашения от которых склоняли комиссию к «верному» решению. Всемирно известный физиолог И.П. Павлов, также определенный советскими чиновниками как политически неблагонадежный, имел несколько командировок на международные конгрессы. Примечательна в этом плане его поездка осенью 1929 г. в США. И.П. Павлов высказал свое резко негативное отношение к выборам в АН СССР, к стремлению провести в ее члены «красных профессоров». Свою позицию он определил следующим образом: в сложившейся ситуации у академиков может быть три отношения: «первое — рабское, лакейское, по принципу “чего изволите?”, второе — благоразумное, или оппортунистическое, вызванное опасениями испортить отношения с правительством, и наконец, третье — принципиальное, подлинно научное» (Брачев, 1990: 122). И после этого и подобных публичных высказываний Академия наук направляет ходатайство о заграничной командировке И.П. Павлова. Как же советская бюрократия отнеслась к такому довольно дерзкому шагу? На удивление благосклонно было воспринята идея отправить за океан светило советской физиологии как свидетельство «великих научных достижений» Советского Союза (Todes, 2014: 565). Существенную помощь в организации этой поездки оказал Е.П. Воронов. В обращении к вышестоящим

инстанциям он отмечал смягчение взглядов ученого: «В истории наших отношений с Павловым он впервые обращается к нам с просьбой. Ранее <...> он одаривал нас не столько своими “пылкими призывами”, сколько горячими нагоняями. Эту просьбу следует расценивать как открытый шаг, предпринятый по его собственной инициативе, к сближению. Отвергнуть его, конечно, было бы неправильно!» (Todes, 2014: 566). Также разрешение выехать на конгресс в Гарвард получил и ближайший ученик Ивана Петровича, физиолог, профессор Харьковского медицинского института — Г.В. Фольборт.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что диалог между академическим сообществом и новой советской властью выстраивался тяжело. На его интенсивность и эффективность влияло множество факторов, но определяющим, причем на разных уровнях принятия решения, оказывался личностный фактор. Молодому ученому-физику непролетарского происхождения получить право выехать за границу было непросто (если не сказать — невозможно), тогда как всемирно известный ученый получал такую возможность, несмотря на свои антисоветские заявления. Следует отметить и роль единственного представителя ученого сословия в комиссии — С.Ф. Ольденбурга. Непременному секретарю АН СССР приходилось балансировать в условиях сужающегося «коридора» академических свобод, с одной стороны, и растущего давления советского руководства на академический центр, с другой. В то же время не следует демонизировать советских чиновников этого периода — палитра красок много сложнее черно-белой гаммы. Примером того служит Е.П. Воронов. Став связующим звеном между АН СССР и советскими государственными инстанциями, он все же подходил к делу неформально, пытался разобраться в каждом конкретном случае, консультировался с различными органами власти (в частности, с Наркоматом иностранных дел, Наркоматом просвещения, Наркоматом здравоохранения и др.) и должностными лицами.

Список литературы

Андреев М.А. К вопросу об организации и деятельности Комиссии пограничным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (1921–1923 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10. С. 106–118.

Брачев В.С. Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 4. С. 120–127.

Гришина Н.В. «...Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере граничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского университета. История. 2018. № 51. С. 28–36.

Груздинская В.С. Комиссия содействия работам Академии наук СССР: опыты «приручения» Академии наук во второй половине 1920-х годов // Преподаватель XXI век. 2019. № 2 (часть 2). С. 310–324.

Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Нестор-История, 2013. 252 с.

Мерперт Н.Я. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус, 2011. 384 с.

Сарданашвили Г.А. Дмитрий Иваненко — суперзвезда советской физики: ненаписанные мемуары. М: URSS, 2010. 313 с.

Sinelnikova E. Soviet scientists (members of Science Societies) at international scientific meetings in the 1920s: political and ideological aspects // Science overcoming borders / Eds. Věra Dvořáčková, Martin Franc. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2018. P. 29–48.

Todes D. Ivan Pavlov: a Russian life in science. Oxford: Oxford university press, cop. 2014. 855 p.

**FOREIGN SCIENTIFIC TRIPS IN THE SOVIET
STYLE: DIALOGUE BETWEEN
THE SCIENTIFIC COMMUNITY AND
AUTHORITIES IN THE 1920S
(based on the materials of the Commission for Assistance
to the Works of the USSR Academy of Sciences)**

Victoria S. Gruzinskaya

PhD in History, Researcher,
Dostoevsky Omsk State University,
Associate Professor,
First Moscow State Medical University named after Sechenov (Sechenov
University),
Senior Researcher,
Archive of the Russian Academy of Sciences,
Omsk, Moscow, Russia;
e-mail: vik11910314@yandex.ru

The article is devoted to the activities of the Commission for Assistance to the Works of the USSR Academy of Sciences under the Council of People's Commissars of the USSR. The institution existed for several years, from 1926 to 1929, and was called upon to supervise all issues related to the USSR Academy of Sciences. However, in practice, the organization of international scientific cooperation of the Academy of Sciences of the USSR, including academic trips abroad, became the main focus of its activity. This article attempts to recreate the dialogue between representatives of the academic community and the Soviet authorities regarding scientific trips abroad. Based on materials from the State Archive of the Russian Federation (F. 8429) and the Central State Archive of Scientific and Technical Documentation (F. 318), several episodes from the history of the organization of scientific travels of Soviet scientists were considered. During the study, it was found that the dialogue between the academic community and the new Soviet government was difficult to build. The personal factor had the greatest influence on the intensity and effectiveness of this interaction. A major role in building this dialogue was played by the permanent secretary of the USSR Academy of Sciences, Academician S.F. Oldenburg. He had to balance between the narrowing corridor of academic freedoms and the growing pressure of the Soviet leadership on the academic center. At the same time, the behavior of Soviet officials was not always hostile towards scientists. For example, E.P. Voronov, the head of the Department of Scientific Institutions of the Council of

People's Commissars, took an informal approach to the matter, examined in detail each specific case.

Keywords: foreign scientific trips, international academic mobility, USSR Academy of Sciences, Commission of assistance to the work of the Academy of Sciences of the USSR, history of science.

УДК 581(44):001.83(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-33-42

РЕЦЕПЦИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Н.И. ВАВИЛОВА АНДРЕ-ЖОРЖЕМ ОДРИКУРОМ В КОНТЕКСТЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ЭТНОБОТАНИКИ ВО ФРАНЦИИ

Елизавета Сергеевна Хаблова

аспирант

Санкт-Петербургского филиала

Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,

Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: sisnek@list.ru

Андре-Жорж Одрикур — выдающийся французский ученый XX в. Одним из крупнейших трудов А.-Ж. Одрикура является его работа, написанная в соавторстве с Луи Эденом, “L’homme et les plantes cultivées” («Человек и культурные растения»). На замысел и содержание работы существенно повлияли идеи Николая Ивановича Вавилова, к которому Одрикур относился и как к учителю, и как к товарищу. Многие идеи для своего труда А.-Ж. Одрикур почерпнул из экспедиции, совершенной им в 1934–1955 гг. в СССР, в ходе которой он в том числе посещал Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства, где работал с Николаем Ивановичем Вавиловым в лаборатории. Упомянутая раннее книга дала толчок к образованию и развитию этноботаники во Франции. Однако и после 1943 г. (год смерти Н.И. Вавилова и год выхода «Человека и культурных растений») А.-Ж. Одрикур занимается развитием французской этноботаники, что не происходит в отрыве от распространения идей Н.И. Вавилова.

Ключевые слова: этноботаника, Франция, Андре-Жорж Одрикур, Николай Иванович Вавилов, «Человек и культурные растения».

Андре-Жорж Одрикур (17 января 1911, Париж — 20 августа 1996, Париж) известен как французский лингвист, ботаник, географ, этнолог, научный руководитель CNRS, инженер-агроном, а также как отец французской этноботаники. Историк Изабель Гуарне отмечает, что его подход был междисциплинарным, благодаря чему его фигура занимает особое место в науке Франции: «Его учение находится на стыке истории науки и техники, лингвистики и этнографии, так что его вклад в развитие этих областей признан до сих пор.» (Gouarné, 2013: 162).

Андре-Жорж Одрикур действительно увлекался целым рядом научных дисциплин, был эрудитом. Молодой ученый интересовался генетикой, хотя на тот момент она была слабо развита во Франции, также он посетил лекцию Николая Ивановича Вавилова в Национальном институте агрономии в 1933 г. Один из учителей Одрикура, Марсель Мосс, считающийся отцом французской этнологии, помог получить своему ученику финансирование в 12 000 франков для поездки в Ленинград на год с целью обучения у Н.И. Вавилова. Вавилов пишет в своем письме от 16 сентября 1934 г. Генеральному консулу СССР в Париже: «Настоящим ходатайствую о выдаче визы на въезд в СССР молодому французскому ученому ботанику-агроному Андре Одрикуру. У меня находится рекомендательное письмо его учителя — крупного агронома профессора Дюкоме. А. Одрикур хочет поработать у нас в Институте растениеводства, а также познакомиться с научными ботаническими и агрономическими учреждениями СССР. Со своей стороны мы окажем ему полное содействие как в Институте растениеводства, так и на наших опытных станциях.» (Вавилов, 2001: 38).

Так как Андре-Жорж Одрикур являлся представителем французской науки, он должен был изучить научные разработки Николая Ивановича Вавилова и его коллег с целью привезти эти знания во Францию. (Gouarné, 2013: 165). Проследить маршрут Андре-Жоржа Одрикура по территории СССР возможно благодаря его многочисленным письмам к Марселю Моссу. После

нескольких месяцев в Ленинграде, в начале мая 1935 г., он решил посетить несколько российских городов, таких как Рыбинск, Ярославль, Иваново, Казань, Саратов и Самара. Затем, с конца мая до середины лета, он путешествует по советской Средней Азии, где посещает Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Грузию, Армению, Абхазию и территории Кавказа. В конце своего пути он вновь прибывает в Ленинград. (Haudricourt, 2011: 2) Осенью 1935 г. он возвращается во Францию, где начинает работать над собранными во время экспедиции материалами.

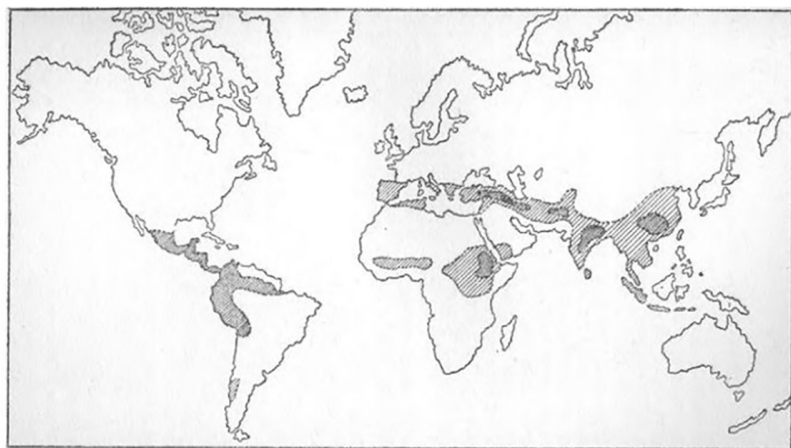
Источник: Архив Музея национальной истории (Muséum National d'Histoire Naturelle (Paris)), переданный CRBA — Centre de Ressources de Botanique Appliquée

Во время своей поездки в СССР Андре-Жорж Одрикур общался со множеством советских ученых-ботаников, включая Николая Вавилова, Сергея Букасова и Павла Баранова, а также с лингвистом Иваном Мещаниновым. (Gouarné, 2013: 165) Переписка Одрикура с Марселем Моссом передает впечатления Андре-Жоржа Одрикура от визита Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства. Например, он пишет: «<...> Я еще не закончил посещение Института фитотехники [Института растениеводства], которым руководит Вавилов, это нечто колоссальное как по количеству и значимости занятых в нем людей, так и по масштабам и интересности полученных в нем результатов <...>. Мне кажется невероятным, что я первый француз, который приехал в Институт фитотехники за 20 лет. Это так интересно и с практической, и с теоретической точек зрения!» (Haudricourt, 2011: 3–4). Одрикур в своих письмах отмечает, что генетика во Франции не развита, что следует способствовать ее дальнейшей разработке, а также разрабатывать идеи Николая Ивановича Вавилова о происхождении культурных растений. Так, Андре-Жорж Одрикур стремился распространять работы Вавилова во Франции. В архивах Imec (Institut Mémoires de l'édition contemporaine) содержится информация о том, что А.-Ж. Одрикур был переводчиком Вавилова на французский язык (Les archives de l'Institut Mémoires de l'édition contemporaine (IMEC), cote HDR 13.1 Extrait de la revue de Botanique appliquée, n. 174–175–176, 1936). Следует отметить, что сотрудничество Вавилова и Одрикура после возвращения последнего во Францию продолжается посредством переписки.

Необходимо подчеркнуть, что восприятие идей Вавилова Одрикуром особенно важно, поскольку эти концепции лягут в основу его книги «Человек и культурные растения» (*l'Homme et les plantes cultivées*), опубликованной в 1943 г. В своем труде, написанном в соавторстве с французским инженером-агрономом, ботаником и коллекционером растений Луи Эденом,

Андре-Жорж Одрикур произвел синтез учений де Кандоля, Вавилова и других выдающихся исследователей, чтобы «составить, с географической точки зрения, учение об отношениях между человеком и природой» (Brousse, 2011: 2). Андре-Жорж Одрикур консультировался с Вавиловым о концепции своей книги и написал ему: «Я продолжаю работать над моей книгой и нашел интересное объяснение. Ваши законы генетической географии прекрасно подтверждаются в антропологии <...>» (Вавилов, 2002: 276).

В тексте упомянутого труда Одрикура и Эдена имя Николая Ивановича Вавилова, его идеи и достижения встречаются неоднократно. Так, упоминается открытый Н.И. Вавиловым закон гомологических рядов в наследственной изменчивости: «Изучение значительного материала, собранного Вавиловым и его сотрудниками, показало, что изменчивость культивируемых видов не является неупорядоченной, но демонстрирует четкие параллели и гомологию между соседними видами и родами» (Haudricourt, 1943: 63). Однако следует заметить, что огромное влияние на становление учения Одрикура оказало учение Н.И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений. В книге «Человек и культурные растения», например, приводится карта с обозначением плотности местных культурных растений, составленная по учению Вавилова (однако модифицированная в районе Африки). Далее Одрикур пользуется классификацией Н.И. Вавилова и делит культурные растения на первичные (основные растения древнего сельского хозяйства: пшеница, ячмень, кукуруза, соя, лен, хлопок) и вторичные культуры (возникшие из сорняков и растений, портивших первичные культуры) (Haudricourt, 1943: 87). И, конечно же, в книге упоминаются многочисленные экспедиции Николая Ивановича Вавилова, а также проводимые в Институте растениеводства исследования местных сортов культурных растений с точки зрения физиологии и генетики. (Haudricourt, 1943: 201).

ORIGINE ET RÉPARTITION DES ESPÈCES

Carte de la densité en plantes cultivées autochtones, d'après N. VAVILOV, modifiée pour l'Afrique.

Как пишет агроном и этноботаник, инженер-исследователь центра INRA в Монпелье Мишель Шове в предисловии издания 1987 г.: «Книга Андре-Жоржа Одрикура и Луи Эдена “Человек и культурные растения”, опубликованная в 1943 г., впервые во Франции представила основы этноботаники. А.-Ж. Одрикур был направлен к Вавилову в 1933 г. по настоятельному совету этнолога Марсея Мосса и агронома Огюста Шевалье. Более сорока лет спустя “Человек и культурные растения” по-прежнему представляет большой интерес. В научном контексте, характеризующемся усилением специализации, редко можно встретить междисциплинарный предмет, рассматриваемый с необходимой компетентностью, поскольку он касается истории как людей, так и растений» (Haudricourt, 1987: 7). На самом деле Андре-Жорж Одрикур был у Вавилова в 1934–1935 гг. Сам Андре-Жорж Одрикур заканчивает свою книгу следующими словами, которые можно интерпретировать как воззвание к установлению и укреплению этноботаники: «Географы, историки, этнологи, археологи, или просто любители и любопытствующие “честные люди” могут внести свой вклад в освещение, каждый по-своему, интересными

наблюдениями или малоизвестными фактами, проблем, которые являются предметом этой работы. Но именно этноботаники, чье призвание мы надеемся пробудить, должны будут собрать воедино разрозненные работы этого труда с целью их критики и синтеза, и прежде всего провести исследования в полевых условиях, проявляя интерес к двуединому ботаническому и этнологическому аспектам полезных растений» (Haudricourt, 1943: 202–203).

В архивах ИМЕС была найдена также информация об интересах Андре-Жоржа Одрикура после публикации книги 1943 г. Например, он занимался вопросом о происхождении европейских злаков. А.-Ж. Одрикур пишет в своей работе о зерновых культурах: «Результаты, изложенные ниже, являются плодом более чем двадцатилетних исследований русского ученого Н.И. Вавилова, к которому я был направлен с миссией в 1934–1935 годах. Экспедиции, проведенные им самим в Персии (1917), Афганистане (1924), Эфиопии (1927) и его сотрудником Жуковским в Турции (1926–30), позволили ему собрать географическую коллекцию зерновых культур (30 000 образцов пшеницы, 8 000 ячменя и т. д.). Эту коллекцию изучал колоссальный научный институт, директором которого он был» (ИМЕС, cote HDR 14.16. — *origine des céréales européennes*).

В 1954 г. в Париже был организован VIII Международный ботанический конгресс, в котором принимал участие и Андре-Жорж Одрикур как этноботаник вместе с другим крупным французским этноботаником Роланом Портером. В ходе работы конгресса, по адресу 75006, 47 rue d'Assas, были организованы следующие этноботанические коллоквиумы:

- 1) Определение области этноботаники;
- 2) Анимизм в его отношениях с растительным миром, особенно с ядовитыми растениями;
- 3) Техники сохранения, приготовления и размещения растительной пищи у первобытного человека;

- 4) Происхождение и миграция культурных растений, особенно наиболее важных с точки зрения продовольствия (IMEC, cote HDR 116 VIIIe Congrès international de botanique).

На этом вклад Андре-Жоржа Одрикура в этноботанику не был исчерпан. 3 августа 1960 г. проводилось заседание рабочей группы секции XII по этноботанике в CNRS. В ходе заседания были даны рекомендации значительно расширить и сделать функциональным общий центр этноботанических исследований и информации в Париже (le centre général d'études et d'informations ethnobotaniques), а также прикрепить к нему лабораторию исследований и идентификации с созданием справочных коллекций. Преподавание этнобиологии, особенно этноботаники, должно вестись непрерывно в некоторых университетах или других учреждениях в странах с умеренным климатом и в тропической зоне для этнологов, ботаников, агрономов и т. д. с целью подготовки компетентных исследователей. Далее, необходимо создание курса базового обучения в Париже при содействии Музея человека, Национального музея естественной истории и факультета естественных наук. Наконец, необходимо создать в Париже международный журнал по этноботанике, содержащий исследования, заметки, информацию и аналитическую библиографию, чтобы компенсировать нынешнюю чрезвычайную разобщенность источников письменной и изобразительной документации (IMEC, cote HDR 122 CNRS — groupe de travail, section XII, ethnobotanique, réunion du mercredi 3 août 1960).

В качестве заключения вновь отметим, что Андре-Жорж Одрикур на момент своей экспедиции в СССР (1934–1935) был молодым ученым, желающим изучить уже довольно популярные во Франции идеи Николая Ивановича Вавилова. Тем не менее, Н.И. Вавилов и А.-Ж. Одрикур общались довольно дружески, этому способствовали и общие научные контакты: так, преподаватели Одрикура, Огюст Шевалье и Виталь Дюкоме, были хорошими коллегами Николая Ивановича. Идеи Вавилова оказали

на Одрикура большое влияние, впоследствии его соображения по этому поводу были выражены в написанной в соавторстве с Луи Эденом книге «Человек и культурные растения», заложившей во Франции основы этноботаники. На этом, однако, не была поставлена точка. Одрикур и в будущем неоднократно обращается к наследию Николая Ивановича Вавилова, и, как нам представляется, тот толчок, который Андре-Жорж Одрикур дал развитию этноботаники во Франции, был бы невозможен без его рецепции трудов Н.И. Вавилова.

Список литературы

Вавилов Н.И. Научное наследие в письмах: международная переписка. Т. 1–6. М.: Наука, 1994–2003. Т. 4: 1934–1935 гг. 2001. 324 с.; Т. 5: 1936–1937 гг. 2002. 478 с.

Brousse C. Le patrimoine génétique de L'Homme et les Plantes cultivées: historiographie d'un ouvrage riche en ancêtres et fécond en héritiers // Le Portique [En ligne], 27 | 2011, document 10, mis en ligne le 04 août 2013, consulté le 20 septembre 2022. Available at: <http://journals.openedition.org/leportique/2550> (date accessed: 18.11.2022).

Gouarné I. Médiation franco-soviétique et reconnaissance académique: retour sur l'itinéraire politico-intellectuel d'André-Georges Haudricourt // Les Français dans la vie scientifique et intellectuelle de l'URSS au XXe siècle. Moscou: IVI RAN, 2013. P. 162–170.

Haudricourt A.-G., Hédin L. L'homme et les plantes cultivées. Paris: Gallimard, 1943. 254 p.

Haudricourt A.-G., Hédin L. L'homme et les plantes cultivées / Ed. A.-M. Métaillé; Préface de Michel Chauvet. Paris, 1987. 181 p.

Haudricourt A.-G. Correspondance Haudricourt/Mauss (1934–1935) // Le Portique [En ligne], 27 | 2011, document 11, mis en ligne le 05 août 2013, consulté le 26 septembre 2022. Available at: <http://journals.openedition.org/leportique/2557> (date accessed: 18.11.2022).

THE RECEPTION OF N.I. VAVILOV'S SCIENTIFIC LEGACY BY ANDRE-GEORGE HAUDRICOURT IN THE CONTEXT OF THE BIRTH OF ETHNOBOTANY IN FRANCE

Elizaveta S. Khablova

postgraduate student,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: samomamo@yandex.ru

André-Georges Haudricourt is an eminent French scientist of the twentieth century. One of the most important works of A.-G. Haudricourt is his book *L'homme et les plantes cultivées* (Man and cultivated plants), written in co-authorship with Louis Hédin. Vavilov, being a friend and teacher of Haudricourt, greatly influenced him. The general scientific contacts also contributed to their collaboration: for example, Haudricourt's professors, Auguste Chevalier and Vital Ducomet were good colleagues of Nikolai Vavilov. Many thoughts for his work Haudricourt drew from his expedition to the USSR in 1934–1955, when he visited the All-Union Scientific Research Institute of Plant Industry, where he worked with Nikolai Vavilov in the laboratory. Furthermore, he was the only French botanist who worked with Nikolai Vavilov in his laboratory in Leningrad. The collaboration between Haudricourt and Vavilov did not stop even after Haudricourt returned to France, they were in regular correspondence. This book has given a great influence on the formation and development of ethnobotany in France. Moreover, even after 1943 (the year of N.I. Vavilov's death and the publication of "Man and cultivated plants") A.-G. Haudricourt was engaged in the development of French ethnobotany, which was directly linked to the diffusion of the Nikolai Vavilov's concepts. André-Georges Haudricourt repeatedly mentions the achievements of Nikolai Vavilov and his Soviet colleagues in his later articles and other writings. Thus, the communication established between Andre-Georges Haudricourt and Nikolai Vavilov led to the establishment of ethnobotany in France as a separate scientific discipline. Of course, this process has been quite long, and it is possible to say that it is ongoing. Nevertheless, it is impossible to deny the influence of Nikolai Vavilov's concepts on the development of Haudricourt's ideas.

Keywords: Ethnobotany, France, André-Georges Haudricourt, Nikolai Vavilov, Man and cultivated plants.

УДК 57(047)+(410)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-43-56

ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СОВЕТСКИХ БИОЛОГОВ С ЛИННЕЕВСКИМ ОБЩЕСТВОМ ЛИОНА

Елена Александровна Ванисова

кандидат биологических наук,
научный сотрудник

Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Москва, Россия;

e-mail: vanisova@ihst.ru

По данным периодических изданий Линнеевского общества Лиона (Société linnéenne de Lyon, Франция) выявлены основные формы взаимодействия советских биологов с обществом, такие как: участие советских биологов в качестве членов общества, их выступления с докладами на заседаниях секций общества в Лионе, публикации в его периодических изданиях, поступления научных трудов от советских биологов, пополняющие фонд библиотеки Линнеевского общества Лиона, и международный обмен изданиями французского общества с научными организациями и обществами СССР, позволяющий информировать зарубежных коллег о развитии науки во Франции и в Советском Союзе. Основные контакты советских биологов с Линнеевским обществом Лиона пришлись на 1920–1930-е годы.

Ключевые слова: советско-французское научное сотрудничество, Линнеевское общество Лиона, биологи, СССР, Франция, международный книгообмен.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00564.

Линнеевское общество Лиона (*Société linnéenne de Lyon, SLL*), одно из старейших естественнонаучных обществ в мире, в 2022 г. празднует свое 200-летие. В 1822 г. французских натуралистов объединила общая цель «ускорить достижения естественной истории» (Roux, 1924: 45), и все последующие годы общество выполняло благородную миссию «способствовать прогрессу естественных наук» и «развивать вкус к естественным наукам» (Roux, 1924: 47). Не удивительно, что деятельность SLL заинтересовала натуралистов во всем мире и российских биологов.

Взаимодействия российских (советских) биологов с SLL рассмотрены по данным периодических изданий SLL: “*Annales de la Société linnéenne de Lyon*” (издавалось по 1936 г.), “*Bulletin bi-mensuel de la Société linnéenne de Lyon*” (издавалось в 1922–1931 гг.) и “*Bulletin mensuel de la Société linnéenne de Lyon*” (выходит с 1932 по настоящее время).

Сотрудничество российских биологов и SLL началось в 1847 г., когда членом общества стал выдающийся естествоиспытатель немецкого происхождения Григорий Иванович (Иоганн Готтхельф) Фишер фон Вальдгейм (1771–1853) (Tableau ..., 1850: X). За длительную историю общества его членами были многие российские ученые. В советский период членами SLL с адресами из СССР числились 24 человека и 4 организации (Табл. 1). Для сравнения: за этот же период членами Французского ботанического общества отмечены только 12 чел. с указанием на СССР (Charpin, Timbal, 2007).

К концу 1922 г. SLL — «самое многочисленное и самое влиятельное из всех подобных Обществ в мире», и из 1 680 членов общества только 1 был из СССР (Roux, 1924: 35). Это Борис Алексеевич Федченко (1872–1947), ботаник, систематик высших растений, географ, гляциолог. С него началось участие в SLL многих советских ботаников, прежде всего из Главного ботанического сада РСФСР, ставшего позже Ботаническим институтом АН СССР (Ленинград).

Таблица 1

Члены Линнеевского общества Лиона (Société linnéenne de Lyon, France) из СССР (по данным периодических изданий «Annales de la Société linnéenne de Lyon» (1922–1936), «Bulletin bi-mensuel de la Société linnéenne de Lyon» (1922–1931) и «Bulletin mensuel de la Société linnéenne de Lyon» (1932–1992))

№	Члены SLL из СССР	Краткая характеристика	Описание в периодических изданиях SLL (орфография сохранена)	Годы участия в качестве члена SLL (указание в списках членов SLL)
1	Федченко Борис Алексеевич (1872–1947)	ботаник, систематик высших растений, географ, гляциолог	FEDTSCHENKO (prof. Boris), botaniste en chef au Jardin botanique principal, Petrograd (Russie). <i>Botanique</i>	1922–1929
2	Павлова Мария Васильевна (1854–1938)	первая в России женщина-палеонтолог, палеозоолог	PAVLOV (M ^{me} Marie), professeur de paléontologie, Institut géologique, Université, Moscou (Russie). <i>Paléozoologie (Mammifères)</i>	с 1925 пожизненный член («membre à vie»)
3	Наумов Николай Александрович (1888–1959)	ботаник-миколог, основоположник фитопатологии в СССР	NAUMOV (Nicolas), professeur à l'Université, 29, Perspective Anglaise, Pétrograd (Russie), <i>Mycologie (Mucorinées, g. Fusarium, Parasites des céréales). Phytopathologie</i>	1924–1927
4	Шелюзко Лев Андреевич (1890–1969)	энтомолог, лепидоптеролог	SHELJUZHKO (Leo), Lvovskaja 45, Kiev (Russie), <i>Lépidoptères</i>	1924–1927
5	?	энтомолог, лепидоптеролог	WEIDINGER (Th.), Zhilanskaja 90, Kiev (Russie). <i>Lépidoptères</i>	1924–1925
6	?	орнитолог	EZERSKIJ (P.), Kridrjavskij proulak 6, Kiev (Russie). <i>Ornithologie</i>	1924–1925
7	Ячевский Артур Артурович (1863–1932)	ботаник, миколог, фитопатолог	JACZEWSKI (Arthur de), directeur de l'Institut de Mycologie et Pathologie végétale, 29, Perspective Anglaise, Petrograd (Russie)	1924

№	Члены SLL из СССР	Краткая характеристика	Описание в периодических изданиях SLL (орфография сохранена)	Годы участия в качестве члена SLL (указание в списках членов SLL)
8	Курсанов Лев Иванович (1877–1954)	ботаник, миколог и альголог	KOURSSANOV (Prof. L.), Institut botanique de l'Université, Moscou (Russie). <i>Morphologie et Cytologie des Algues et des Champignons, Phytopathologie</i>	1924–1936, возможно, и дольше
9	Вальтер Оскар Антонович (1884–1941)	ботаник, специалист в области анатомии и физиологии растений	WALTHER (Prof. O.), Laboratoire de Physiologie végétale de l'Institut Pédagogique, Malaja Possadskaja, 26, Leningrad (Russie), <i>Anatomie et Physiologie végétales</i>	1924–1929
10	Дерюгин Константин Михайлович (1878–1938)	зоолог, гидробиолог, океанолог	DERJUGIN (D ^r K.), professeur de zoologie à l'Université, Léningrad (U. R. S. S.)	1924–1925, с 1926 постоянный почетный член («membre honoraire perpétuel»), 2004
11	Гордягин Андрей Яковлевич (1865–1932)	геоботаник, эколог и физиолог растений, почвовед	GORDIAGUINE (D ^r A.), professeur à l'Université, Kazan (Russie). Géographie botanique de la Russie orientale	1924–1926, с 1927 пожизненный член («membre à vie»), 1936
12	Козо-Полянский Борис Михайлович (1890–1957)	ботаник-географ, специалист в области систематики и морфологии растений, флористики	KOZO-POLIANSKI (D ^r Boris), professeur à l'Université, Voronege (Russie). <i>Botan., Ombellifères du globe</i>	1924–1926, с 1927 пожизненный член («membre à vie»), 1962
13	Толмачев Александр Иннокентьевич (1903–1979)	специалист в области ботанической географии, систематики растений и флористики	TOLMATSCHOFF (Alexandre), Jardin botanique principal, Leningrad (Russie)	1925–1927

№	Члены SLL из СССР	Краткая характеристика	Описание в периодических изданиях SLL (орфография сохранена)	Годы участия в качестве члена SLL (указание в списках членов SLL)
14	Базилевская Нина Александровна (1902–1997)	ботаник-географ, систематик дикорастущий и культурных растений	BASILEVSKAIA (M ^{lle} Nina), Jardin botanique principal, Leningrad (Russie)	1925–1936, возможно, дольше, но нет в списке 1962
15	Бобров Евгений Григорьевич (1902–1983)	ботаник-географ, флорист-систематик, специалист в области морфологии и эволюции хвойных растений	BOBROFF (Eugène), Jardin botanique principal, Leningrad (Russie)	1925–1929
16	Плавильщиков Николай Николаевич (1892–1962)	зоолог широкого профиля, крупнейший в мире специалист по систематике и фаунистике жуков-усачей (Cerambycidae)	PLAVILSTSHIKOV (Nicolas), dir. du Labo. biolo. du Technikum de l'Industrie, Taganka, Tovaristsheskij per. 20, kv. 5, Moscou (Russie). <i>Entom. gén. Coléo., Zoogéogr., Biolo.</i>	1926, с 1927 пожизненный член («membre à vie»)
17	Федченко Анастасия Парфентьевна	жена Б.А. Федченко, область интересов — «фотография применительно к естественным наукам»	FEDTSCHENKO (M ^{me} Anastasie), Jardin botanique, Leningrad (Russie), <i>Photographie appliquée aux sciences naturelles</i>	1928–1929
18	Непорожнева Вера Михайловна (1881–1943)	краевед	NIEPOROSHNEFF (M ^{me} Vera), 8, rue Plekhanoff, Leningrad (Russie), <i>Phytogéographie locale</i>	1928–1929
19	Фонвиллер Пауль (?)	физиолог	VONWILLER (Prof. Paul), Inst. de recherches physiolo., Nikolshaya, 9 (Moscou). <i>Struc. du protopl., Color. vitale des Protozoaires et de l'œil humain, Inject. vascul. sangu. et lymphat., Prépar. à la corrosion, Ostéol.</i>	с 1932 пожизненный член («membre à vie»), но нет в списке 1962

№	Члены SLL из СССР	Краткая характеристика	Описание в периодических изданиях SLL (орфография сохранена)	Годы участия в качестве члена SLL (указание в списках членов SLL)
20	Тарноградский Давид Абрамович (1891–1974)	зоолог, Владикавказ	M. Tarnogradsky (Prof. D. A.), 9, rue de Borodine, Ordjani Ridsé (U. R. S. S.). <i>Biologiei</i>	1935–1936, возможно, дольше, но нет в списке 1962
21	Любименко Владимир Николаевич (1873–1937)	ботаник, интересовался вопросами физиологии, адаптации, эволюции, экологии растений	M. Lubimenko (Vladimir-Nicolaievicz), Institut botanique de l'Académie des Sciences, 2, rue Pessoczvraia, Leningrad 22 ^e (U. R. S. S.), <i>Botanique, Physiologie de l'Adaptation</i>	1935–1936, возможно, дольше
22	Палладин Александр Владимирович (1885–1972)	биохимик	M. Palladin (Alexandre-Vladimirovich), 54, rue Korolenko Kieff (U. R. S. S.), <i>Physiologie, Chimie physiologique</i>	1935–1936, возможно, дольше, но нет в списке 1962
23	Келлер Борис Александрович (1874–1945)	биолог, геоботаник, почвовед, специалист в области экологии растений	M. Keller (Boris-Alexandrovicz), Institut botanique de l'Académie des Sciences, 2, rue Pessocznaia, Leningrad, 22e (U. R. S. S.), <i>Ecologie végétale</i>	1935–1936, возможно, дольше
24	Залесский Михаил Дмитриевич (1877–1946)	палеоботаник и палеозонтолог	ZALESKY, prof., M. D., Orel (U. R. S. S.)	1935–1936, возможно, дольше
25	Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина		Gosud. Bibliotheka S.S.S.R. im Lenina, Moskva, U.R.S.S.	с 1950, но нет в списке 1962
26	Библиотека республиканской Академии наук — Азербайджанской ССР		Biblioteka Akademii Nauk, Kommunisticheskaja, 10, Baku, U.R.S.S.	1958–1962, возможно, дольше
27	Владимирский совнархоз, совет народного хозяйства Владимирского экономического административного района		Vladimizskij Sovnazhoz, Ul Lunachazskogo 3, Vladimiz, Ohl, U.R.S.S.	с 1958, 1962

№	Члены SLL из СССР	Краткая характеристика	Описание в периодических изданиях SLL (орфография сохранена)	Годы участия в качестве члена SLL (указание в списках членов SLL)
28	Всесоюзный Институт научной и технической информации Государственного комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР (ВИНИТИ)		Filial Biblioteki akademii, Nauk SSSR, Baltijskaja Ul. 14, (U.R.S.S.) Moscou D-219; Filial Biblioteki Akademii Nauk S.S.S.R., Baltijskaja ul. 14, Moskva A-219 (U.R.S.S.)	1960–1962, 1970, возможно, дольше

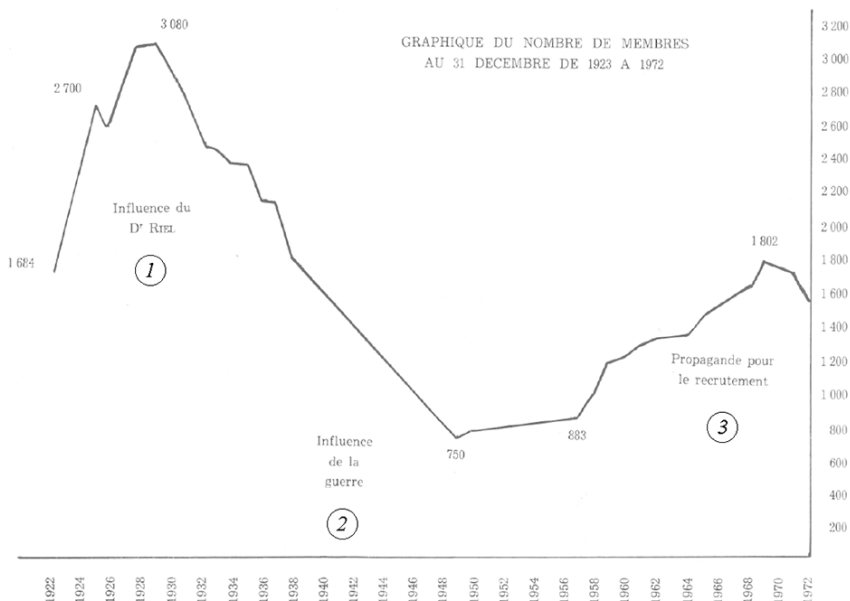

Рис. 1. Изменение числа членов Линнеевского общества Лиона в 1922–1972 гг. (по: Tchijevsky, 1973: 71). 1 — влияние Dr Riel, 2 — влияние войны, 3 — активное привлечение новых членов

Чтобы стать членом SLL, ученые должны быть представлены двумя действующими членами общества на одном из его общих заседаний. Бориса Федченко представлял Филибер Риель

(Philibert Riel, 1862–1943), пожизненный почетный Президент SLL, натуралист широкого профиля. Он разослал сотню рукописных писем ученым и основным научным обществам по всему миру, рассказывая подробно о SLL и призывая стать членом этого общества (Josserand, 1944: 36). Благодаря его усилиям по привлечению новых членов состав SLL увеличился до более чем 3 тыс. чел. из 53 стран (Josserand, 1944; Tchijevsky, 1973: 71). Без сомнения, эта рассылка Ф. Риеля способствовала привлечению внимания и многих российских натуралистов к SLL и их членству в обществе. Он вел переписку и с Б.А. Федченко в 1922–1924 гг. (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 810. Оп. 3. Д. 876).

Из всех советских биологов — членов SLL Б.А. Федченко принимал наиболее активное участие в SLL. Позже он сам уже представлял своих коллег, советских ботаников, на заседаниях SLL для их избрания в качестве членов общества. Ботаники преобладали среди членов SLL из СССР, но были и специалисты из других областей (табл. 1). При этом их статус в обществе был разным. Все члены SLL должны платить членские взносы. Чтобы получить статус «пожизненный член» (“membre à vie”), нужно одновременно оплатить членский взнос в десятикратном размере, и в двадцатикратном — для получения статуса «постоянный почетный член» (“membre honoraire perpétuel”), причем для иностранных членов эта сумма еще больше (Partie ..., 1929: 3).

Во второй половине XX в. членами SLL стали четыре организации из СССР (табл. 1). Нужно быть членом SLL, чтобы получать *Bulletin*. Все члены SLL получали периодические издания общества и из них узнавали о развитии естественных наук во Франции и за ее пределами.

Проследить, как долго советские биологи были членами SLL, затруднительно. Особенно после 1936 г., когда перестал издаваться *Annales*, где ежегодно публиковались полные списки действующих членов SLL. В *Bulletin* информация о членах появляется

только при их первом представлении административному совету и голосовании об их вхождении в общество.

Многие советские биологи были членами SLL относительно короткое время. Сведения о новых биологах в SLL из СССР не появлялись в периодических изданиях общества после 1935 г. и до конца советского периода. Отчасти это может быть обусловлено затруднениями с международным переводом в SLL членских взносов, которые отмечались неоднократно. К ним президент SLL в своем отчете относит «регламенты, запреты, компенсационные конторы и др.» (Josserand, 1936: 2). Члены SLL, не оплатившие членские взносы, исключаются из общества. Снижение числа советских биологов в составе SLL может быть связано с общей тенденцией изменения числа членов SLL (рис. 1). Как мы знаем, начинались годы сталинских репрессий, что, вероятно, и стало одной из причин ослабления связей между советскими биологами и SLL. Похожую ситуацию мы наблюдаем во Французском ботаническом обществе: члены из СССР вступали в общество по 1935 г., а позже уже не значатся (Charpin, Timbal, 2007). Негативное влияние оказала Вторая мировая война. За годы была утеряна нить личных контактов между советскими биологами и действующими членами SLL. К тому же французский язык перестал быть основным языком науки.

Заметной формой сотрудничества было участие советских биологов на заседании ботанической секции SLL 26 апреля 1927 г., где выступили Б.А. Федченко с докладом на французском языке о флоре высокогорья Южного Урала (*"Florule de la région alpine de l'Oural méridional"*) и Е.Г. Бобров — о растительных поясах Южного Урала (*"Les étages végétatifs de l'Oural du Sud"*) (Partie ..., 1927: 58). Биологи из СССР больше никак не отмечены на заседаниях, выставках или экскурсиях SLL, которые были для них почти недоступны. Иностранные члены в целом редко принимали участие в мероприятиях SLL, проводимых в Лионе и других городах Франции (Josserand, 1935: 20).

В периодических изданиях SLL советские биологи тоже почти не публиковались. Первой такой работой биолога из СССР (если не считать эмигрантов) стала статья Б.А. Федченко по материалам доклада о результатах ботанических исследований в высокогорных районах Урала в период 1891–1926, 10 из 75 видов сосудистых растений указаны впервые (Fedtschenko, 1927). В 1928 г. вышла большая статья Е.Г. Боброва по теме доклада, где представлены результаты экспедиции, организованной летом 1926 г. Главным ботаническим садом СССР на юго-восток европейской части России для фитогеографических наблюдений (Bobroff, 1928). Других научных публикаций советских биологов в изданиях SLL не выявлено.

SLL и его *Bulletin* служит своеобразной платформой для взаимодействия биологов из разных стран. Помимо опубликования результатов своих исследований, члены общества могли размещать объявления в специальном разделе “Échanges, offres et demandes” журнала. Так, Б.А. Федченко в объявлениях предлагает в обмен гербарные растения из России и Центральной Азии (Partie ..., 1924: 70) и, подготавливая курс по экономической ботанической географии, запрашивает информацию у своих иностранных коллег о полезных растениях родом из их стран, с приблизительным указанием экономической ценности этих растений, и взамен полученных открыток с растительными пейзажами, ценными или примечательными растениями предлагает открытки Главного ботанического сада или с пейзажами Центральной Азии (Partie ..., 1925: 24).

Значительная доля советско-французского сотрудничества была связана с библиотекой SLL. Ее фонд пополняется за счет получения в дар изданий от членов общества, регулярной покупки изданий и в результате обмена изданиями с научными организациями и обществами. Так, в 1929 г. в *Bulletin* в разделе пожертвований библиотеке “Don à la Bibliothèque” появилась заметка с благодарностью дарителю — “Professeur A. GORDIAGUINE, Sonderabdruck aus «Beihefte zum Botanischen Centralblatt», B.XLVI

(1929).” (Ordre ..., 1929: 99). Речь о работе А.Я. Гордягина “Über die winterliche Transpiration einiger Holzgewächse Ostrusslands” (О зимней транспирации некоторых древесных растений востока России), специальное издание он передал в библиотеку SLL. В 1929 г. в библиотеку SLL поступило двухтомное издание на французском языке “Traité de botanique générale” В.Н. Любименко (Lubimenko, 1927) — переводная версия «Курса общей ботаники», опубликованного в 1923 г. более чем в 1000 страниц. Про эту работу В.Н. Любименко вышла заметка в *Bulletin* в разделе “Bibliographie” (Josserand, 1929: 18–19), где отмечается, в частности, высокая проработка разделов по физиологии и экологии. В 1941 г. фонд библиотеки SLL пополнила книга Н.А. Наумова “Clés des Mucérinées” (Naumov, 1939), обзор которой также был опубликован на страницах *Bulletin* (Josserand, 1941: 15–16). В основу переводной книги легло издание Н.А. Наумова «Определитель муконовых (mucorales)» 1935 г.

Библиотека SLL обменивала свои периодические издания на издания многих научных организаций и обществ мира. В разные годы она вела обмен с более чем 15-ю организациями СССР. Среди них, например, Главный ботанический сад СССР, Русское ботаническое общество, Русское энтомологическое общество (Liste ..., 1932: 12), Библиотека Академии наук Азербайджанской ССР, Библиотека Академии наук СССР, Никитский ботанический сад, Туркестанское научное общество, Среднеазиатский университет (Ташкент), Тифлисский Ботанический институт, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (Liste ..., 1935: XV), Московское общество испытателей природы (Bibliothèque ..., 1955: 210). Такой обмен изданиями позволял регулярно информировать зарубежных коллег о развитии науки и достижениях французских и советских биологов.

Сотрудничество советских биологов с SLL было скромным, он ограничен преимущественно 1920–1930-ми гг. Лишь немногие члены SLL из СССР (как Б.А. Федченко и Е.Г. Бобров) принимали участие в деятельности общества и его публикациях.

Прямых связей было мало, советские биологи почти не участвовали в мероприятиях SLL. Этого было недостаточно, но все же полезно для обеих сторон. Значимым было взаимодействие SLL с советскими организациями и обществами в рамках международного книгообмена. Сотрудничество биологов из СССР с Линнеевским обществом Лиона — хороший пример советско-французских научных связей.

Список литературы

Tableau de la Société linnéenne de Lyon 1849 // Ann. Soc. linn. Lyon. 1850. Tome 2. Années 1847–1849. P. V–XIV.

Partie administrative // Bull. bi-mens. Soc. linn. Lyon. 1924. 3e année. № 9. P. 65–71.

Partie administrative // Bull. bi-mens. Soc. linn. Lyon. 1925. 4e année. № 3. P. 17–24.

Partie administrative // Bull. bi-mens. Soc. linn. Lyon. 1927. 6e année. № 8. P. 57–59.

Ordre de la séance générale du mardi 10 septembre 1929. Section Mycologique. Groupe de Roanne. Bibliographie. Échanges, offres, demandes // Bull. bi-mens. Soc. linn. Lyon. 1929. 8e année. № 13. P. 93–99.

Partie administrative // Bull. bi-mens. Soc. linn. Lyon. 1929. 8e année. № 1. P. 1–4.

Liste des établissements et sociétés scientifiques avec lesquels nous échangeons nos publications (“Annales” et “Bulletin mensuel”) // Bull. mens. Soc. linn. Lyon. 1932, 1e année. № 1. P. 8–13.

Liste des établissements et sociétés scientifiques échangeant leurs publications avec la Société linnéenne de Lyon // Ann. Soc. linn. Lyon. 1935. Tome 78. Année 1934. P. VII–XV.

Bibliothèque: Liste des institutions, sociétés et groupements échangeant leurs publications avec les nôtres // Bull. mens. Soc. linn. Lyon. 1955. 24e année. № 8. P. 203–210.

Bobroff E.G. Les étages végétatifs de l’Oural du sud // Ann. Soc. linn. Lyon. 1928. Tome 73. Années 1926–1927. P. 60–68.

Charpin A., Timbal J. Liste des membres de la Société botanique de France de son origine (1854) à 2003 (150 ans) // Acta Botanica Gallica. 2007. Vol. 154. № 3. P. 423–492.

Fedtschenko B. Florule de la région alpine de l’Oural méridional // Bull. bi-mens. Soc. linn. Lyon. 1927. 6e année. № 11. P. 83–86.

Josserand M. Bibliographie. Analyse du "Traité de botanique générale" de M. V. Lubimenko traduit du russe par Mlle A. Goukov. Mycologie: Brandza M., Kuhner R. // Bull. bi-mens. Soc. linn. Lyon. 1929. 8e année. № 3. P. 18–20.

Josserand M. À nos collègues // Bull. mens. Soc. linn. Lyon. 1935. 4e année. № 2. P. 19–21.

Josserand M. Rapport annuel du Président // Bull. mens. Soc. linn. Lyon. 1936. 5e année. № 1. P. 2–3.

Josserand M. Bibliographie. N.A. Naumov, Clés des Mucorinées. Traduction de S. Bruchet et I. Mouraviev, Paris, 1939, P. Lechevalier // Bull. mens. Soc. linn. Lyon. 1941. 10e année. № 1. P. 15–16.

Josserand M. Dr. Philibert Riel (5 juillet 1862 – 26 décembre 1943). Liste des notes publiées par le Dr. Ph. Riel // Bull. mens. Soc. linn. Lyon. 1944. 13e année. № 3. P. 33–40.

Lubimenko V.N. Traité de botanique générale. Traduit du russe, par Mlle Anna Joukov. Revu par MM. Ferdinand Lot, J. Friedel. Paris, Gauthier-Villars et Cie, 1927. 1er vol. X, 520 p.; 2e vol., p. 521–1227.

Naumov N.A. Clés des mucérinées (mucorales). Trad. sur la 2e ed. russe avec des notes additionnelles de l'aut., par S. Buchet, I. Mouraviev; Pref. de m. le prof. Pierre Allorge. Paris, Lechevalier, 1939. 137 p.

Roux C. Historique de la Société linnéenne de Lyon pendant le premier siècle de son existence (1822–1922) // Ann. Soc. linn. Lyon. 1924. Tome 70. Année 1923. P. 1–54.

Tchijevsky G. Administration de la société // Bull. mens. Soc. linn. Lyon, spécial hors série. 1973. 42e année. № 4. P. 63–79.

FORMS OF COOPERATION BETWEEN SOVIET BIOLOGISTS AND THE LINNEAN SOCIETY OF LYON

Elena A. Vanisova

PhD in Biology, Researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: vanisova@ihst.ru

The paper examines the main forms of interaction between the Soviet biologists and the Linnean Society of Lyon (*Société linnéenne de Lyon*, France) as an example of Soviet–French scientific cooperation. The main forms of this cooperation were identified on the basis of the analysis of periodicals published by the Linnean Society of Lyon (SLL): (1) Soviet biologists' membership in SLL (24 individuals and 4 organisations were listed as SLL members during the Soviet period, with their addresses in the USSR); (2) scientific presentations at the meetings of SLL's sections in Lyon and publications in SLL's periodicals (Soviet botanists B.A. Fedtschenko and E.G. Bobroff); (3) the books authored by Soviet biologists, that were occasionally received by SLL's library (the books by A.Y. Gordiaguine, V.N. Lubimenko, and N.A. Naumov were mentioned); and (4) SLL's exchanging its publications for those from scientific organisations and societies in the USSR, which allowed informing foreign colleagues about the development of science in France and the Soviet Union, respectively (over the years, SLL exchanged periodicals with more than 15 Soviet organisations and societies).

The contacts between the scientists from the USSR and SLL mostly occurred in the 1920s–1930s. Direct contacts were few and Soviet biologists participated very little in the Society's activities and publications. Even though not enough, it was still helpful for both parties in this international cooperation. As regards international book exchange, the cooperation between the SLL and Soviet scientific organisations and societies in this area was significant.

Keywords: Soviet-French scientific cooperation, Linnean Society of Lyon, *Société Linnéenne de Lyon*, biologists, USSR, France, international book exchange.

УДК 001.583.(100)(047)+(437)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-57-69

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛАВАЦКИЕ НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ 1948–1991 ГГ.: РОЛЬ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Михаил Владимирович Ковалев

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории
Российской академии наук,
старший научный сотрудник
Архива Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: kovalevmv@yandex.ru

Статья посвящена анализу роли неформальных связей ученых в развитии советско-чехословацких научных коммуникаций второй половины XX в. Начало складывания разветвленных и регулярных личных контактов между учеными двух стран связано с периодом Оттепели. В это время начинают активно развиваться институциональные связи, оформляются совместные программы исследований, возрастает мобильность ученых. Официальные научные коммуникации между исследователями неразрывно переплетались с неформальными, что выражалось как в налаживании переписки, так и в личном общении, как в коллегиальном сотрудничестве, так и в близкой дружбе. Анализ неформальных контактов советских и чехословацких ученых дает возможность утверждать, что они играли весьма значительную роль в развитии двусторонних интеллектуальных связей, порой куда большую, чем задаваемые сверху формы научного диалога. Хотя эти контакты были вынуждены вписываться в официальное поле «социалистической науки» и определенные идеологические рамки, они очень часто выходили за границы этих самых рамок.

Ключевые слова: СССР, Чехословакия, международные научные связи, коммуникативное поле науки, формальные и неформальные связи ученых.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-78-10053.

Развитие российско-чешских и российско-словацких научных связей имеет давнюю историю. Их содержание менялось неоднократно в зависимости от политического контекста. В XX в. эти связи обрели новое измерение. Включение Восточной Европы в орбиту советского политического влияния после Второй мировой войны предопределило складывание особых научных коммуникаций между Чехословакией и Советским Союзом. С одной стороны, этим связям был придан официальный, но одновременно идеологизированный характер. С другой стороны, они стали регулярными и разветвленными. Наука, как известно, представляет собой широкое коммуникативное поле. Потому одновременно с официальными каналами связей складывались и неформальные. Представленная статья являет собой первую, довольно обзорную, попытку подойти к глубокому изучению этой темы.

Судя по известным источникам, складывание широкой сети личных контактов между советскими и чехословацкими учеными относится ко второй половине 1950-х гг. и напрямую увязывается с Оттепелью. Именно в это время начинают активно развиваться институциональные связи и оформляться совместные программы исследований. Возрастает мобильность советских ученых. Хотя она по-прежнему была серьезно ограничена бюрократическими и идеологическими преградами, многие ученые получают возможность увидеть своими глазами внешний мир, пусть даже в рамках социалистического лагеря. Для советских ученых Чехословакия служила своеобразным «окном в Европу». Именно так назвал ее выдающийся археолог Н.Я. Мерперт. Впервые он побывал там в 1959 г. как участник международного симпозиума «Европа в конце каменного века» и сохранил воспоминания об этой поездке на всю жизнь (Мерперт, 2011: 199–213).

В первое послевоенное десятилетие Чехословакию посещали, как правило, либо гранды советской науки (П.Н. Третьяков), либо идеологические посланники (А.Л. Сидоров). Причем визиты эти были эпизодическими. Это же можно сказать о приездах чехословацких ученых в СССР (Franc, 2009). Со второй половины 1950-х гг. возможность посетить Чехословакию получили уже большое число советских исследователей, в том числе представителей молодого поколения. Одновременно заметно возрастает число чехословацких стажеров в СССР, что отчетливо видно по материалам Иностранного отдела Управления Президиума Чехословацкой академии наук (Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (MÚ a AAV ČR). Fond 105. Zahraniční odbor Úřadu presidia ČSAV). Среди советских ученых складывается круг лиц, которые узнавали Чехословакию изнутри, стремились понять местную жизнь, особенности культуры, традиций, менталитета. В тесных контактах с чехословацкой средой сформировалась большая группа авторитетных советских славистов: И.В. Иванов (Игорь Инов), Л.С. Кишкин, Л.П. Лаптева, В.В. Марьина, И.И. Орлик, И.М. Порочкина и др.

Рис. 1. Встреча делегаций АН СССР и Чехословацкой АН. 1964 г.
(АРАН. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 88. Л. 1)

Помимо университетских аудиторий, лабораторий, архивов и библиотек, своеобразным местом неформального сближения советских гостей Чехословакии с местными коллегами становились многочисленные кабачки и ресторанчики, в которых не только рекой лилось пиво, но и велись оживленные дискуссии о науке, культуре, политике, что было трудно представить в аналогичных немногочисленных заведениях Советского Союза. Чехословацкий африканист Й. Полачек после «пивного» знакомства с советским коллегой Г.А. Нерсесовым направил тому в мае 1967 г. памятную открытку с изображением колоритного пражского кабачка: «В память дружеской встречи “У Лиски Быстроушки”»

Рис. 2. Пражский кабачок «У Лиски Быстроушки». Открытка, посланная Й. Полачком Г.А. Нерсесову. 3 мая 1967 г. (АРАН. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 143. Л. 1)

(Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1797. Оп. 1. Д. 143. Л. 1). Завсегдатай пражских пивных социолог Борис Андреевич Грушин (1929–2007), работавший в Чехословакии в 1962–1965 и 1977–1981 гг., написал о них целое фольклорно-социологическое исследование (Грушин, 2020).

Разумеется, в Чехословакию продолжали ездить «генералы» советской науки, вроде К.В. Островитянова, П.Н. Федосеева и И.И. Минца. Их принимали на высшем уровне, награждали орденами и избирали иностранными членами Академии. Однако круг их личных знакомств был предельно ограничен партийными функционерами и идеологами. Показательно, что в личном фонде К.В. Островитянова сохранились его многочисленные отчеты, доклады, выступления о «нерушимой дружбе» СССР и Чехословакии, но почти нет писем от чехословацких корреспондентов (АРАН. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–4; Д. 316. Л. 1; Д. 366. Л. 1–2).

При анализе личных контактов ученых нельзя сбрасывать со счетов роли международных конференций и семинаров, которые становились особыми коммуникативными площадками. З.В. Удальцова писала профессору М. Пауловой в феврале 1957 г. в преддверии проведения в Праге конференции византиноведов из социалистических стран: «Я думаю, что наша личная встреча в Праге принесет очень много пользы для развития и укрепления самого тесного и дружеского сотрудничества между учеными СССР и Чехословакии» (MÚ a AAV ČR. Fond 386. Milada Paulová. Kart. 11. Inv. č. 483). Помимо самой столицы важнейшей площадкой стал городок Либлице, в котором находилась база Чехословацкой академии наук, что предопределяло проведение там многочисленных международных научных мероприятий.

Отдельно стоит упомянуть опыты туристических поездок советских ученых в Чехословакию, во время которых им удавалось заодно повидаться с друзьями и коллегами. Например, балканист М.М. Фрейденберг, отправившийся вместе с супругой в поездку по Чехословакии и Венгрии в апреле-мае 1979 г., использовал ее и для встречи в Праге со своими коллегами, известными

учеными–историками В. Гроховой и М. Грохом (Государственный архив Тверской области. Ф. 1981. Оп. 1. Д. 50. Л. 3, 5).

Рис. 3. В.А. Артисевич на конференции в Праге. 14 февраля 1964 г.
(Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-3642. Оп. 1.
Д. 68. Л. 6)

Помимо живого общения важнейшую роль в системе коммуникаций играла личная и деловая переписка. Правда, тут не обходилось без тонкостей, поскольку в условиях идеологического контроля не каждую мысль можно было доверить бумаге. Хотя международная почтовая связь развивалась, письма нередко не доходили до адресата, что порождало сбои в общении. В августе 1959 г. химик С.Р. Рафиков сообщал своему коллеге О. Вихтерле, что почта потеряла посланное из Праги письмо, а вместе с ним — отпечаток статьи и образец полиамида, срочно необходимый для текущей научной работы (АРАН. Ф. 2056. Оп. 1. Д. 200. Л. 1). Переписка ученых разбросана по разным архивам, что нередко заставляет собирать сложную документальную мозаику. Правда, и архивы далеко не всегда в полной мере репрезентативны. Й. Мацек, одна из ключевых фигур в чехословацкой послевоенной историографии, уничтожил почти всю личную

переписку. В академический архив попала лишь мизерная часть его документального наследия (MÚ a AAV ČR. Fond 360. Masek Josef). Между тем доподлинно известно о фактах разветвленных контактов Й. Мацека с советскими историками.

Рис. 4. Д.С. Коржинский во время геологической экскурсии по Чехословакии. Сентябрь 1963 г. (АРАН. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 50. Л. 2)

Телефонная связь включается в развитие личных контактов между учеными далеко не сразу и вплоть до распада СССР не играет значительной роли. Это было связано как с целым рядом технических трудностей, так и с ограниченным числом домашних телефонных аппаратов в СССР, сложностями заказа международных переговоров в пунктах связи.

Примечательные свидетельства о неформальных контактах ученых находим в многочисленных мемуарных текстах. Теплые впечатления о встречах с советскими коллегами доносят воспоминания ботаника и эколога Я. Чержовского, одного

из зачинателей природоохранного движения в Чехословакии и активного участника Международного союза охраны природы в 1960–1990-е гг. (Čeřovský, 2014). Многочисленные примеры дружеских, неформальных связей с советскими учеными, в особенности с Ю.М. Лотманом, находим в воспоминаниях литературоведа Р. Паролека (Parolek, 2013). Правда, мемуарные тексты далеко не всегда являются надежными путеводителями по миру межличностных контактов. Так, в известной книге одного из идеологов Пражской весны, экономиста О. Шика «Весеннее возрождение» почти нет места его частной жизни. В повествовании она оказывается заслонена описанием бурных политических событий, участником и творцом которых был автор (Шик, 1991). Между тем в мемуарах его советского коллеги Р.Н. Евстигнеева, напротив, много места уделено дружбе ученых: «У нас сложились неформальные, дружеские отношения, вскоре мы перешли на “ты”. <...> Но особенно мне было интересно узнавать из первых уст о текущих событиях в стране, о нарождавшейся оппозиции, о расстановке сил. И, главное, о содержании проектов реформ, о первых в социалистическом лагере попытках совместить на практике план и рынок, сделать социалистическую экономику более эффективной и привлекательной» (Евстигнеев, 2006: 110).

Можно с уверенностью утверждать, что личные контакты порой позволяли если не инициировать и продвигать совместные исследовательские проекты, то, во всяком случае, заметно усиливать интеллектуальный обмен. Это отчетливо видно на примере совместного масштабного биохимического проекта «Обратная транскриптаза (ревертаза)» в 1970-е гг. под руководством академика В.А. Энгельгардта, участники которого выдвигались на Нобелевскую премию (АРАН. Ф. 1960. Оп. 1. Д. 278. Л. 32–36). Известный советский библиотечный деятель, многолетний директор Научной библиотеки Саратовского государственного университета В.А. Артисевич благодаря своему интеллектуальному обаянию, смешанному одновременно с напористым характером, сумела завязать крепкие личные связи с чешскими и словацкими библиотечными

деятелями, например, с главой Матицы Словацкой Ю. Пашкой (Отдел рукописей РГБ. Ф. 794. Карт. 1. Д. 35; Л. 1–2; Д. 53. Л. 1–2; Д. 63. Л. 1–3; Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-3642. Оп. 1. Д. 68. Л. 4–6; Научно-методический кабинет Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич Саратовского государственного университета. М 7742). Это давало возможность наладить обмен научной литературой, развивать языковые курсы и вообще расширять границы международного общения в условиях «закрытого города», которым являлся в ту пору Саратов.

Вряд ли возможно в полной мере классифицировать и систематизировать личные контакты ученых. Они имели разную устойчивость и динамику, разную степень близости и доверительности. Общение одних ученых ограничивалось эпизодическим обсуждением конкретных научных вопросов или дежурными поздравительными открытками, в других же случаях оно превращалось в многолетнюю и крепкую личную дружбу. Действительно, не всякое личное или эпистолярное знакомство перерастало в теплые, доверительные и дружеские отношения на протяжении долгих лет. Пример тому — активное эпистолярное общение между энтомологами Д. Повольным и Б.Б. Родендорфом. В личном архиве советского ученого сохранились обширные материалы их переписки с января 1958 по декабрь 1969 г. (АРАН. Ф. 2012. Оп. 1. Д. 53. Л. 14–104). Хотя сообщения обычно были пространного содержания, но носили исключительно деловой характер. Лишь изредка в них проникали личные мотивы, да и то обычно связанные с пожеланием здоровья близким.

Размышления о личных контактах ученых неминуемо приводят к анализу вопроса о дружбе в науке, поскольку исследовательская деятельность являет собой не только пространство сотрудничества, но и пространство конкуренции. В то же время пока не удалось найти примеров острых конфликтов между советскими и чехословацкими учеными, возникших на фоне научного соперничества. Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов факторов политического и идеологического разобщения

на крутых виражах истории, к коим относится советская интервенция 1968 г. Однако анализ личных контактов демонстрирует немало примеров того, как ученые умели быть выше текущей политики, как сумели преодолевать коммуникативную напряженность. Характерно письмо чехословацкого литературоведа М. Дрозды к Ю.М. Лотману, написанное 9 ноября 1968 г., то есть уже после подавления Пражской весны, но еще до начала активной «Нормализации»: «Я постоянно думаю о Вас, о Заре Григорьевне, Валерии Ивановне! Мы ведь и впредь хотим сделать в нашей стране все для того, чтобы настоящие ценности русской литературы понимались и принимались нашим народом, таким мудрым и мужественным. И для этой работы нам нужны труды таких ученых, как Вы и многие другие советские ученые. И что самое важное: читая Ваши работы, я всегда думаю о наших личных связях, о нашей неподдельной, настоящей дружбе, о единстве

Рис. 5. А.М. Самсонов (слева) на конференции историков СССР и ЧССР. Октябрь 1977 г. (АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 187. Л. 9)

характера и научной позиции. Будем надеяться, что мы сможем продолжать наши научные и личные связи!» (Tartu Ülikooli Raamatukogu. Käsikirjade ja haruldaste raamatute osakond. F. 135. Lotman, Juri. Mints, Zara. Epistolaarne isikuarhiiv. S. Bd. 463. L. 8–9).

Не менее интересно обратиться к тому, как сквозь призму личных взаимоотношений советских и чехословацких ученых воспринимались события второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., включая Перестройку, Бархатную революцию в Чехословакии, распад СССР и социалистического лагеря вообще. Хотя известных источников не так много, они все же позволяют проследить за реакцией ученых-интеллектуалов на переломные исторические события. Примечательны в связи с этим письма чехословацких друзей и коллег к слависту А.К. Кавко, главному редактору журнала «Советское славяноведение» в 1987–1989 гг.

Его чехословацкая коллега, Ф. Соколова, специалист по истории славянского книгопечатания, сообщала в письме 6 декабря 1989 г.: «Вы знаете, в сегодняшнее время у нас первым делом надо заниматься политикой — это нужно для будущего нашей страны <...> в том числе и науки, судьбы библиотек <...> Борьба не так проста, как казалось бы по телепередачам. Но мы счастливы. Перестройка уже идет» (Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). Ф. 340. Воп. 1. Спр. 384. Л. 51). Но та же Ф. Соколова в другом письме, написанном вскоре (11 апреля 1990 г.), сетует на трудности, которые рождает эпоха стремительных перемен: «В последнее время я очень, очень устала <...> Все время идет борьба за демократию во всей нашей жизни, в которой я участвую, но борьба мне не под силу. Впрочем, я не люблю бороться. Я слабый человек. Я знаю, увы, свои собственные недостатки и пределы своих способностей и сил» (БДАМЛМ. Ф. 340. Воп. 1. Спр. 384. Л. 54). Здесь важно указать, что Ф. Соколова была дочерью знаменитого философа Я. Паточки, одного из важнейших идейных столпов чехословацких диссидентских кругов и одного из идейных вдохновителей В. Гавела. Муж исследовательницы, Я. Сокол, тоже был видной фигурой

в чехословацком диссидентском движении, а уже в 1990–2000-е — активным участником политической жизни Чешской Республики, кандидатом в президенты страны на выборах 2003 г.

Официальные научные коммуникации между советскими и чехословацкими учеными неразрывно переплетались с личными связями. Соотношение официального и неофициального дает возможность взглянуть на то, как конструировались взаимные образы двух наук и их представителей, как складывались общие поля научных интересов, какую роль играла дружба и сотрудничество в выстраивании интеллектуального диалога. Анализ неформальных контактов советских и чехословацких ученых дает возможность утверждать, что эти контакты играли весьма значительную роль в развитии двусторонних интеллектуальных связей, порой куда большую, чем задаваемые сверху формы научного диалога. Хотя эти контакты были вынуждены вписываться в официальное поле «социалистической науки» и определенные идеологические рамки, они очень часто выходили за границы этих самых рамок.

Список литературы

Грушин Б.А. In Pivo Veritas. Цитаты, афоризмы и другие заслуживающие внимания тексты из пражских ресторанов, трактиров и пивных / Пер. с чеш. и комм. И.Н. Шульц. М.: ВЦИОМ, 2020. 248 с.

Евстигнеев Р.Н. Безмолвное знание. М.: Журнал «Вопросы экономики», 2006. 265 с.

Мерперт Н.Я. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: ТАУС, 2011. 384 с.

Шик О. Весеннее возрождение — иллюзии и действительность / Пер. с чеш.; вступ. ст. и общ. ред. Р.Н. Евстигнеева. М.: Прогресс, 1991. 390 с.

Čeřovský J. Jak jsme zachraňovali svět, aneb, Půl století ve službách mezinárodní ochrany přírody. Praha: Academia, 2014. 560 s.

Franc M. Úderná skupina? Výprava českých lékařů a přírodovědců do SSSR v roce 1950 ve světle dopisů Ivana Málka. Praha: Masarykův ústav, Archiv AV ČR, 2009. 143 s.

Parolek R. Kruté i krásné dvacáté století. Praha: Academia, 2013. 812 s.

SOVIET-CZECHOSLOVAK SCIENTIFIC COMMUNICATIONS IN 1948–1991: THE ROLE OF FORMAL AND INFORMAL RELATIONSHIPS

Mikhail V. Kovalev

PhD in History, Associate professor, Senior researcher,
the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
the Archive of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: kovalevmv@yandex.ru

This article is devoted to the analysis of the role of informal relations between scientists in the development of Soviet-Czechoslovak scientific communications in the second half of the twentieth century. The beginning of regular and far-flung network of personal contacts between the scientists of the two countries is associated with the Thaw period. At this time, institutional ties began to actively develop, joint research programs were formed, and the mobility of scientists increased. In the first post-war decade, Czechoslovakia was visited, as a rule, either by the grandees of Soviet science or by ideological emissary. Moreover, these visits were sporadic. The same can be said about the visits of Czechoslovak scientists to the USSR. Since the second half of the 1950s a large number of Soviet researchers, including representatives of the younger generation, have already received the opportunity to visit Czechoslovakia. Official scientific communications between researchers were inextricably intertwined with informal ones, which was expressed both in the establishment of correspondence and in personal communication, both in collegial cooperation and in close friendship. An analysis of informal contacts between Soviet and Czechoslovak scientists makes it possible to assert that they played a very significant role in the development of bilateral intellectual ties, sometimes much more than the forms of scientific dialogue set from above. Personal contacts sometimes made it possible, if not to initiate and promote joint research projects, then, in any case, to noticeably enhance intellectual exchange. Although these contacts were forced to fit into the official field of “socialist science” and certain ideological boundaries, they very often went beyond these same boundaries.

Keywords: USSR, Czechoslovakia, international scientific relations, communicative field of science, formal and informal relations of scientists.

УДК 001(47)“1917–1922”

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-70-80

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОЕКТАМ «АЛЬПЫ – КАВКАЗ» И «КАВКАЗ – СТАРА- ПЛАНИНА»

Алексей Владимирович Собисевич

кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова Российской
академии наук,
старший научный сотрудник Российского
государственного гуманитарного
университета,
Москва, Россия;
e-mail: sobisevich@mail.ru

Советско-французское и советско-болгарское научное сотрудничество по изучению горных территорий получило развитие в начале 1970-х гг., когда по инициативе вице-президента Международного географического союза, французского геоморфолога Жана Дреша и директора Института географии АН СССР Иннокентия Петровича Герасимова было решено провести научный симпозиум под сокращенным названием «Альпы — Кавказ». Проведение этого симпозиума вызвало интерес болгарских коллег, что вылилось в подписание в 1977 г. И.П. Герасимовым и директором института географии Болгарской академии наук Живко Гылыбовым соглашения о сотрудничестве, осуществляемого в качестве проекта «Кавказ — Стара-Планина». В сотрудничестве со стороны трех стран было включено большое количество научных учреждений, которые отвечали за организацию посещения учеными объектов природы и экономической инфраструктуры. Советско-французские и советско-болгарские исследования развивались независимо и стали инструментом как для развития научного сотрудничества, так и неофициального общения между учеными из трех стран.

Ключевые слова: международное научное сотрудничество, полевые симпозиумы, географическое изучение, Альпы, Кавказ, Стара-Планина.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-78-10095 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

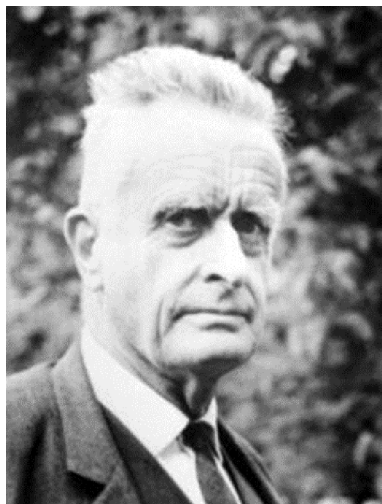

Рис. 1. Ж. Дреш (1905–1994)

В начале 1970-х гг. директор института географии Парижского университета Жан Дреш (фр. *Jean Dresch*) (рис. 1) и директор Института географии АН СССР Иннокентий Петрович Герасимов стали инициаторами крупного международного проекта, направленного на изучение и хозяйственное освоение горных территорий. Установление доверительных отношений между этими двумя учеными стало возможным во многом из-за политических взглядов Ж. Дреша, который был известен своей близостью к Французской коммунистической партии (фр. *Parti communiste français*) и выступлениями против колониализма.

Сотрудничество между советскими и французскими учеными получило развитие во многом благодаря дипломатическому сближению двух стран. В июне 1966 г. Советский Союз с официальным визитом посетил президент Франции генерал Шарль де Голль (фр. *Charles de Gaulle*). Подписанная им и генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза Л.И. Брежневым советско-французская декларация положила начало сотрудничеству двух стран в экономической, научно-технической и культурной сфере. Сотрудничество между странами было углублено, когда 12 января 1973 г. Л.И. Брежнев встретился в Заславле (территория современной Республики Беларусь) с президентом Франции Жоржем Помпиду (фр. *Georges Pompidou*). Лидеры двух стран подписали целый ряд договоров о научно-техническом сотрудничестве между двумя странами (Первухин, 1978: 12).

В 1974 г. согласно решению советско-французской комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству планировалось провести франко-советский научный географический симпозиум, который получил сокращенное наименование «Альпы — Кавказ». Особенностью этой встречи между учеными из двух стран, что она планировалась как сочетание традиционного симпозиума с заслушиванием и обсуждением докладов по определенной тематике с экспедицией, осуществляемой по специальному выбранному и подготовленному маршруту. Это дало основание организатором научного мероприятия назвать ее «полевым симпозиумом».

Симпозиум проводился с целью обмена опытом советских и французских ученых по вопросам географии горных стран и развитию их экономического и рекреационного потенциала. В результате сотрудничества советских и французских ученых должна была быть опубликована монография, материалы для которой планировалось получить в ходе экспедиций (полевых симпозиумов) в 1974 г. (Герасимов, 1975: 2). Симпозиумы организовывались на принципах взаимности — по 10 ученых

с советской и французской стороны должны были посетить территорию Альп и Кавказа.

Первый полевой симпозиум проходил на территории Франции с 22 июня по 4 июля 1974 г. С советской стороны в нем участвовали физико-географы Г.К. Тушинский и В.С. Преображенский, биогеографы Р.П. Зимина и Г.Ш. Нахуцришвили, климатолог Ф.Ф. Давитая и гляциолог Г.Н. Голубев. Непосредственно натурные наблюдения на территории Альп были начаты 25 июня 1974 г., когда советская делегация посетила Гренобль. В Институте географии Университета Гренобля участникам симпозиума сообщили о предстоящем маршруте, а затем в Институте геологии профессор Дебельман прочитал лекцию по геологии Альп. После геоморфологической экскурсии по окрестностям Гренобля в течение почти двух недель проходило изучение различных географических объектов на территории Альп, при этом уделялось внимание типичным экосистемам, ледникам, водохранилищам и зонам рекреации, также посещались национальные парки и исследовательские стационары (Герасимов, 1975: 3–5).

Ответный визит состоялся 1 августа 1974 г., когда из Парижа в Москву прибыла французская делегация в составе ее руководителя П. Вейре, физико-географов П. Тореза и Ж. Радмани, геоморфологов И. Бравара, Ж. Деманжо, Г. Монжювана, П. Габера, гляциолога Р. Вивиана, климатолога Ш.-П. Пеги, биогеографов П. Озенды и М. Сен-Жирома. 2 августа 1974 г. французская делегация прилетела в аэропорт Минеральных вод, где их ожидала принимающая сторона в составе сотрудников Института географии АН СССР, Московского государственного университета, Института географии и Института ботаники АН Грузинской ССР (Герасимов, 1975: 14). По опыту своего участия в первом симпозиуме во Франции советские ученые знали, что их французские коллеги уделяют большое внимание изучению горного рельефа и структуре растительных поясов, а также природе возникновения селей и лавин. Исходя из этого советская делегация была

усилена геоморфологами Д.А. Лилиенбергом и Н.Д. Пузыревским, гляциологами Э.Д. Кобахидзе и А.Н. Кренке, почвоведом А.К. Серебряковым и ботаником А.А. Колаковским. 15–16 августа 1974 г. французская делегация провела в Москве, где обсуждалось издание предстоящей совместной монографии (Герасимов, 1975: 4–5). В 1976 г. для подготовки монографии потребовались дополнительные натурные наблюдения, поэтому Р.П. Зими́на, Д.А. Лилиенберг и В.С. Преображенский посетили Францию (Альпы — Кавказ, 1980: 9).

Рис. 2. Ж.С. Гылыбов (1908–1993)

Проведение франко-советского полевого симпозиума вызвало интерес болгарских коллег. В 1977 г. И.П. Герасимов и директор института географии Болгарской академии наук Живко Спасович Гылыбов (рис. 2) подписали соглашение о сотрудничестве. Ж.С. Гылыбов к этому времени возглавлял два больших научных коллектива, занимающихся геоморфологическим изучением территории Болгарии и комплексным географическим

исследованием территории горного массива Восточные Родопы (Балтаков, 2008: 47).

Советско-болгарские симпозиумы проходили в 1978 г. в СССР и в 1979 г. в Болгарии. Учеными проводилась сравнительно-географическое изучение сходных по природным условиям районов. Маршрут симпозиума в 1978 г. охватил огромной дугой (4 600 км на автобусе) западные части Северного Кавказа и Закавказья от Бомбая и Терерды через КМВ и Военно-Грузинскую дорогу на Тбилиси — Кутаиси — Сухуми. Состоялось также (из Тбилиси) посещение Алазанской долины (Тбилиси — Телави — Кварели — Лагодехи — Сигнахи — Тбилиси). Ответный симпозиум в Болгарии в 1979 г. прошел по маршруту от Софии до Варны с ответвлениями от болгарской столицы на север (до Белоградчика) и на юг (Рила). Протяженность автобусной поездки составила 2 600 км.

Затем начался второй цикл советско-французских и советско-болгарских исследований. С 22 июня по 4 июля 1981 г. на территории Франции участники полевого симпозиума провели исследования по маршруту: Ницца — Сен-Мартен — Везюби — Бейль — Кольмар — Динь — Барселонет — Гап-Риез — Экс-Мартель. В этой поездке изучалась структура высотной поясности Южных Альп и антропогенное изменение их природных экосистем. Для советской делегации была проведена экскурсия в национальном парке Меркантур, который был разделен на охраняемую центральную зону и периферийную, где государство оказывало содействие традиционным формам сельского хозяйства. Советские ученые считали, что сходные природоохранные мероприятия могут быть использованы на Кавказе (Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1850. Оп. 1. Д. 191. Л. 4–6).

Ответный визит французских ученых проходил с 15 июля по 29 июля 1982 г. на территории Восточного Кавказа. С французской стороны в симпозиуме участвовали ученые: И. Бравар (глава делегации), Н. Жан, А. Репараз, А. Дугедруа, М. Жорда, К. Дурбиано, М. Жюлиан, Ж. Сутаре, Ж. Радвани и П. Торез.

Симпозиум проходил по маршруту: город Грозный — озеро Кезеной-Ам — Гуниб — Леваши — Махачкала — Дербент — Самур — Губа — Баку. В ходе полевого симпозиума на территории Восточного Кавказа были определены темы, которые следовало уточнить в ходе дальнейших исследований: научные основы и методы геоморфологического районирования, выявление роли новейшей тектоники в образовании современного горного рельефа, антропогенная активизация экзогенных процессов, основные типы структур вертикальной поясности природы, факторы и вопросы современной трансформации хозяйства в горных районах Альп и Кавказа (АРАН. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 191. Л. 56, 69).

Рис. 3. Участники полевого симпозиума «Кавказ – Стара-Планина»

Второй цикл советско-болгарского сотрудничества (рис. 3) проходил в 1982–1983 гг. С 12 по 26 сентября 1982 г. проходил симпозиум в Родопях, а с 29 августа по 11 сентября 1983 г. по Восточному Кавказу — от Минеральных Вод до Махачкалы. По итогам симпозиума 1 февраля 1984 г. директор института географии И.П. Герасимов обратился к заместителю председателя советской

части Советско-Болгарской комиссии по научному сотрудничеству, члену-корреспонденту АН СССР М.Ф. Жукову, в котором изложил темы статей по совместному советско-болгарскому проекту, которые могли быть интересны болгарской прессе. Например, предполагалось, что И.П. Герасимов и Д.А. Лиленберг выступят авторами статьи «Советско-болгарское сотрудничество по проблемам конструктивной географии горных стран (Кавказ — Балканы)», О.А. Кильбачич напишет статью «Горы служат человеку (Кавказ — Балканы)», Р.П. Зими́на — работу «Охрана природы в горах Кавказа и Балкан» (АРАН. Ф. 1850. Л. 1 Д. 165. Л. 123).

В рамках третьего этапа франко-советского сотрудничества на территории Франции прошла рабочая встреча под сокращенным названием «Альпы — Кавказ — Пиренеи — 1983», в которой участвовали биогеографы Р.П. Зими́на и Е.В. Ясный, а также экономико-географ Г.Н. Уткин. В ходе полевых экскурсий значительное внимание уделялось вопросам геоморфологии восточных Пиренеев и Прованса (АРАН. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 191. Л. 71–77). По настоянию профессора университета Париж-Нантер (фр. *Université Paris-Nanterre*) Ж. Сутаде и профессора университета Перпиньяна (фр. *Université de Perpignan*) Ж. Бека советские ученые посетили Княжество Андорру, которое в то время находилось под протекторатом Франции и Испании. В 1982 г. Андорра сильно пострадала от наводнения, кроме того, зимой там увеличивалась лавинная опасность из-за притока туристов на горнолыжные станции. Правительство Андорры было заинтересовано в использовании наработок советских и французских ученых, которые могли быть получены в ходе семинара и дальнейшего сотрудничества (АРАН. Ф. 1850. Оп. 1 Д. 191. Л. 100). После окончания поездки секретарь симпозиума «Альпы — Кавказ» Р.П. Зими́на писало профессору Нико и профессору Ж. Сутаде: «Позвольте еще раз поблагодарить Вас за интересные дни, проведенные в Восточных Пиренеях и, особенно, в Южном Провансе. Весь симпозиум прошел очень интересно, мы получили много

новых впечатлений и материалов для нашей дальнейшей сравнительно-географической работы «Альпы — Кавказ — В. Пиренеи» (АРАН. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 232. Л. 97).

Ответный визит французских ученых проходил с 18 по 27 сентября 1984 г. Участники симпозиума посетили Крымский полуостров, где осмотрели экосистемы северного склона Крымских гор. В Ялте они изучали способы охраны пляжей и методы противоползневой защиты. Затем из Симферополя участники перелетели в Сочи, где ознакомились с курортными комплексами на побережье и долине реки Мзымты (АРАН. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 149. Л. 3).

Третий этап советско-болгарского сотрудничества, составили симпозиумы, ориентированные на изучение межгорий в Южной Болгарии и Закавказье. Советские специалисты изучали заповедники на территории Стара-Планины, стремясь использовать полученный опыт для развития туризма и рекреации на территории Кавказа.

Всего в рамках советско-французского и советско-болгарского сотрудничества было проведено 16 полевых симпозиумов. Симпозиумы оценивались участниками как удачная форма исследования, позволяющая получить новый материал для комплексных географических характеристик горных стран и районов. Результаты научного сотрудничества представлялись на крупных научных мероприятиях. Руководитель советской делегации И.П. Герасимов и исполняющий обязанности руководителя французской делегации Ив Бравар (фр. *Yves Bravard*) договаривались провести на XXV Международном географическом конгрессе, который должен был пройти в 1984 г. в Париже, отдельную секцию, посвященную результатам советско-французских исследований, выполненных по программе «Альпы — Кавказ» (АРАН. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 232. Л. 56).

Советско-французское и советско-болгарское научное сотрудничество по изучению горных территорий имело своей целью максимальное использование природного и экономического

потенциала изучаемых территорий. Учеными из трех стран разрабатывались мероприятия по охране природной среды исследуемых горных районов и создания на их территории природных резерватов. В этом сотрудничестве советские ученые были связующим звеном между французскими и болгарскими коллегами, транслируя от одних к другим научные идеи. Трансфер знаний, таким образом, приобретал особое значение в этом проекте по изучению горных территорий Советского Союза, Франции и Болгарии.

Список литературы

Альпы — Кавказ: современные проблемы конструктивной географии горных стран. Научные итоги франко-советских полевых симпозиумов в 1974 и 1976 гг. М.: Наука, 1980. 325 с.

Балтаков Георги, Стефанов Петър. Професор Живко Гълъбов (по случай 100-годишнината от рождението МУ) // География. 2008. № 6. С. 47–54.

Герасимов И.П. Отчет о франко-советском симпозиуме «Альпы — Кавказ». М., 1975. 24 с.

Герасимов И.П. Отчет о советской (Кавказской) части франко-советского географического симпозиума «Альпы — Кавказ». М., 1975. 12 с.

Большой Кавказ — Стара-Планина (Балкан). М.: Наука, 1984. 254 с.

Петрунин С.В. Советско-французское сотрудничество в космосе. М.: Знание, 1978. 64 с.

INTERNATIONAL GEOGRAPHICAL COOPERATION ON THE PROJECTS “ALPS — CAUCASUS” AND “CAUCASUS — STARA PLANINA” (BALKAN MOUNTAINS)

Alexey V. Sobisevich,

PhD in Geography, Leading Researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Senior researcher,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: sobisevich@mail.ru

Soviet-French and Soviet-Bulgarian scientific cooperation for the studies of mountainous regions gained momentum in the early 1970s when, on the initiative of Jean Dresch, French geomorphologist and Vice-President of the International Geographical Union, and Innokenty Gerasimov, Director of the Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences, it was decided to hold a scientific symposium under the abbreviated name “Alps — Caucasus.” This symposium aroused the interest of Bulgarian colleagues, which resulted in the signing of agreement for cooperation, implemented as the Caucasus — Stara Planina project, by I. Gerasimov and Zhivko Gylybov, Director of the Institute of Geography of the Bulgarian Academy of Sciences, in 1977. This international scientific cooperation involved many scientific institutions in the three countries, responsible for organizing the scientists’ visits to natural sites and economic infrastructure bodies. Soviet-French and Soviet-Bulgarian studies developed independently of each other and became a tool for the development of scientific cooperation and informal communication between scientists from three countries.

Keywords: international scientific cooperation, field symposia, geographical study, Alps, Caucasus, Balkan Mountains.

УДК 930.2:005.745:612.17(470.13)»1979»

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-81-90

**I МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ЭЛЕКТРОКАРДИОЛОГИИ 1979 ГОДА:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ КОМИ
ФИЛИАЛА АН СССР КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ
ДОСТИЖЕНИЙ**

Анна Николаевна Иванова

научный сотрудник
Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»,
Сыктывкар, Россия;
e-mail: anna1486@mail.ru

В статье рассмотрена история организации I Международного симпозиума по сравнительной электрокардиологии в Коми филиале АН СССР в 1979 г. Показано, что проведение международного научного мероприятия в столице Коми АССР стало возможным благодаря результатам научной деятельности лаборатории сравнительной кардиологии, созданной в 1971 г. в Институте биологии Коми филиала АН СССР. Научные работы сотрудников лаборатории, выполненные под руководством ее заведующего, доктора биологических наук М.П. Рощевского, в 1970-е гг., получили признание в мировом научном сообществе посредством разных форм международных коммуникаций. В статье отмечается, что сложившиеся научные связи исследовательской группы с иностранными учеными, авторитет ее научного лидера М.П. Рощевского позволили, несмотря на имевшиеся трудности, провести в Сыктывкаре симпозиум по сравнительной электрокардиологии с привлечением иностранных участников, что было важным для обмена опытом между отечественными и зарубежными специалистами в области сравнительной электрокардиологии. Сделан вывод о том, что I Международный симпозиум по сравнительной

электрокардиологии стал отражением высоких научных достижений ученых Коми филиала АН СССР.

Ключевые слова: международные коммуникации, сравнительная электрокардиология, исследовательская группа, I Международный симпозиум по сравнительной электрокардиологии, Коми филиал АН СССР.

Международные коммуникации в науке являются важным условием для интеграции ученых, распространения новых знаний, они дают возможность исследователям представить результаты своих научных трудов мировому научному сообществу и узнать мнение коллег о своей деятельности. В данной статье будет рассмотрена история организации и проведения I Международного симпозиума по сравнительной электрокардиологии (Сыктывкар, 1979), который стал отражением признания научных достижений лаборатории сравнительной кардиологии Института биологии Коми филиала Академии наук (АН) СССР иностранными коллегами. Источниковой базой исследования стали неопубликованные письменные источники — делопроизводственные материалы из фондов Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, а также опубликованные материалы (интервью и делопроизводственные документы), связанные с М.П. Рощевским, организатором симпозиума, на момент его проведения — заместителем председателя Коми филиала АН СССР, заведующим лабораторией сравнительной кардиологии Института биологии Коми филиала АН СССР.

В первой половине XX в. иностранными и отечественными исследователями были выполнены работы по изучению электрической активности сердца животных, которые позволили получить новые данные о биоэлектрической активности сердца у позвоночных животных (Рощевский, 1972: 4). Появление новых технических средств для экспериментальной работы открывало перед исследователями новые возможности для теоретического изучения электрической активности сердца, для поиска возможностей применения полученных научных результатов на практике. Во второй половине XX в. исследования в этой области были

продолжены. В 1960-е гг. в Институте биологии Коми филиала АН СССР в лаборатории экологии и физиологии животных (с 1968 г. — лаборатория физиологии и генетики животных) стали проводиться работы по изучению биоэлектрической активности сердца животных. Это направление исследований в филиале начал кандидат биологических наук Михаил Павлович Рощевский (впоследствии доктор наук, академик АН СССР), который в конце 1960 г. переехал из Свердловска в Коми АССР, где продолжил свои экспериментальные работы в области электрофизиологии сердца, постепенно формируя вокруг себя группу исследователей (Забоева, Таскаев, 2002: 22, 81, 155). В результате проведенных работ, к примеру, были получены данные об изменениях «в биоэлектрической активности сердца <...> у домашних и диких парнокопытных животных в условиях Севера», разработаны методы «фронтальных и сагиттальных отведений вектор- и электрокардиограмм животных, получивших применение в ряде лабораторий в СССР и за рубежом» (Рощевский, 2008: 59–60).

Работы М.П. Рощевского и его коллег создали базу для открытия в 1971 г. в Институте биологии лаборатории сравнительной кардиологии, идею создания которой поддержал заместитель академика-секретаря Отделения физиологии АН СССР академик В.В. Парин. Деятельность новой лаборатории, заведующим которой назначили М.П. Рощевского, была связана с проведением фундаментальных исследований в области электрогенеза миокарда. Одним из направлений научной деятельности лаборатории были исследования механизмов адаптации организма человека и животных к условиям Севера (Рощевский, 2008: 59–62), которые носили актуальный характер в связи с задачами освоения природных богатств северных регионов. Работы, проводимые в новой лаборатории, сочетали в себе фундаментальный и прикладной характер, что соответствовало запросам руководящих органов республики об использовании в народном хозяйстве результатов научных исследований. Постепенно складывался коллектив новой лаборатории. Одними из ее первых сотрудников

стали Н.А. Чермных, Д.Н. Шмаков, Э.А. Новожилова, А.Э. Вебер, А.В. Крафт, В.А. Головкин, В.И. Прошева, В.С. Безносиков (Забоева, Таскаев, 2002: 81).

Результаты научной деятельности лаборатории сравнительной кардиологии были следующими: впервые исследования лаборатории, проведенные с помощью метода радиотелеметрии, позволили выявить «реакции сердца северных оленей и лосей на физическую нагрузку в условиях их естественного местообитания в тайге». При помощи электрокардиологических исследований была выявлена специфика активации миокарда животных различных классов. Проводились исследования в области эволюционной кардиологии. В 1973 г. начались исследования в области экологической физиологии (Забоева, Таскаев, 2002: 81–83).

Постепенно происходила интеграция сотрудников лаборатории в мировое научное сообщество. Международные коммуникации исследовательской группы имели несколько форм: обмен с коллегами отписками работ, обсуждение и решение вопросов приобретения необходимого для экспериментальной работы оборудования (Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010. Л. 153), участие в международных программах сотрудничества стран — членов Совета экономической взаимопомощи. В 1970-е гг. сотрудники лаборатории участвовали в международных научных конференциях, выезжали за рубеж в научные командировки в ФРГ, Индию, Болгарию, Венгрию (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. Л. 54; Рощевский, 2008: 80–82, 84).

Работы лаборатории получили признание от коллег-ученых, что позволило привлечь отечественных и иностранных исследователей в столицу Коми АССР для участия в научном мероприятии — I Международном симпозиуме по сравнительной электрокардиологии. 20 июля 1978 г. на заседании Президиума Коми филиала АН СССР было принято решение ходатайствовать о проведении «в июне 1979 г. в г. Сыктывкаре на базе Института биологии Коми филиала АН СССР Всесоюзного

симпозиума по сравнительной электрокардиологии с участием иностранных специалистов». В августе того же года в Президиум АН СССР для утверждения проведения симпозиума на базе Института биологии Коми филиала АН СССР были направлены необходимые документы, в том числе «обоснование на участие иностранных специалистов», список иностранных участников симпозиума (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 1, 6).

В декабре того же года Бюро отделения физиологии АН СССР постановило провести симпозиум в Сыктывкаре и утвердило оргкомитет симпозиума: 18 человек — ученые из Коми филиала АН СССР, представители местных органов власти и ученые из Москвы, Ленинграда и союзных республик. Председателем оргкомитета был назначен М.П. Рощевский, организациями, ответственными за проведение научного мероприятия, — Научный совет АН СССР по комплексным проблемам физиологии человека и животных и Институт биологии Коми филиала АН СССР. 9 апреля 1979 г. в Москве прошло заседание оргкомитета, на котором была одобрена научная программа симпозиума, утверждены «председатели заседаний» и приняты к опубликованию тезисы докладов. Оргкомитет принял решение посвятить симпозиум следующим актуальным проблемам сравнительной электрокардиологии: электрофизиологическим и морфологическим свойствам клеток миокарда животных; последовательности охвата возбуждением сердца и кардиоэлектрическим полям животных; прикладным вопросам сравнительной электрокардиографии животных (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 9–10, 12).

Благодаря совместному решению Президиума АН СССР и Государственного комитета СССР по науке и технике оргкомитет получил возможность предложить участвовать в работе симпозиума иностранным ученым. Проект плана АН СССР предусматривал «приглашение на симпозиум 25 зарубежных ученых (6 из социалистических и 19 из капиталистических стран)».

На начало 1979 г. от предполагаемых иностранных участников симпозиума было получено 19 положительных ответов с предварительным согласием на участие. Кроме того, 9 апреля 1979 г. на заседании оргкомитета в программу были приняты «23 научных сообщения от 47 иностранных исследователей (авторов и соавторов) из 9 стран: Бельгии, ГДР, Голландии, Италии, США, Франции, ФРГ, Чехословакии и Японии» (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 7, 10, 91).

В результате проведенной предварительной работы оргкомитета участниками симпозиума стали 147 человек. В списке советских научных учреждений – участников научного мероприятия значилось 47 организаций — университеты, институты, научно-исследовательские центры, представлявшие разные города СССР (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 19–20, 92). Симпозиум стал коммуникативной площадкой для представителей различных направлений (физиологов, врачей, биофизиков, инженеров), чьи совместные усилия могли быть полезными для получения новых знаний в области сравнительной электрокардиологии и их внедрения в практику.

В Сыктывкар в качестве участников симпозиума приехали 11 иностранных ученых из Бельгии, ГДР, Голландии, США, Франции, ФРГ и Чехословакии (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 92). Приезд меньшего числа иностранных участников от их планируемого числа может быть связан с несколькими причинами. Так, одной из причин стали политические события в СССР, получившие международный резонанс. Иностранные ученые могли бойкотировать участие в мероприятиях, проводимых АН СССР, из-за дела ученого, правозащитника, участника издания «Хроника текущих событий» Сергея Ковалева (Биография Сергея Ковалева: [электронный ресурс]). М.П. Рощевский получил личное письмо от президента Национальной академии США с протестом против проведения симпозиума, двое ученых отказались принять участие в научном мероприятии (Рощевский, 2008: 244; 1999: 27).

В качестве еще одной причины можно назвать расположение места проведения мероприятия (симпозиум проходил не в крупном, известном для участников городе СССР, а в городе, расположенном в северном регионе страны, на некотором расстоянии от столицы). Кроме того, в конце мая в Ялте проходил Международный конгресс по электрокардиологии (Рощевский, 2008: 89), и, возможно, перед некоторыми участниками мог стать вопрос выбора научного мероприятия. Но несмотря на существовавшие сложности для организаторов, приезд иностранных ученых состоялся, что явилось подтверждением устойчивых международных связей лаборатории сравнительной кардиологии и ее заведующего М.П. Рощевского с иностранными коллегами.

Всесоюзный симпозиум по сравнительной электрокардиологии начал свою работу 1 июня 1979 г. в Сыктывкаре. На открытии выступили председатель Президиума Коми филиала АН СССР В.П. Подоплелов, председатель Президиума Верховного Совета Коми АССР З.В. Панев, председатель Международного совета по электрокардиологии П. Райлант (Бельгия). Пленарное заседание открыл доклад председателя симпозиума М.П. Рощевского «Столетие электрокардиографии и перспективы развития сравнительной электрокардиологии». После пленарных докладов в тот же день было проведено заседание секции и стендовая сессия, посвященные электрофизиологическим и морфологическим свойствам клеток миокарда животных. 2 июня были проведены научные заседания и стендовые сессии по следующим проблемам: последовательность охвата возбуждением сердца и кардиоэлектрические поля животных, прикладные вопросы сравнительной электрокардиографии животных. За два дня работы участники симпозиума прослушали, рассмотрели и обсудили 86 докладов. На симпозиуме проходил обмен отпечатками научных публикаций (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 40–50 об., 75, 96).

Кроме научных сессий для участников конгресса были подготовлены мероприятия вне заседаний, которые предусматривали знакомство с местной культурой и достопримечательностями.

Иностранные ученые приняли участие в телевизионных и радиопередачах, давали интервью для газет (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 96).

В отчете о симпозиуме, представленном оргкомитетом в Управление внешних сношений АН СССР, указано, что приглашение иностранных ученых было «целесообразным», так как это позволило ознакомиться с работами ведущих специалистов зарубежных школ, обсудить проблемные вопросы в области сравнительной электрофизиологии сердца, что было важным для дальнейшего развития исследований в области сравнительной электрокардиологии в СССР. Оргкомитет также отметил, что «... это был первый симпозиум по сравнительной электрокардиологии не только на всесоюзном, но и на международном уровне, кроме того, в его работе принимали участие пять членов международного Совета по электрокардиологии. Все это позволяет говорить, что уровень проведения Симпозиума был близок к характеру первого международного симпозиума по сравнительной электрокардиологии, по крайней мере, так его характеризовали сами зарубежные участники симпозиума» (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 95, 97).

Как можно видеть, начавшиеся в Коми филиале АН СССР в 1960-е гг. работы по изучению биоэлектрической активности сердца животных проводились столь интенсивно, что уже к концу 1970-х гг. именно столица Коми АССР на несколько дней стала коммуникативной площадкой для широкого обсуждения вопросов в области сравнительной электрокардиологии. Интерес, проявленный к I Международному симпозиуму по сравнительной электрокардиологии со стороны отечественных и иностранных ученых, подтвердил значимость и перспективность исследований сотрудников лаборатории сравнительной кардиологии Института биологии Коми филиала АН СССР, авторитет исследовательской группы и ее научного лидера М.П. Рощевского в мировом научном сообществе.

Список литературы

Биография Сергея Ковалева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/info/12087137> (дата обращения: 03.11.2022).

Забоева И.В., Таскаев А.И. Институт биологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (становление, развитие). Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. 160 с.

Рощевский М.П. Эволюционная электрокардиология. Л.: Наука, 1972. 252 с.

Рощевский М.П. Власть и политика // Морозов Иван Павлович в воспоминаниях и документах / Ред.-сост. В.А. Новоселов. Сыктывкар, 1999. С. 20–28.

Рощевский М.П. Наука в моей жизни. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2008. 559 с.

**THE I INTERNATIONAL SYMPOSIUM
ON COMPARATIVE ELECTROCARDIOLOGY
IN 1979: INTERNATIONAL COMMUNICATIONS
OF THE RESEARCH GROUP OF THE KOMI
BRANCH OF THE USSR ACADEMY
OF SCIENCES AS A REFLECTION
OF ITS ACHIEVEMENTS**

Anna N. Ivanova

Researcher,
Federal Research Centre "Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences",
Syktyvkar, Russia;
e-mail: anna1486@mail.ru

In the article the history of the organization of the I International symposium on comparative electrocardiology in the Komi branch of the USSR Academy of Sciences in 1979 is considered. It is shown that the organization of the international scientific meeting in the capital of the Komi ASSR became possible due to the results of scientific activity of the laboratory of comparative cardiology founded in the Institute of biology of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences in 1971. In 1970s, scientific works of the researchers of the laboratory carried out under the direction of M.P. Roshchevsky, head of the laboratory, Doctor of Biology, received international recognition through different forms of international communications. The article notes that despite of the difficulties, scientific relations of the research group established with foreign scientists, the authority of its scientific leader M.P. Roshchevsky allowed to hold the symposium on comparative electrocardiology in Syktyvkar with foreign participants that was important for the exchange of experience between national and foreign specialists in the field of comparative electrocardiology. It is concluded that the I International symposium on comparative electrocardiology became a reflection of high scientific achievements of the scientists of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: international communications, comparative electrocardiology, research group, the I International symposium on comparative electrocardiology, the Komi branch of the USSR Academy of Sciences.

НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРУКТУРЫ

УДК 001.583(100)«14/17»

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-91-102

УЧЕНАЯ ПЕРЕПИСКА И ОБМЕН НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЬМА УЛИССЕ АЛЬДРОВАНДИ ТОМАСУ ЙОРДАНУ 1571 Г.)

Михаил Львович Сергеев

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: mslogos@yandex.ru

В статье рассматриваются функции переписки в общении ученых раннего Нового времени. На материале письма Улиссе Альдрованди Томасу Йордану, написанному в 1571 г. и опубликованному в 1586 г. в приложении к сочинению «О целебных водах Моравии», показаны содержательные и прагматические особенности новолатинского «медицинского письма» (*epistola medicinalis*), его роль в обмене текстовыми свидетельствами, натуралиями и артефактами, в установлении и поддержании неформальных научных связей. В научном узусе XVI в. переписка уже воспринималась как необходимый и общепризнанный источник экспертизы и сведений, необходимых для критической интерпретации научной традиции и опытного знания. Важным промежуточным звеном в процессе передачи и использования информации была научная коллекция. Из письма Альдрованди мы видим, что сеть корреспондентов становилась важным ресурсом и инструментом для обмена экспонатами, их оценки, идентификации и классификации, что позволяло включить информацию

о них в систему знания. В статье также публикуется русский перевод письма, предваренный исторической и биографической справкой.

Ключевые слова: история естествознания, история коллекций, гуманизм, научное письмо, обмен информацией.

Если для книжной культуры XVI в. центральным был образ компилятора, составляющего новые тексты путем критического прочтения и упорядочения имеющихся письменных свидетельств (См.: Blair, 2010), то в области эмпирических исследований ему соответствовала роль коллекционера — составителя музея, который был одновременно символом и источником знания (Ср.: Findlen, 1994: 17–96). Промежуточную роль — между компилятивными текстами и коллекциями — играли бумажные музеи, содержавшие изображения, которые дополняли реальные экспонаты или заменяли их. Благодаря распространению и совершенствованию научной иллюстрации, функцию музея в известной степени стали выполнять естественнонаучные справочники, а также антикварные труды, включавшие целые «витрины» с визуальными изображениями натуралий и артефактов (Ср.: Kusukawa, 2011.).

Первостепенную роль в развитии и функционировании обеих сфер научной жизни играло общение и взаимодействие: между учеными, врачами и аптекарями, авторами и книгоиздателями, а также между исследователями и разного рода информантами, сообщавшими полезные сведения о местной природе, географии и культуре. Нередко это общение происходило при личной встрече, чему способствовали академические путешествия, экспедиции натуралистов, поездки на лечебные воды и т. д. (Ogilvie, 2006: 70–82). Распространение практики посещения музеев засвидетельствовано в сохранившихся книгах записи посетителей (Findlen, 1994: 136–146.). Однако более доступным и регулярным каналом коммуникации и обмена была ученая переписка (См., например: Delisle, 2008). Приложением к письмам служили рисунки и предметы-экспонаты, которые

посылали по просьбе корреспондента или наперед, в ожидании ответной любезности.

Издания научной переписки (*epistolae medicinales, philosophicae* и т.п.) появились уже в XVI в., тем не менее до наших дней сохранилась лишь часть эпистолярного корпуса. Одна из причин утраты документов вскоре после их создания состояла в том, что тексты полученных писем, вместе с собственными конспектами, записями наблюдений, рецептами и даже счетами (См.: Pugliano, 2012), использовали в качестве готовых фрагментов в рукописях научных компилятивных сочинений (Ср.: Leu, 2016: 63). Научное письмо, обладавшее скорее публичным, чем приватным статусом (Ср.: Delisle, 2004), имело множество функций: установления контактов и поддержания отношений, сопровождения посылаемых «образцов» и текстов, передачи научной информации в самом тексте. Таким образом, письмо играло роль как в распространении знания, так и в организации взаимодействия ученых вокруг издательских или музейных проектов.

Такую полифункциональность ученой переписки и, в особенности, ее связь с формированием коллекций мы продемонстрируем на примере письма итальянского натуралиста У. Альдрованди, адресованного моравскому врачу и гуманисту Т. Йордану (1571). В приложении будет опубликован, с небольшими сокращениями, русский перевод письма, выполненный автором статьи.

Прежде чем обратиться к анализу текста, кратко представим главных персонажей нашей истории. Улиссе Альдрованди (1522–1605) родился в семье болонского нотариуса. В юности неоднократно менял направление деятельности, однако, прослушав в 1548/49 гг. курс лекций по медицине и пообщавшись с Г. Ронделе и П. Джовио, он сделал окончательный выбор в пользу естествознания и приступил к созданию музея натуралий. В 1553 г. он получил докторскую степень и начал преподавать в Болонской академии; в 1560-е гг. участвовал в ряде ботанических экспедиций в окрестностях Больньи, а также стал организатором и первым директором Ботанического сада (1568); также

Альдрованди занимал должность протомедика Коллегии врачей (Montalenti, 1960).

Томас Йордан (1540–1586) происходил из Клаузенбурга (совр. Клуж-Напока), где он родился в состоятельной семье выходцев из Германии. После обучения в лютеранской гимназии он отправился в 1555 г. в длительное образовательное путешествие, маршрут которого включал Виттенберг, Париж, Монпелье, Валанс и Базель, а затем итальянские города — Падую, Болонью, Пизу и Рим. Вернувшись на родину, Йордан был назначен протомедиком Моравии и поселился в Брно, участвовал в борьбе с несколькими эпидемиями (см.: Offner, 2019). Болезням и их лечению посвящены основные публикации Йордана: “*Pestis Phaenomena, seu De iis quae circa febrem pestilentem apparent, exercitatio*” (1576), “*Luis novae in Moravia exortae descriptio*” (1580 и 1583). Кроме того, он подготовил комментированное переиздание “*Historia Boiémica*” (1575) Иоанна Дубравия.

Знакомство Альдрованди с Йорданом состоялось, вероятно, в 1564 г., когда тот прибыл в Болонью; но еще прежде они оказались связаны перепиской. Путь Йордана в Италию из Базеля двумя годами ранее (в 1562 г.) проходил через Цюрих, где он посетил знаменитого натуралиста Конрада Гесснера (1516–1565) (ср. запись в “*Liber amicorum*” Гесснера: Durling, 1965: 141). Гесснер попросил Йордана передать письмо Альдрованди (вероятно, через третьи руки), но в процессе транспортировки из него пропали изображения камней, о чем Йордан написал 15 марта 1563 г., находясь в Падуге (Offner, 2019): поиск этих иллюстраций стал поводом для общения с Альдрованди.

В раннее Новое время большой интерес врачей вызывали целебные свойства водных источников (см., например: Dörr, 2012). Йордан опубликовал собственные наблюдения на эту тему в книге “*De aquis medicatis Moraviae commentariolus*” (1586; предисловие датировано 1 января 1585 г.: Iordanus, 1586: B6a) В конце ее, в качестве комментария к одной из глав, помещено письмо Альдрованди, которое вводится словами: «Поскольку в главе

о серно-кислых источниках (de Acidulis) упоминалась моравская мумия, или битум, то чтобы каждому стало известно суждение о ней превосходнейшего мужа Улиссе Альдрованди, искуснейшего исследователя и истолкователя растений и всех лекарственных веществ, профессора Болонской академии, мы сочли уместным поместить далее следующее письмо...» (Iordanus, 1586: 115).

Хотя к 1586 г. Альдрованди принадлежали лишь две печатные работы, причем одна из них — описание античных статуй в Риме на итальянском языке — вышла в приложении к книге Луччо Мауро “Le antichita de la citta di Roma” (1556 и переизд.), а другая — сборник рецептов “Antodotarii Bononiensis epitome” (1574) — была напечатана без упоминания его имени на титульном листе, он был уже весьма известен в ученом мире как знаток медицинской ботаники (Ср.: Simmler, 1574: 681) и создатель музея. Публикация письма в “De aquis medicatis” должна была продемонстрировать давнее знакомство Йордана с Альдрованди и сообщить дополнительное значение естественнонаучным разысканиям моравского автора.

О чем же сообщается в письме? Сначала Альдрованди благодарит Йордана за присланные им образцы «мумии и растения *Alisma*» и посвящает следующие полторы страницы идентификации растения с описаниями, имеющимися у античных натуралистов; при этом он подчеркивает, что присланный Йорданом образец (в отличие от рисунка у Маттиоли) в точности соответствует тексту Диоскорида. Вероятно, Альдрованди получил засушенное растение, однако сам он называет и другие возможности для обмена, упоминая об “*Icones plantarum*”, собрание которых также имелось у него, и о семенах для Ботанического сада.

Главная по объему часть письма посвящена второму предмету из посылки Йордана — «мумии». Определение этого термина и свойства обозначаемой им реалии привлекали большое внимание ученых позднего Средневековья и раннего Нового времени. Трудность состояла в том, что из-за вольности в переводах с арабского и интерпретациях античных источников вещество,

содержащееся в египетских забальзамированных трупах, стало называться тем же словом, что и персидская минеральная смола. Такое отождествление было удобным для врачей и фармацевтов, которым (как это ни удивительно) проще было получить мумии-тела, чем мумию-смолу (при этом значительная часть товара была контрафактом) (см.: Dannenfeldt, 1985). Характеризуя присланный Йорданом экспонат, Альдрованди сначала обращается к истории египетских практик захоронения (упомянув свидетельства Геродота, Диодора, Страбона, Диоскорида и Ветхого Завета), а затем сообщает наблюдения, касающиеся физических свойств бальзамических смол, образцы которых имелись в его коллекции. (Интерес Альдрованди к Египту не ограничивался мумиями: в его архиве сохранился список препаратов из Каира, которые он получал через венецианского аптекаря; см.: Pugliano, 212: 718) Медицинский дискурс сочетается с антикварным, сообщающим историческое обоснование опытным данным. При этом проявляется уже отмеченная исследователями склонность Альдрованди к систематизации (см.: Tagliaferri, Tommasini, Pattaro, 1994: 265–270): заимствуя у Геродота и Диодора Сицилийского общую схему классификации погребального обряда в зависимости от его стоимости (роскошный, умеренный и дешевый), он применяет ее специфически к видам бальзамирования и свойствам используемых веществ.

Говоря о *мумии*, Альдрованди вновь упоминает о своем музее; отсылки к нему имеют сразу несколько функций — они свидетельствуют о богатстве коллекции и одновременно о ее использовании в качестве надежного источника знаний. Кроме того, Альдрованди, несомненно, оказывает любезность своему корреспонденту, признавая его находку достойной занять место в ряду выдающихся экспонатов.

Третья, финальная, часть письма содержит просьбы о присылке новых экспонатов и сведений — монет с надписями «варварскими буквами» (среди неопубликованных рукописей Альдрованди имеется сочинение о монетах: Acciarino, 2022), редких

растений и птиц из Моравии, иными словами, недоступных в Италии центральноевропейских материалов.

Прагматика научного письма, ориентированного на продолжение коммуникации и обмена, предполагала выражение благодарности и предложение некоего дара, услуги в ответ на прежние и будущие одолжения. В данном случае такой услугой, несомненно, служит упоминание имени Йордана в Музее («Театре природы»). Но, кажется, письмо содержит еще один подарок. Подробность исторического экскурса о мумии с трудом сочетается с утверждением о том, что письмо написано «наспех» (“*raptim*”). Вероятно, при составлении текста Альдрованди пользовался материалами собственной энциклопедии — “*Pandechion epistemonicon*” (см.: Kraemer, 2014), — рукописи которой также хранились в музее (Findlen, 1994: 122–126). Таким образом, письмо Альдрованди не только рассказывало о музее, об имеющихся в нем экспонатах, и упоминало о *desiderata*, но и, в некотором смысле, преподносило получателю фрагмент коллекции. Разумеется, такого рода текст предполагал в качестве адресата всю ученую публику. Понимая это, Томас Йордан тем охотнее мог решиться на его публикацию.

Приложение¹

Улиссе Альдрованди, философ и врач, превосходнейшему господину Томасу Йордану, врачу, шлет привет.

Письмо твое вместе с мумией и растением *Alisma* [частуха?] я получил; что доставило мне большое удовольствие, так как из этого я легко уразумел, что ты одаряешь меня своей величайшей благосклонностью. Буду краток: нет никакого сомнения в том, что присланное тобой растение и есть *Alisma*² Диоскорида, его я также получил из Швейцарии. И хотя разные растения ходят под именем *Alisma*,

¹ Латинский текст письма: Iordanus, 1586: 115–119.

² греч. ἄλισμα

именно это, как представляется, более всего соответствует подлинному описанию: в некоторых местностях его еще называют *Calceus divae Virginis*³. Напротив, то [растение], которое изображено Маттиоли в его комментариях⁴, не подходит под описание. Среди имеющихся у меня рисунков растений имеется и другое изображение *Alisma*, того, которое описано Плинием во вторую очередь: произрастает в лесах, и более черное, и с более крупными листьями⁵; в остальном сохраняет сходство с твоим [образцом], поскольку у него такой же, весьма волокнистый, корень, и похожий цветок, некоторым образом напоминающий скорлупу яйца, как Феофраст в кн. 3 Истории [растений], гл. 16 говорит о земляничном дереве: цветок у него вогнутый, словно выскобленное яйцо, с открытым отверстием⁶. <...> Ты доставишь мне радость, если сможешь раздобыть семена этого растения для нашего публичного сада и если ты окажешь нам любезность, прислав семена других редких растений, если такие имеются в ваших краях, что также будет нам приятно.

Фрагменты сгустившихся соков, обнаруженные тобой в водных потоках близ Простенны⁷ в Моравии, оказались для меня очень ценны, я тут же поместил их в мой Театр природы, с упоминанием о тебе. Я полагаю, что это не что иное, как разновидность умеренного бальзамирования трупов, описанного Диодором Сицилийским⁸. Ведь служители, занимавшиеся похоронами и погребением покойных у египтян, знали три вида бальзамирования (*conditura*): роскошное, умеренное и бедное: сообразно расходам, которые были готовы понести [заказчики], они договаривались с этими служителями. И для богатых при бальзамировании трупов они использовали пряности и другие драгоценные вещества, к которым также примешивали корицу,

³ «Башмачок святой Девы».

⁴ Имеется в виду комментарий к Диоскориду Пьетро Андреа Маттиоли (итал. 1544, лат. 1554).

⁵ Плиний, Естественная история, 25, 124–125.

⁶ Феофраст, История растений, 3, 16, 4.

⁷ Совр. Простеев.

⁸ Диодор, Историческая библиотека, 1, 91.

для запаха <...> Трупы бедных и нищих наполняли одним битумом и писсасфальтом. <...> О бальзамировании умерших упоминают Геродот⁹ и Диоскорид¹⁰ в главе о кедре, который утверждает, что кедровая смола сохраняет плоть умерших. В Ветхом Завете мы также обнаруживаем его упоминание. Так как Моисей говорит, что тело Иакова, отца Иосифа, бальзамировалось в течение 40 дней, по египетскому обряду, а оплакивалось 70 дней¹¹.

[Образцы] всех этих [видов] бальзамирования — и роскошного, и умеренного, и дешевого — хранятся в моем Музее: они были обнаружены у разных покойников, среди которых Туллия, покойная дочь Марка Туллия Цицерона; другое бальзамическое вещество, хранящееся у нас, извлечено из чрева некоей царицы, погребение которой было обнаружено на острове Искья¹², о чем сообщил мне благороднейший и ученейший господин Винцентий Пинелл из Неаполя¹³, который очень увлечен изучением такого рода натуралий. Тебе должно быть известно, что некоторые из обнаруживаемых бальзамических веществ имеют красноватый цвет, другие — черный, третьи — желтоватый. И красноватое считается самым лучшим, черное же — самым плохим. Мы часто видели у венецианских фармацевтов трупы, привезенные целиком из Александрии Египетской, забальзамированные одним битумом или асфальтом, как можно было догадаться по цвету и запаху. И вот эти трупы, вместе с плотью, они, выдавая за мумию, продавали несведущим врачам <...>

То [вещество], которое ты прислал, скорее использовалось при дешевом бальзамировании, для простого народа. <...> Фрагменты желтоватого цвета представляют собой разновидность янтаря, так как если поднести их к огню и поджечь, они становятся маслянистыми и пахнут янтарем. А имеющиеся черные осколки являются

⁹ Геродот, История, 2, 87.

¹⁰ Диоскорид, О лекарственных веществах, 1, 106.

¹¹ Быт. 50, 1–3.

¹² В Тирренском море.

¹³ Джан Винченцо Пинелли (1535–1601), итальянский натуралист и филолог.

несомненно разновидностью гагата. Ведь, будучи поднесены к огню, они воспламеняются наподобие пылающих углей и издают запах асфальта. А так как гагат, подобно фракийскому камню, является разновидностью битума, то нельзя и усомниться в том, что он пригоден для бальзамирования. И раз уж янтарь и гагат имеются в Моравии в изобилии <...>, неудивительно, что их добывали для консервации мертвых тел.

Ты упомянул, что в ваших краях обнаруживают множество монет с надписями, [сделанными] варварскими буквами: ты бы очень порадовал меня, если бы любезно прислал хоть некоторые из них, разного вида, когда представится возможность. Если ты сочтешь, что в Моравии имеются какие-то растения или птицы, которых нет у нас, прошу тебя не оставить меня в неведении. Будь здоров!

Наспех написано в Болонье 24 января 1571 года.

Список литературы

Acciarino D. *Ulisae Aldrovandi numismatico* // *Rivista Italiana di Numismatica e Scienze Affini*, 2022. Vol. CXXIII. P. 137–210.

Blair A. *Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age*. New Haven: Yale Univ. press, 2010. xvi, 398 p.

Dannenfeldt K.H. *Egyptian Mumia: The Sixteenth Century Experience and Debate* // *The Sixteenth Century Journal*, 1985. Vol. XVI. P. 163–180.

Delisle C. *The Letter: Private Text or Public Place? The Mattioli-Gesner Controversy about the aconitum primum* // *Gesnerus*, 2004. Bd. 61. P. 161–176.

Delisle C. *Establishing the facts: Conrad Gessner's Epistolae Medicinales between the particular and the general: [Diss. PhD]*. London, 2008. 407 p.

Döpp S. *Neulateinische Wissenschaftspoeseie: Ioannes Fabricius Montanus (1527–1566) über Engadiner Heilquellen*. Speyer: Kartoffeldruck-Verl., 2012. 92 S.

Durling R.J. *Conrad Gesner's Liber amicorum 1555–1565* // *Gesnerus*, 1965. Vol. 22. P. 134–159.

Findlen P. *Possessing nature: Museums, collecting, and scientific culture in Early Modern Italy*. Berkeley: Univ. of California press, 1994. 450 p.

Iordanus Th. *De aquis medicatis Moraviae Commentariolus*. Frankfurt am Main: A. Wechel, 1586. [28], 120 p.

Kraemer F. *Ulisae Aldrovandi's "Pandechion Epistemonicon" and the Use of Paper Technology in Renaissance Natural History* // *Early Science and Medicine*, 2014. Vol. 19. P. 398–423.

Kusukawa S. *Picturing the Book of Nature: Image, Text, and Argument in Sixteenth-Century Human Anatomy and Medical Botany*. Chicago: Univ. of Chicago press, 2011. 352 p.

Leu U.B. *Conrad Gessners Netzwerk // Facetten eines Universums. Conrad Gessner 1516–2016 / Hrsg. von U.B. Leu, M. Ruoss*. Zürich: Neue Zürcher Zeitung, 2016. S. 61–74.

Montalenti G. *Aldrovandi, Ulisse // Dizionario Biografico degli Italiani*. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 1960. Vol. 2. P. 118–124.

Offner R. *Neues zu Conrad Gessners Kontakten zu Ungarn und Siebenbürgern: Ein Brief des Klausenburger Arztes Thomas Jordanus aus Padua (1563) // Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften / Hrsg. von U.B. Leu, P. Opitz*. Berlin: De Gruyter, 2019. S. 405–425.

Ogilvie B.W. *The Science of Describing. Natural History in Renaissance Europe*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2006. 385 p.

Pugliano V. *Specimen Lists: Artisanal Writing or Natural Historical Paperwork? // Isis*. 2012. Vol. 103, No. 4. P. 716–726.

Simmler I. *Bibliotheca*. Zürich: Ch. Froschauer, 1574. [12], 692 p.

Tagliaferri M.C., Tommasini S., Pattaro S.T. *Ulisse Aldrovandi als Sammler: Das Sammeln als Gelehrsamkeit oder als Methode wissenschaftlichen Forschens? // Macrocosmos in Microcosmo. Die Welt in der Stube: Zur Geschichte des Sammelns 1450 bis 1800 / Hrsg. von A. Grote*. Wiesbaden: Springer, 1994. S. 265–281.

SCIENTIFIC CORRESPONDENCE AND INFORMATION EXCHANGE IN EARLY MODERN SCIENCE (ON THE MATERIAL OF ULISSE ALDROVANDI'S 1571 LETTER TO THOMAS IORDANUS)

Mikhail L. Sergeev

PhD in Philology, Researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: mslogos@yandex.ru

The article examines the functions of correspondence in the communication of early modern European scientists. On the material of Ulisse Aldrovandi's letter to Thomas Jordan written in 1571 and published in 1586 as an appendix to the work "On the healing waters of Moravia" ("De aquis medicatis Moraviae Commentariolus") the substantive and pragmatic features of Neo-Latin "medical letter" (epistola medicinalis), its role in the exchange of textual evidence, naturalia and artifacts, in establishing and maintaining informal scientific relations are shown. Letter exchange in the scientific usage of the 16th century was already perceived as a necessary and generally recognized source of expertise and information necessary for the critical interpretation of scientific tradition (primarily the texts of ancient authors) and experiential knowledge. An important intermediate link in the process of information transmission and use was the scientific collection. From Aldrovandi's letter we see that the network of correspondents was becoming an important resource and tool for the acquisition of museum exhibits, their evaluation, identification, and classification, which allowed information about them to be incorporated into the system of knowledge. A Russian translation of the letter, preceded by a historical and biographical note as well as interpretation of its main points (the controversy over Dioscorides' plant *Alisma*, history of embalming in Egypt and Moravian mummy, references to Aldrovandi's museum and its parts, requests for specimens of flora, fauna, and artifacts), is also published in this article.

Keywords: history of natural sciences, history of collections, humanism, scientific letter, information exchange.

УДК 316.3«16»

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-103-112

ОБРАЗ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ В АНГЛИЙСКОЙ УТОПИИ XVII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЯ М. КАВЕНДИШ «ПЫЛАЮЩИЙ МИР»

Георгий Владимирович Шпак

кандидат исторических наук,
Уральский федеральный университет,
Институт всеобщей истории Российской
академии наук, Российский государственный
гуманитарный университет,
Екатеринбург, Москва, Россия;
e-mail: geo.shpak@gmail.com

Сочинение Маргарет Кавендиш «Пылающий мир» (The Blazing World) было издано в виде дополнения к работе «Наблюдения, касающиеся экспериментальной философии» (Observations Upon Experimental Philosophy) в 1666 г. и в виде отдельного издания в 1668 г. В произведении представлен образ фантастической земли, населенной полулюдьми-полуживотными, из которых будут составлены научные сообщества астрономов, естествоиспытателей, химиков и пр. В форме сократического диалога с представителями различных сообществ показана авторская точка зрения касательно их функционального назначения и теоретического обоснования их деятельности. М. Кавендиш последовательно критикует как философов-эксперименталистов, так и логиков и математиков, создавая свое персональное видение образа “man of learning” и научного знания в целом. В статье путем сопоставления сочинения М. Кавендиш «Пылающий мир» и «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона рассматривается множественность моделей «научных сообществ» в Англии XVII в., соотнесение с которыми позволяло Лондонскому королевскому обществу конструировать собственную идентичность.

Ключевые слова: Маргарет Кавендиш, «Пылающий мир», «Новая Атлантида», научные институции, Научная революция, утопия, витализм, реставрация Стюартов, научное знание XVII в.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

«Пылающий мир» М. Кавендиш и «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона роднит не только утопическая форма и сюжетные параллели, но и то, что оба текста были изданы в виде дополнений к научным трактатам и выполняли задачу более доходчивого изложения основных философских концепций. В издании 1666 г. в «Обращении к читателю» М. Кавендиш поясняет причину добавления художественного, то есть созданного с помощью фантазии (Fancy), сочинения к ее «Наблюдениям», утверждая, что «так как первое более полезно и применимо в учении, чем второе, оно также более трудоемко и трудно для восприятия и требует иногда помощи фантазии, чтобы освежить голову и отвлечь ее от более серьезных размышлений». Далее она отмечает, что «Пылающий мир» служит ей, «чтобы отвлечься от усердного размышления», и, «чтобы порадовать читателя разнообразием, которое всегда приятно» (Cavendish, 1666).

Первое издание «Новой Атлантиды» Френсиса Бэкона являлось дополнением к трактату “*Sylva Sylvarum*”, представляющим собой список экспериментов, опубликованный У. Роули после смерти Ф. Бэкона. Вопрос об авторстве «Новой Атлантиды» остается открытым (Дмитриев, 2022: 494–495). В «Обращении к читателю», составленном У. Роули, сказано: «Его светлость счел целесообразным также добавить ко многим экспериментам пояснение причин, чтобы в последующих трудах по толкованию природы и формулированию аксиом все было в большей готовности. Касательно указанных здесь причин Его светлость был убежден, что они гораздо более надежны, чем те, что выведены

другими; не из-за какого-либо превосходства его собственного ума (как хотел бы пояснить Его светлость), а из-за его постоянного обращения к природе и опыту. Точно так же он считал, что благодаря этому добавлению причин человеческий разум (который так торопится выяснить причины вещей) не помыслит, что он совершенно заблудился в бескрайнем лесу опыта, а останется на этих основаниях (как они есть), пока истинные аксиомы не будут открыты более полно» (Bacon, 1670).

В «Новой Атлантиде» Бэкона дан образ сообщества, воспроизводящего описанные в “*Sylva Sylvarum*” эксперименты и создающего новые аксиомы. «Пылающий мир» же является дополнением к работе М. Кавендиш «Наблюдения, касающиеся экспериментальной философии», в которой она излагает основные положения своей философии. В разделе «О разумной душе человека» она пишет: «Из всех мнений о природной душе человека мне больше всего нравится то, которое утверждает, что душа есть самодвижущаяся субстанция; но все же я добавлю: материальная самодвижущаяся субстанция; ибо душа человека есть часть души природы, а душа природы материальна. Я имею в виду только природную, а не божественную душу человека, которую я оставляю Церкви. Эта природная душа, иначе называемая разумом (Reason), есть не что иное, как естественное телесное самодвижение, или частица самой чистой, самой тонкой и активной части материи, которую я называю одушевленной (animate), и которая есть жизнь и душа природы, а следовательно, и человека, и всех других существ. Логически мы не можем представить себе, что человек является единственным существом, имеющим причастность к этой душе природы, и что все остальные части природы или их большинство являются бездушными или (что то же самое) иррациональными, хотя обычно их называют таковыми, а точнее, верят, что они таковыми являются» (Cavendish, 2001: 221). В этом фрагменте изложен основной тезис философии М. Кавендиш, ее программа, которая будет аргументирована в «Пылающем мире».

«Новая Атлантида» Бэкона открывает нам неведомый прежде остров, называемый Бенсалем. Произведение начинается с травелогографического описания странствия героев. Этот прием мы увидим и в «Пылающем мире». Автор, таким образом, дистанцируется от описываемой реальности, избегая обвинений в критике существующего положения вещей и в то же время задавая поведенческую модель, основанную на описании устройства общества, включенного в географическую реальность. Ф. Бэкон размещает на острове институт, именуемый Домом Соломона или Коллегией шести дней творения. Не останавливаясь подробно на христианской символике описываемой Бэконом земли, перейду к разбору задач и структуры конструируемой Ф. Бэконом институции. Как отмечает один из членов Дома Соломона, целью общества является «познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» (Бэкон, 1962: 26). В этом описании слышится и идея превосходства человека над природой, и вера в возможность окончательного познания всех причин. Описание Дома Соломона у Бэкона является идеальной формулой, инструкцией которой должно руководствоваться научное сообщество будущего.

Бэкон начинает описание Дома Соломона с перечисления сооружений, служащих для постижения истины. Рудники, высокие башни, обширные озера, водопады, искусственные колодцы, источники, комнаты для демонстраций опытов и комнаты для лечения, сады и огороды, парки и сады для животных и птиц, пивоварни, пекарни, кухни, печи — все это служит познанию скрытых причин природы и процветанию человечества, однако мы не узнаем подробностей их создания и не получаем более детальных сведений об их устройстве, так как далее автор переходит к описанию «Домов» (света, звука, аромата, механики), то есть, соответствующих различным органам чувств. Упоминается и дом, где изучают обманы органов чувств и вызванные ими заблуждения.

Необходимо заметить, что мы не увидим в этом обществе ни математиков, ни диалектиков, разве что будет дано краткое

упоминание математической палаты, буквально служащей кладовкой, в которой собраны «всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством» (Бэкон, 1962: 32).

Изложив институциональную структуру Дома Соломона, Ф. Бэкон переходит к функциям его «персонала», приводя инструкцию по испытыванию у природы необходимых истин. Он не сообщает о необходимых личных качествах сотрудников, приводя сугубо бюрократическую разрядку по их необходимому количеству. Двенадцать членов общества заняты получением сведений у других народов, трое извлекают из книг материал, необходимый для опытов, трое собирают информацию о механических науках, трое проводят опыты, трое дают отчет, трое возводят открытия на уровень законов и т. д. Таким образом, Ф. Бэкон приводит инструкцию по созданию универсальной машины, производящей новые знания, избегая рассуждений об эпистемологических основаниях своей эмпирической модели. Он упоминает о наличии учеников, но ни слова не говорит о том, как функционирует его образовательная система. Особенностью Дома Соломона является и его политическая обособленность. Как точно сформулировал Х. Гарсия: «в государстве Бенсалем просвещенный и милостивый деспот Соломона <...> облек новоиспеченный Орден эпистемократов квазиабсолютистскими прерогативами в проведении государственной политики, как внутренней, так и внешней». (Дмитриев, 2022: 552).

Ф. Бэконом постулируется догма эмпирического познания, основанного на наблюдении и эксперименте, которая позднее будет взята за основу Р. Бойлем и первыми идеологами Лондонского королевского общества, превозносящими эксперимент и отводящими второстепенную роль математике.

Спустя всего семь лет после основания общества в 1667 г. епископ Томас Спрат опубликует «Историю Королевского общества», в которой будет заявлено об уникальной роли Королевского общества в судьбе Англии и всего человечества. Третью часть сочинения Т. Спрат отводит восхвалению экспериментального метода,

превосходящего иные практики описания физического мира (Sprat, 1667: 431). Он конструирует мифологию общества, формируя представление о неуклонном прогрессе научного знания, наибольший успех в котором был достигнут обществом естествоиспытателей в Англии, а Френсис Бэкон назван главным идеологом новой методологии и проводником в мир эмпирического научного знания.

Иной взгляд на научные сообщества предстает в «Пылающем мире» Маргарет Кавендиш, последовательно критикующей философов-эксперименталистов, математиков, логиков и пр. В предисловии «Дружеских писем» 1662 г., обращаясь к ученым мужам, она сообщает, что будь она Императрицей Мира, она бы «возвышала тех, кто наделен наибольшим знанием и умом». (Cavendish, 2012: 7). Однако императрица «Пылающего мира» далеко не всегда признает наличие особого ума у представителей ученых сообществ.

В Парадайзе «Пылающего мира», а именно так называется земля, где правит императрица, нет ни глубоких пещер, ни высоких башен, позволяющих открыть тайны природы, но есть существа, которые способны благодаря своим качествам преодолеть физическую ограниченность человеческого тела, а именно: люди-черви, люди-птицы, люди-медведи и пр.

В «Наблюдениях...» Кавендиш отмечает, что животные могут быть наделены не меньшими талантами к познанию мира, чем человек: «Некоторые философы много рассуждают о познавательных способностях человека и невежестве всех других существ, но я уже достаточно сказала об этом не только здесь, но и в других философских работах, а именно: что я верю, что другие существа наделены не меньшим знанием, чем человек...» (Cavendish, 2001: 218). Она отмечает далее, что отдельные животные умеют предсказывать изменения климата и подстраиваться под особенности местности, в которой они обитают, гораздо лучше человека, и что человек может еще и многому у них научиться.

В «Пылающем мире» императрица создает несколько обществ. Люди-медведи становятся философами-экспериментаторами, люди-птицы — астрономами, люди-мухи

и люди-рыбы — естествоиспытателями, люди-пауки и вши — математиками и т. д. Каждое из этих обществ раскрывается полнее в ходе сократического диалога с императрицей.

Первым критике подвергается экспериментальный метод. Оказывается, что представители сообщества экспериментаторов не могут прийти к однозначному выводу касательно увиденного. Общаясь со своими астрономами — людьми-птицами, императрица выясняет, что у них далеко не на все есть единый ответ. Когда оказывается, что астрономы не могут прийти к выводу касательно свойств Солнца, она призывает на помощь экспериментаторов, вооруженных телескопами, однако это приводит к еще большим противоречиям, «поскольку одни говорили, что они видели Солнце стоящим на месте, а Землю движущейся вокруг него, другие считали, что оба эти тела находятся в движении, а третьи повторяли, что Земля стоит на месте, а движется Солнце. Некоторые насчитали больше звезд, чем другие, некоторые открыли звезды, которых раньше не видели, некоторые вступили в спор о размере звезд, некоторые говорили, что Луна является другим Миром, подобным Земному шару, а пятна на ней являются холмами и равнинами. Однако некоторые считали, что пятна должны быть сушей, а ровные и блестящие части — морями» (Cavendish, 1668: 26).

Оптические приборы не приблизили их к истине, но вызвали еще больше споров. Императрица приходит к выводу, что «чувства и разум по своей природе более совершенны, чем оптические устройства, которые попросту обманывают и никогда не приведут к познанию истины» (Cavendish, 1668: 27). Критике подвергаются и сведения, полученные с помощью микроскопов. Рассмотрев вошь, императрица пожелала узнать, могут ли микроскопы помешать их укусам или, по крайней мере, подсказать средство защиты от них, «на что ей ответили, что подобное искусство является механическим и ниже по статусу благородных изысканий при помощи микроскопов» (Cavendish, 1668: 32). Оптические устройства не только не способствовали решению

практических задач, но и оказались бесполезными для исследования бестелесных материй. Экспериментаторы, несмотря на все их мастерство и трудолюбие, «не могли изобрести такие приборы, с помощью которых смогли бы обнаружить вакуум со всеми его проявлениями или нематериальные субстанции» (Cavendish, 1668: 33).

Столь же последовательно подвергаются критике математики, писания которых, хотя они и пользуются большим почетом, «столь запутанны и замысловаты, что императрица понятия не имела, что с ними делать» (Cavendish, 1668: 55) и логики, искусство которых заключается только в том, «чтобы противоречить друг другу, строя софизмы и затемняя истину, вместо того чтобы прояснять ее» (Cavendish, 1668: 59).

Таким образом, М. Кавендиш отвергает как схоластическую, так и эмпирическую модель экспериментального познания, конструируя собственный подход, опирающийся на идею существования одухотворенной разумной материи.

Лучше всего это показано в сцене сотворения собственного воображаемого мира, где герцогиня последовательно отвергает античные модели Фалеса, Пифагора, Платона, Эпикура и Аристотеля, а затем и современных ей Декарта и Гоббса, подводя читателей к описанию своего собственного мира: «Наконец, увидев, что никакие шаблоны не помогут ей в оформлении Мира, герцогиня преисполнилась решимости создать свой собственный Мир, состоящий из чувственной и разумной самодвижущейся материи. В действительности он состоял только из разумного начала, которое есть тончайшая и чистейшая степень материи, поскольку пока чувственное начало двигалось и воздействовало как на восприятие, так и на строение тел, это проявление материи в тот же момент времени (ибо, хотя степени смешаны, все же некоторые части могут двигаться разными путями одновременно) перешло к сотворению воображаемого Мира, который после того, как был создан, казался столь любопытным и полным разнообразия, так хорошо упорядоченным и мудро управляемым,

что его невозможно было описать словами, равно как и радость и удовольствие испытанные герцогиней при создании своего собственного Мира» (Cavendish, 1668: 100).

«Пылающий мир» М. Кавендиш является поэтической интерпретацией ее философии, оспаривающей логику Аристотеля, герметизм Келли и Д. Ди, дуализм Декарта, материализм Гоббса, эмпиризм Р. Бойля и Гука. Утопическая форма повествования позволяет М. Кавендиш продемонстрировать особенности своей виталистической концепции. Произведения, подобные «Новой Атлантиде» и «Пылающему миру», могут быть рассмотрены как с точки зрения традиции поэтической интерпретации философских концептов в Англии XVII в., так и как пример проектирования моделей научных институций на заре формирования устойчивых границ «научного познания».

Список литературы

Bacon F. Sylva Sylvarum; or, A Natural History, in Ten Centuries. Whereunto is Newly added the History Natural and Experimental of Life and Death, or of the Prolongation of Life. London: Printed by J. R. 1670. 394 p.

Cavendish M. Observations upon Experimental Philosophy / Ed. Eileen O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 289 p.

Cavendish M. Observations upon Experimental Philosophy to which is added the Description of a New Blazing World. London: Printed by A. Maxwell, 1666.

Cavendish M. Sociable Letters / Ed. with an introduction and notes by James Fitzmaurice. Abingon, NY: Routledge, 2012. 229 p.

Cavendish M. The Description of a New World, Called the Blazing-World. Written by the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princesses, the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1668. 160 p.

Sprat Th. The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge. L.: Print. by T.R. for J. Martyn and J. Allestry, 1667. 438 p.

Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Перевод З.Е. Александровой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 238 с.

Дмитриев И.С. Остров концентрированного счастья. Судьба Френсиса Бэкона. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 632 с.

THE IMAGE OF SCIENTIFIC COMMUNITIES IN THE ENGLISH UTOPIA OF THE SEVENTEENTH CENTURY ON THE EXAMPLE OF “THE BLAZING WORLD” BY M. CAVENDISH

Georgii V. Shpak

PhD in History,
Ural Federal University,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Russian State University for the Humanities,
Ekaterinburg, Moscow, Russia;
e-mail: geo.shpak@gmail.com

Margaret Cavendish's "The Blazing World" was published as a supplement to "Observations Upon Experimental Philosophy" in 1666 and as a stand-alone edition in 1668. The work presents an image of a fantastic land inhabited by half-humans — half-animals, of which the scientific societies of astronomers, naturalists, chemists, etc. will consist. In the form of a Socratic dialogue with various communities, the author's point of view regarding the functional purpose of communities and the theoretical substantiation of their activities is shown. M. Cavendish consistently criticizes both experimental philosophers, logicians and mathematicians, creating her own personal vision of the image of "man of learning" and scientific knowledge in general. In the article, by comparing M. Cavendish's work "The Blazing World" with "New Atlantis" by F. Bacon, the plurality of models of "scientific communities" in England of the seventeenth century is considered, the correlation with which allowed the Royal Society of London to construct its own identity.

Keywords: Margaret Cavendish, "The Blazing World", "New Atlantis", scientific institutions, Scientific Revolution, utopia, vitalism, Stuart restoration, scientific knowledge of the seventeenth century.

УДК 316.3:061

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-113-127

СТРУКТУРНО-СЕТЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО СООБЩЕСТВА НАУЧНЫХ ВОЛОНТЕРОВ «ЛЮДИ НАУКИ»

Анна Юрьевна Саркисова

кандидат филологических наук, доцент,
младший научный сотрудник Научно-
исследовательской лаборатории
прикладного анализа больших данных
Национального исследовательского Томского
государственного университета,
Томск, Россия;
e-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Дарья Олеговна Дунаева

лаборант
Научно-исследовательской лаборатории
прикладного анализа больших данных,
ассистент кафедры социологии
Национального исследовательского Томского
государственного университета,
Томск, Россия;
e-mail: ddo@data.tsu.ru

Проблематика работы связана с развитием гражданской науки в России. Наиболее заметным в России сегодня является сообщество участников проектов гражданской науки — «Люди науки» (<https://citizen-science.ru/>), задачи которого связаны с поиском научных волонтеров для исследователей, с одной стороны, и с поиском научных проектов для волонтеров, с другой. Структура этого сообщества (на материале его официальной группы «ВКонтакте» (https://vk.com/ludi_nauki)) — предмет настоящего исследования. Проанализированы социально-демографические характеристики подписчиков (3.5 тыс. человек): гендер, возраст, образование, семейное положение. Исследованы сетевые характеристики: взаимодействие подписчиков между собой, сплоченность сети,

наличие кластеров, лидеров. Методы исследования: сбор данных с помощью открытого API, анализ социально-демографических характеристик пользователей, социально-сетевой анализ (SNA). Результаты позволяют уточнить портрет современного российского научного волонтера, прояснить проблему вовлечения людей в «гражданскую» научную кооперацию и определить лидеров группы.

Ключевые слова: гражданская наука, научное волонтерство, проект «Люди науки», научные кооперации, научные сообщества, неформальные научные институции, социально-сетевой анализ, социальные сети, большие данные.

Гражданская наука (англ. *citizen science*) — практика осуществления научных проектов с участием большого круга волонтеров; в широком смысле — любое участие непрофессионалов в научно-исследовательской работе, — является заметным трендом в историческом развитии науки на современном этапе и интенсивно распространяется в мире.

Концепт «гражданская наука» возник в середине 1990-х гг., термин был введен в научный оборот в трудах британского социолога А. Ирвина (Irwin, 1995) и американского биолога Р. Бонни (Bonney, 1996). Практика разного рода поддержки научных исследований со стороны «граждан» существовала и раньше.

Перспективы гражданской науки как практической деятельности в зарубежных исследованиях характеризуются в целом следующим образом: «В эпоху Интернета популярность и масштабы гражданской науки кажутся почти безграничными. Для граждан мотивация состоит в том, чтобы внести свой вклад в “настоящую” науку, предназначенную для широкой общественности информацию и ее сохранение. Для ученых гражданская наука предлагает способ сбора информации, которая иначе была бы недоступна» (Tulloch, 2013: 128). Причинами подъема гражданской науки, помимо развития технологий, видятся резкий рост объема данных, усложнение научно-практических задач, тенденция к доминированию на научной арене больших научных коллективов.

За рубежом гражданская наука часто поддерживается как на государственном уровне, так и на уровне автономных организаций. Исследователи отмечают важность формирования соответствующих сообществ и ассоциаций, организации взаимодействия волонтеров и ученых, разработки технологических решений, в частности платформ, предназначенных для поиска волонтеров или обеспечения их исследовательской деятельности. Так, в работе «Достижение устойчивых результатов с помощью гражданской науки: рекомендации по эффективному участию граждан» (Margherita, 2021) предлагаются рекомендации по трем важнейшим составляющим организации гражданской науки: управлению мотивацией, привлечению добровольцев и разработке платформы гражданской науки. В работе «Будущее гражданской науки: новые технологии и меняющиеся парадигмы» (Newman, 2012) прогнозируется будущее гражданской науки с точки зрения ее исследовательских процессов, программ, культуры участников, а также научных сообществ. По мнению авторов, более формализованный институт гражданской науки, дополненный сетевыми организациями, ассоциациями, журналами и киберинфраструктурой, будет способствовать развитию научных исследований и научно-просветительской работе. О том, что, несмотря на добровольческий характер гражданской науки, ее институционализация, безусловно, нуждается в поддержке и финансировании, пишут Р. Бонни с соавторами в работе «Следующие шаги для гражданской науки» (Bonney, 2014): чтобы гражданская наука полностью реализовала свой потенциал, необходимы стратегические инвестиции и координация.

Проблемы гражданской науки, связанные с российской практикой (более дискуссионные), поднимались в трудах Е.Г. Гребенщиковой, С.В. Егерева, С.М. Пястолова, А.Г. Газоян, А.В. Волковой, С.Ю. Шевченко, Е.В. Масланова, А.В. Махнач, А.И. Лактионовой и др.

В России на текущий момент оформилось одно достаточно крупное сообщество, объединяющее участников различных

проектов гражданской науки, — «Люди науки» (<https://citizen-science.ru/>).

При поддержке Фонда президентских грантов Ассоциацией коммуникаторов в сфере образования и науки (<https://akson.science/>) был инициирован проект, результатом которого стал одноименный портал «Люди науки», направленный на развитие научного волонтерства в России. Заявляемые цели проекта — помочь волонтерам найти научные проекты, в которых они могли бы принять участие, с одной стороны, и помочь исследователям найти для своих научных проектов добровольных помощников, анонсировав свои проекты, с другой. Проект некоммерческий. Портал функционирует с октября 2020 г., он агрегирует российские проекты гражданской науки.

Проект «Люди науки» имеет официальную группу в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/ludi_nauki). Эта группа являет собой пример сетевого сообщества, и она является объектом настоящего исследования.

Группа имеет 3 514 подписчиков (здесь и далее все данные указаны на 14 апреля 2022 г.), 9 % которых являются неактивными (профили заблокированы или пользователи не заходили в социальную сеть более двух месяцев). В среднем сообщество публикует 8 постов в неделю, среднее количество лайков в неделю — 256, комментариев — 10, репостов — 32, просмотров — 11 755.

Цель нашей работы — осуществить социально-демографический и сетевой анализ сообщества «Люди науки» в социальной сети «ВКонтакте» как сообщества акторов российской гражданской науки. Социально-демографический анализ позволит определить социальный портрет представителя российской гражданской науки. Сетевой анализ направлен на исследование особенностей взаимодействия участников сообщества (одна из постулируемых на портале задач проекта — «способствовать развитию сообщества участников гражданской науки, ученых и волонтеров»).

Актуальность поставленных задач обусловлена 1) становлением института гражданской науки в России, соотносённостью заявленной проблематики с декларируемыми приоритетными научно-стратегическими направлениями и инициативами в сфере развития науки и технологий (см. распоряжение Правительства РФ от 25 июля 2022 г. № 2036-р); 2) ролью социальных сетей в отражении социальных явлений и массовой коммуникации; 3) привлечением технологий анализа больших данных, современных методов сбора и обработки данных, обеспечивающих точность и репрезентативность количественных результатов в актуальном временном срезе.

Данные выгружены автоматизированными методами с помощью открытого API «ВКонтакте». Извлечены открытые данные о подписчиках искомого сообщества, в частности об их возрасте, поле, образовании, семейном положении «друзьях». Все данные обезличены.

В статье использованы методы социологических исследований: анализ социально-демографических характеристик и социально-сетевой анализ (SNA). Классический социологический метод статистического анализа социально-демографической структуры группы применен к современному источнику данных (социальные сети), преобразованному с помощью инструментов *big data*. Современный социологический метод — сетевой анализ (Barabási, 2016) — использован для построения сети участников сообщества «Люди науки», анализа их взаимодействий.

Социально-демографическая структура сообщества «Люди науки»

На рисунке 1 представлена информация о статистическом распределении участников сообщества «Люди науки» в его официальной группе «ВКонтакте» по полу и семейному положению.

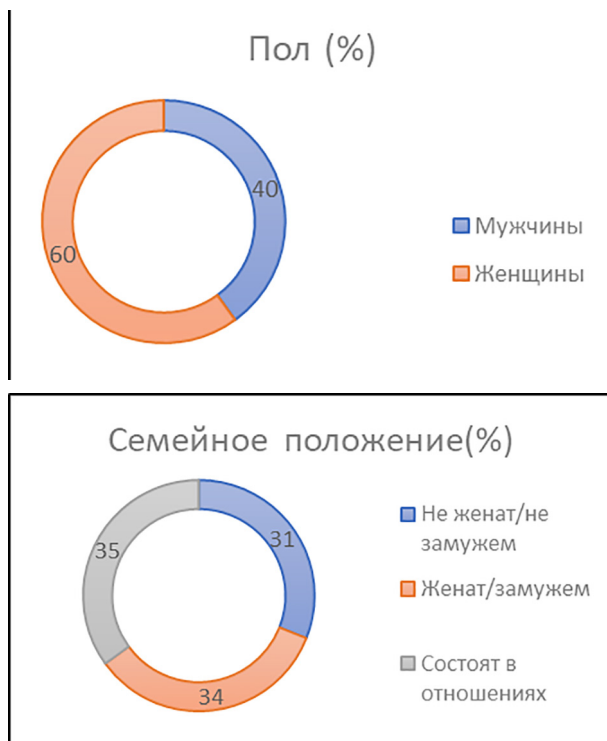

Рис. 1. Распределение участников сообщества по полу и семейному положению

Эти два показателя не выявили значимой дифференциации. Так, в сообществе не наблюдается сильного гендерного преимущества: женщин немного больше, чем мужчин (60% и 40% соответственно). Показатель коррелирует с фактами преобладания мужчин в официальной науке как в мире, так и (в меньшей степени) в России (см., например: Перова, 2020: 10) и общим преобладанием женщин среди населения России.

Информацию о семейном положении указали в своем профиле 337 пользователей. Треть из указавших свой семейный статус находятся в брачных отношениях (34%), треть (35%) состоят в отношениях, еще треть (31%) не состоят в браке.

Социально-демографическими характеристиками, обнаружившими существенно разнящиеся статистические значения в рассматриваемом сообществе, оказываются возраст и уровень образования (рисунок 2).

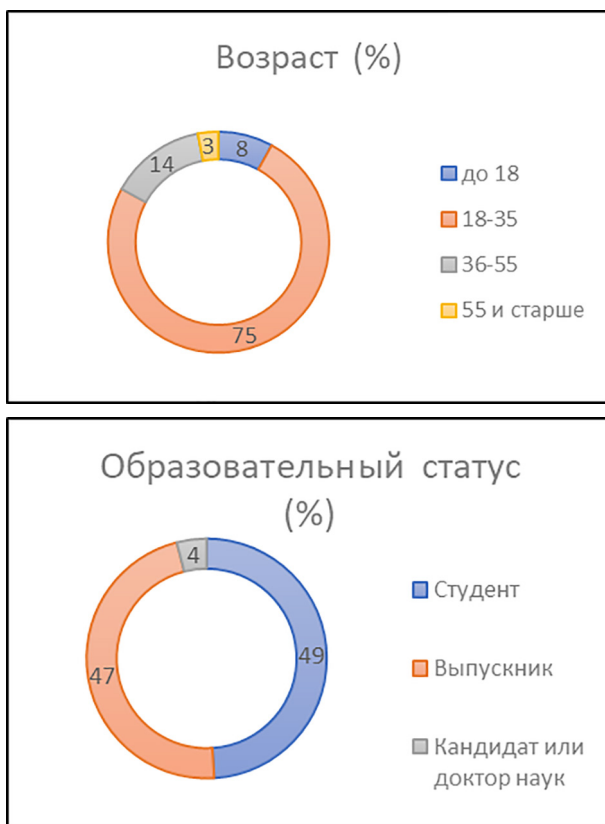

Рис. 2. Распределение участников сообщества по возрасту и уровню образования

Свой возраст указали треть подписчиков (33%). Среди них преобладает молодежь — три четверти (75%) в возрасте от 18 до 35 лет, также представлены 14% пользователей среднего

возраста (36–55 лет), 8% в возрастной группе старше 55 лет, несовершеннолетние слабо представлены в сообществе (3%). Таким образом, возрастной состав сообщества подтверждает, что основной целевой аудиторией в гражданской науке являются молодые люди. Это может быть связано с большей активностью, меньшей обремененностью семейными или рабочими обязательствами, большей осведомленностью о современных проектах и инициативах, лучшим владением современными технологиями.

По информации, указанной в профилях подписчиков, можно сделать выводы об образовательном статусе 324 пользователей. Около половины из них (49%) являются студентами высших и средних учебных заведений, еще 47% — выпускники вузов и ссузов, 4% — кандидаты и доктора наук.

Таким образом, сообщество «Люди науки» демонстрирует, что средний российский научный волонтер — это чаще всего студент или выпускник высшего или среднего профессионального образовательного учреждения, независимо от пола и семейного положения.

Для сравнения, например, в исследовании «Кто хочет быть гражданским ученым? Определение потенциала гражданской науки и целевых сегментов в Швейцарии» (Füchsli, 2019) автор делает вывод, что в Швейцарии до сих пор гражданские научные проекты в основном привлекали людей с высшим образованием, в большинстве мужчин, которые уже очень позитивно относятся к науке. Основываясь на данных национального опроса (N = 1051), авторы показывают, что отношение к науке является важной предпосылкой интереса респондентов к участию в гражданской науке, а пол и образование — нет.

Сетевые характеристики подписчиков сообщества «Люди науки»

В сеть взаимодействий подписчиков сообщества «Люди науки» включены 3 204 пользователя (из анализа исключены

закрытые профили), между которыми обнаружено 784 связи (рисунок 3).

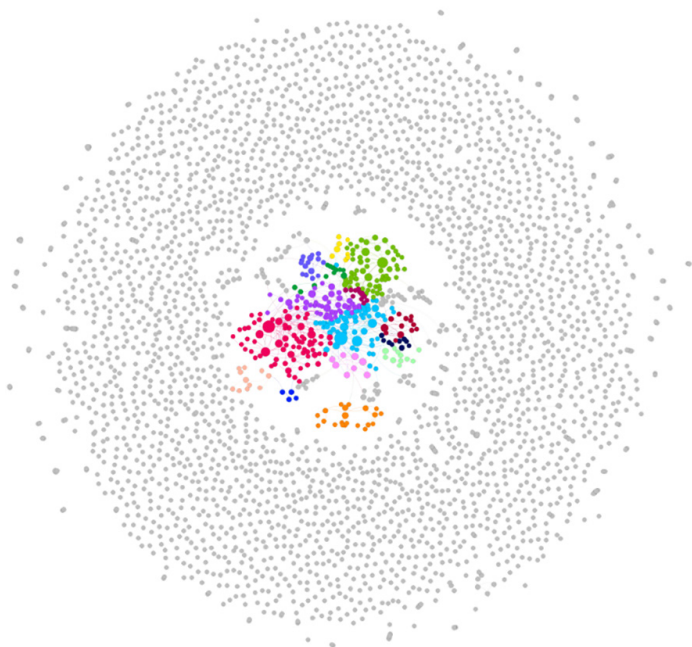

Рис. 3. Граф взаимодействий подписчиков сообщества «Люди науки»

Как видно на рисунке 3, в сети очень низкая плотность, есть один центральный компонент, в который входят 402 пользователя, имеющих 77% всех связей, и огромное количество изолянтов (80% от всей сети) — пользователей, которые не имеют ни одной дружеской связи ни с кем из подписчиков. Также в сети имеют место 90 небольших компонентов — групп пользователей от 2 до 10 человек, которые не связаны с центральным компонентом — ядром сети.

Можно сделать вывод, что в сообщество люди вступают, опираясь на свой личный интерес, зачастую самостоятельно,

без приглашения кого-либо из друзей, то есть потенциальные научные волонтеры на данном этапе практически не организованы, не имеют региональных лидеров.

Интересен данный результат сетевого анализа и в контексте наблюдений М. Ponti, А. Seredko (Ponti, 2022): по итогам системного изучения распределения задач в проектах гражданской науки авторами установлено, что большинство задач, выполняемых научными волонтерами в проектах, хорошо структурировано, предполагает небольшую взаимозависимость и требует навыков, распространенных среди населения в целом. Работа же экспертов, как правило, структурирована, находится на более высоком уровне взаимозависимости, чем у волонтеров, требует опыта в конкретных областях.

Традиционные задачи краудсорсинга обычно требуют от волонтера относительно элементарных действий, независимых от других волонтеров или экспертов. Таким образом, объединенность работой в общем проекте сама по себе не является гарантией даже единоразовых контактов участников, особенно в случае больших данных и крупных проектов. Вместе с тем, говорить о неформальном научном сообществе в таком случае затруднительно.

90 мелких компонентов (по 2–10 человек), наблюдаемых в сети «Люди науки», могут выступать потенциальным ресурсом для приращения сети, поскольку групповой интерес поддерживать проще — люди, которые уже дружат между собой, с большей вероятностью смогут реализоваться в научном волонтерстве. Сплочение сети — условие образования общего *community*, объединенного связями, идеями, ценностями и деятельностью.

Центральный компонент сети «Люди науки» связан неплотно, но его можно считать ядром сети, потому что в нем объединены люди, связанные с различными институтами и имеющие общие признаки помимо желания заниматься гражданской наукой: это коллеги, студенты одних и тех же учебных заведений, люди, занимающиеся одним видом деятельности,

участники научных конференций, жители одного города или поселка и т. д.

Ядро состоит из 8 основных кластеров (рисунок 4) — сообществ наиболее плотно связанных пользователей.

Рис. 4. Связанный компонент сети взаимодействий подписчиков сообщества «Люди науки»

В самый крупный кластер (розовый) входит 18% всех участников компонента (73 пользователя), между ними существует 104 дружеские связи. В среднем пользователи этого кластера имеют 3 общих друзей, максимальная дистанция между узлами — 9, плотность сети составляет 0.04 (довольно низкий показатель). Признак, определяющий кластер, — причастность к популяризации науки: здесь собраны люди, которые ведут блоги, выступают с публичными лекциями, создают проекты, для того чтобы рассказывать широкой аудитории о научных достижениях.

Лидерами кластера являются администраторы просветительских сообществ; руководитель одного из проектов; блогеры (всего — 7 человек): у этих пользователей наибольшее количество связей. Главный «мост» кластера — администратор просветительского сообщества — сильнее всех связывает кластер с другими кластерами.

В голубой кластер входит 14% пользователей связанного компонента сети (56 пользователей), между ними обнаружено 92 дружеские связи. У пользователей в среднем 3 общих «друга», максимальная дистанция в кластере — 9 (как и в розовом кластере), но связан он плотнее — 0.06. Признак выделения кластера схож с предыдущим — это также популяризаторы науки, но они являются представителями каких-либо организаций, аффилированных с научной деятельностью: центров популяризации науки, вузов, ассоциаций и сообществ «ВКонтакте». Как правило, пользователи, вошедшие в этот кластер, связаны с какими-либо похожими на «Люди науки» сообществами и в большинстве своем являются учеными. Также в кластере собраны люди, занимающиеся научными коммуникациями. Лидерами кластера являются биолог, развивающий натуралистический туризм; представитель ассоциации коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН); один из администраторов сообщества «Люди науки»; администраторы похожих сообществ и центра популяризации науки; научный журналист (всего — 10 человек).

Зеленый кластер — чуть меньше голубого, включает в себя 13% пользователей связанного компонента и 74 связи. Среднее количество друзей и расстояние по кластеру такие же, как в предыдущих двух, плотность — 0.056. В кластере есть 3 основных лидера, которые связаны между собой, у каждого из лидеров есть много друзей, но те между собой связаны уже слабо. В этот кластер входят студенты различных вузов и специальностей, по большей части из Москвы. Лидеры кластера — студенты разных московских университетов (3 человека).

В фиолетовый кластер входят 10% пользователей связанного компонента сети (42 человека), между ними есть 54 дружеские связи. В среднем у пользователей из этого кластера 2.6 общих друзей, максимальное расстояние — 10 (больше, чем в предыдущих случаях), плотность, как и в первом кластере, 0.6. В кластер входят ученые естественно-научного профиля: биологи, геологи, биофизики, генетики и пр.

Оранжевый кластер (также 10% пользователей связанного компонента сети) составляют школьники, значительная часть которых подписана на научно-популярный паблик *Science Side of Tumblr* (<https://vk.com/sciencetumblr>).

Лиловый кластер (4%) — это подписчики из Новосибирска, преимущественно биологи, сотрудники ботанического сада.

Название проекта «Люди науки» указывает на роль вовлечения людей в «гражданскую» научную кооперацию как стержневую идею этого проекта. Концепция гражданской науки актуализирует вопросы: кто он — научный волонтер, какое место занимает в институте научного партнерства. Актуализируемые методы позволяют прояснить ответы на эти вопросы, проанализировать связи внутри сообщества, отделить гипотетических научных волонтеров от координаторов-организаторов, определить лидеров сети, вносящих наибольший вклад в развитие коммуникаций.

Список литературы

Barabási A.-L. Network Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 474 p.

Bonney R. Citizen science: a lab tradition // Living Bird. 1996. Vol. 15 (4). P. 7–15.

Bonney R., Shirk J.L., Phillips T.B., Wiggins A., Ballard H.L., Miller-Rushing A.J., Parrish J.K. Next steps for citizen science // Science. 2014. Vol. 343. Iss. 6178. P. 1436–1437.

Füchslin T., Schäfer M.S., Metag J. Who wants to be a citizen scientist? Identifying the potential of citizen science and target segments in Switzerland // Public Understanding of Science. 2019. Vol. 28. Iss. 6. August. P. 652–668.

Irwin A. Citizen Science: A study of people, expertise and sustainable development. London: Routledge, 1995. 216 p.

Margherita E.G. Achieving Sustainable Outcomes Through Citizen Science: Recommendations for an Effective Citizen Participation // Studies in Computational Intelligence. 2021. Vol. 974. P. 261–269.

Newman G., Wiggins A., Crall A., Graham E., Newman S., Crowston K. The future of Citizen science: Emerging technologies and shifting paradigms // Frontiers in Ecology and the Environment. Vol. 10. Iss. 6. P. 298–304.

Ponti M., Seredko A. Human-machine-learning integration and task allocation in citizen science // Humanities and Social Sciences Communications. 2022. Vol. 9. Iss. 1, December.

Tulloch A.I.T., Possingham H.P., Joseph L.N., Szabo J., Martin T.G. Realising the full potential of citizen science monitoring programs // Biological Conservation. 2013. Vol. 165. September. P. 128–138.

Перова М.Б. Гендерное неравенство в науке // Социальные и экономические системы. Социология. 2020. № 4. С. 5–19.

STRUCTURAL AND NETWORK FEATURES OF THE RUSSIAN COMMUNITY OF SCIENTIFIC VOLUNTEERS “PEOPLE OF SCIENCE”

Anna Yu. Sarkisova

PhD in Philology, Associate professor, Junior researcher,
Laboratory of Applied Big Data Analysis,
National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia;
e-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Daria O. Dunaeva

Laboratory assistant,
Laboratory of Applied Big Data Analysis,
National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia;
e-mail: ddo@data.tsu.ru

The article is related to the development of citizen science in Russia. The most notable in Russia today is the community of participants in citizen science projects — “People of Science” (<https://citizen-science.ru/>). Its tasks are connected with the search for scientific volunteers for researchers, on the one hand, and with the search for scientific projects for volunteers, on the other. The structure of this community (on the material of its official VK group (https://vk.com/ludi_nauki)) is the subject of this study. The socio-demographic portrait of subscribers (3.5 thousand people) is analyzed: gender, age, education, marital status. The studied network characteristics are the interaction of subscribers among themselves, the cohesion of the network, the presence of clusters, leaders, etc. Research methods: data collection using an open API, socio-demographic analysis, social network analysis (SNA). The results allow clarifying the portrait of a modern Russian scientific volunteer, clarifying the problem of involving people in “civilian” scientific cooperation, and identifying the leaders of the group.

Keywords: citizen science, scientific volunteering, the People of Science project, scientific cooperation, scientific communities, informal scientific institutions, social network analysis, social media, big data.

УДК 94(35)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-128-138

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ РАЗВИТИЯ КРИПТОГРАФИИ В АРАБСКИХ ИСТОЧНИКАХ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ В РОССИИ

Новруз Агагюль Нуриев

научный сотрудник
Института истории науки Национальной
академии наук Азербайджана,
докторант Института рукописей
им. М. Физули Национальной академии
наук Азербайджана,
Баку, Азербайджан;
e-mail: novruznuriev90@gmail.com

В статье приведены краткие сведения о зарождении и периодах развития древних знаний о криптографии. Также показаны примеры работ по криптографии в средневековых арабских источниках. В статье также представлен обзор правил написания секретных писем арабскими авторами с использованием некоторых особенностей арабского алфавита, повседневного использования криптографии и криптоанализа в средние века. В статье приведены примеры работ, написанных арабскими учеными, такими как Ибн Вахшия ан-Набати, аль-Кинди, Сули и других в области криптографии.

В статье также анализируются зарождение и развитие тайной переписки и криптографии в России, взаимодействие русского Востоковедения и науки криптографии. Отмечается, что первое в мире биграммное шифрование, используемое в дипломатической переписке, было создано в России. Обсуждается также роль криптографии в изучении арабских рукописей в России и ее общая роль в развитии текстологии. В заключении статьи рассмотрены параметры развития современной криптографической науки. В статье также уделяется внимание постепенному переходу математической науки в физику в криптографии и роли квантовой физики в сфере криптографических знаний в будущем.

Ключевые слова: арабский мир, криптография, тайнопись, текстология, рукописи, шифрование, Востоковедение, Россия.

Введение

Необходимость обеспечения конфиденциальности информации возникла с древних времен. В древности язык жрецов во многом играл роль средства передачи секретной информации. На этом языке записывались сакральные знания, которые были доступны лишь очень немногим. Большинство ученых связывают создание криптографии с созданием письменности. Клинопись, изобразительное и иероглифическое письмо, использовавшееся в древних государствах, было чрезвычайно сложным и требовало длительного изучения, а охват образованных людей был весьма ограничен. Это позволяло использовать записи для передачи секретной информации. Некоторые из сохранившихся глиняных табличек показывают, что древним был известен прием, когда исходное письмо, написанное на глиняной табличке и закрепленное огнем, покрывалось вторым слоем глины с посланием без секретной информации. Например, есть такое словосочетание на английском *Sincerely yours*, или просто *sincerely*, что в дословном переводе означает «Без воска ваш». «Без слоя воска, искренне». Аналогичный прием использовал Сострат Книдский, строитель Александрийского маяка, который по велению египетского правителя Птолемея Филадельфа установил на стене табличку со своим именем, но сделал ее из гипса, расписанного мрамором. Через много лет слой штукатурки осыпался и открылось настоящее имя автора — одно из чудес света, выгравированное на камне.

Были известны такие понятия как шифр Цезаря, магические квадраты и т. д. Например, самый ранний магический квадрат был обнаружен в Индии. Квадрат из 16 знаков по всем направлениям получает сумму 34. Есть много других примеров шифрования квадратом, например, Полибианский квадрат и т. д.

Таким образом, уже в древнем мире люди использовали два основных приема, используемых до сих пор:

- скрывания самого факта передачи (наличия) тайного сообщения — стеганография;
- шифрования сообщения — криптография.

Понятие криптографии и средневековые арабские труды в области криптографии

Криптография (от др.-греч. *Κρυπτός*, *скрытый*, и *γράφω*, *пишу*) — наука о методах преобразования информации для ее защиты при передаче по незащищенным каналам связи и о способах практической реализации этих методов (Зубков, 2010: 38).

Арабский мир в начале средних веков активно использовал криптографию. Уровень развития математики и других наук в этот период значительно опережал знания других народов. В арабском мире криптография называлась «Ильм-ат-таамия».

Наиболее древней считается работа арабского ученого Абу Бакр Ахмед бен-Али бен-Вахшия ан-Набати, датируемая 855 г. В ней упоминаются различные системы шифрования основанных на символах древних народов. Данные шифры применялись вплоть до начала XIX в. для шифрования секретной переписки, донесений шпионов, трактатов по черной магии.

Ибн Вахшия считается автором книги «Китаб Шаук аль-мустахам» (Тайные иероглифы и алфавиты; дословно переводится по-другому: Китаб Шаук аль-мустахам фи марифат румуз аль-аклам — «Книга о желании обезумевшего любовника к знанию тайных писаний»), где обсуждается ряд древних письменностей и приводится дешифровка египетских иероглифов. Издание арабского текста с английским переводом венского востоковеда Йозефа фон Хаммера-Пургшталя, который приобрел манускрипт в Каире, появилось в 1806 г. в Лондоне и было известно Сильвестру де Саси (de Bruijn, 2012: 644–646). Дешифровка Ибн Вахшия была лишь частично правильной, однако он верно предположил о связи древнеегипетского языка с коптским и опирался

в дешифровке на коптские параллели. Еще ранее, в XVII в. с этой рукописью познакомился Атанасиус Кирхер.

В IX в. были широко распространены шифры омофонической замены (Шифр подстановки — это метод шифрования, в котором элементы исходного открытого текста заменяются зашифрованным текстом в соответствии с некоторым правилом. Элементами текста могут быть отдельные символы, пары букв, тройки букв, комбинирование этих слов).

С VIII в. н. э. развитие криптографии происходит в основном в арабских странах. Считается, что арабский филолог Халиль аль-Фарахиди первым обратил внимание на возможность использования стандартных фраз открытого текста для дешифрования. Он предположил, что первыми словами в письме на греческом языке византийскому императору будут «Во имя Аллаха», что позволило ему прочесть оставшуюся часть сообщения. Позже он написал книгу с описанием этого метода — «Китаб аль-Муамма» («Книга тайного языка»).

Также к IX в. относится первое известное упоминание о частотном криптоанализе — в книге Аль-Кинди «Трактат о дешифровке криптографических сообщений».

Абу Юсуф аль-Кинди в своем «Трактате о дешифровке криптографических сообщений» (رسائل التشفير) (араб.) показал, что моноалфавитные шифры, в которых каждому символу кодируемого текста ставится в однозначное соответствие какой-то другой символ алфавита, легко поддаются частотному криптоанализу. В тексте трактата Аль-Кинди привел таблицу частот букв, которую можно использовать для дешифровки зашифрованных текстов на арабском языке, использующих моноалфавитный шифр (Владимиров и др., 2016).

Как утверждает Аль-Кинди, подсказкой для криптоаналитика могут быть общепринятые вступительные слова, которые используются почти в каждом языке. Например, в арабском часто употреблялось «Во имя Бога, милостивого и милосердного» (араб. بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ).

Во многих руководствах для чиновников, таких как «Руководство для секретарей» (араб. أدب الكتاب), содержались разделы, посвященные криптографии. Например, в книге X в. «Адаб аль-Куттаб» («Руководство для секретарей») ас-Сули есть инструкции по шифрованию записей о налогах, что подтверждает распространение криптографии в обычной, гражданской жизни (Сули, 2016: 288).

В словарь криптологии арабы внесли такие понятия, как алгоритм (лат. Algorithmi — от имени среднеазиатского математика Аль-Хорезми — конечная совокупность точно заданных правил решения некоторого класса задач или набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для решения определенной задачи) и шифр (от фр. chiffre, *цифра*, что, в свою очередь, от араб. صَفْر, sifr, *ноль* — система обратимых преобразований, зависящая от некоторого секретного параметра (ключа) и предназначенная для обеспечения секретности передаваемой информации.).

Познания арабов в области криптографии были изложены Шехабом Калкашанди, автором 14-томной энциклопедии, написанной в 1412 г. Он включил целый раздел, посвященный использованию систем шифрования, основанных как на перестановках, так и на замене (в том числе и множественной) символов. Этот раздел под названием «Относительно сокрытия в буквах тайных сообщений» содержал описание шифров замены и перестановки, частотного метода криптоанализа, а также таблицы частотности букв в арабском языке на основе текста Корана. Кроме того, большое внимание было уделено вскрытию зашифрованных посланий. Предложенные методы основывались на статистических и лингвистических свойствах языка. На основании текста Корана в энциклопедии была приведена статистика всех символов арабского языка и пример вскрытия чужого сообщения.

В работе Калкашанди предлагается семь систем шифрования:

- одна буква может заменять другую;

- можно писать слово в обратном порядке, например, имя «Мухаммед» (в арабском алфавите, состоящем из согласных) примет вид ДМХМ;
- можно переставлять в обратном порядке чередующиеся буквы слов;
- можно заменять буквы на цифры в соответствии с принятой заменой арабских букв на числа. Тогда имя «Мухаммед» превращается в $40+8+40+4$ ($M = 40$, $X = 8$, $D = 4$). При этом криптограмма выглядит как перечень каких-то цифр;
- можно заменять каждую букву открытого текста на две арабские буквы, которые используются и в качестве чисел и сумма которых равна цифровой величине шифруемой буквы открытого текста;
- можно заменять каждую букву именем какого-либо человека;
- при шифровании можно использовать положения Луны, названия стран (в определенном порядке), перечисление названий фруктов, деревьев и т.д. (Шанкин, 2003).

Последующие века привели к последовательному упадку всей арабской науки, в том числе и криптографии. Но большинство открытий в сфере криптографии арабскими и мусульманскими учеными используются в некоторых шифрованиях и алгоритмах до сих пор.

В XX в. арабский ученый Тахир Эль-Гамаль придумал криптосистему «Схема Эль-Гамала» (Elgamal) — криптосистему с открытым ключом, основанную на трудности вычисления дискретных логарифмов в конечном поле. Криптосистема включает в себя алгоритм шифрования и алгоритм цифровой подписи. Схема Эль-Гамала лежала в основе бывших стандартов электронной цифровой подписи в США (DSA) и России (ГОСТ Р 34.10-94).

Криптография и исследования по востоковедению в России

В XIX в., когда расширялись стратегические цели Российской империи, — реформы в военной и дипломатической сферах были неизбежны. Это ярко проявилось не только в области военной техники, но и в сферах разведки и контрразведки. В первой половине XIX в. Павел Шиллинг, занимавший особое место в истории русского военного дела и дипломатии, очень интересовался как литографией, так и тайной дипломатической переписки. Выросший в Казани — центре торговых отношений Российской империи с Китаем, Шиллинг проявлял большой интерес к странам Востока. Поэтому, находясь в Париже, считавшемся центром европейского востоковедения, он изучал китайский язык, а в сфере его криптографических интересов всегда были восточные алфавиты и рукописи. В результате его усилий впервые в истории мировой дипломатии было формализовано использование в переписке специальных биграммных шифров.

В 30-х гг. XIX в. под руководством Шиллинга была организована экспедиция на Дальний Восток — к границам Китая. Хотя близкий друг Шиллинга, великий русский поэт Александр Пушкин, тоже хотел участвовать в этой экспедиции, по воле царя его в экспедицию не пустили. По этому поводу поэт написал такие строки:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая...*

Вернувшись из почти двухлетней экспедиции, Павел Шиллинг привез с собой богатую коллекцию рукописей, принадлежащих народам Востока (Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 91–96, 100, 102).

Интересно использование шифров в письмах известного дипломата А.С. Грибоедова к жене из Персии. При исследовании,

выполненном криптоаналитиками, оказалось, что эти письма содержали дипломатические послания Александра Сергеевича. Они были сделаны через накладываемый на лист бумаги трафарет, в котором были вырезаны отдельные окошки под буквы. Написав донесение через трафарет, А.С. Грибоедов дописывал разбросанные по листу буквы в связный текст так, чтобы он содержал письмо жене, и отправлял его с обычной почтой. Российские секретные службы перехватывали это письмо, или, как принято говорить, перлюстрировали, расшифровывали, а затем доставляли адресату. Имея отдельное письмо, вскрыть шифр практически невозможно, а переписывание текста от руки разрушало шифровку, поскольку буквы неизбежно сдвигались по месту расположения (100 лет, 2021).

Начиная со второй половины XIX в. многие российские востоковеды, от Мирзы Казим-бея до Игнатия Юлиановича Крачковского, занимались палеографическими исследованиями восточных языков, а также текстологией и тайнописью. За счет схемы Халиль аль-Фарахиди (которое было упомянуто выше) Крачковский перевел на русский язык священный Коран. Он также обращался к рукописям Ибн Тайфура и ас-Сули, которые писали свои произведения на чистом древнеарабском языке (арабун ариба).

В период формирования Советского Союза при Военной академии имени М.В. Фрунзе был создан Восточный факультет с целью подготовки офицеров для работы в восточных странах. Это наглядно доказывает, насколько было велико стремление СССР к продолжению традиций востоковедения. Он был создан в 1920 г. по приказу наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого. Здесь осуществлялся процесс обучения военных дипломатов и разведчиков ряду восточных языков. Три первых руководителя Военно-дипломатической академии (Военной академии Министерства обороны Российской Федерации) были выпускниками Восточного факультета (Абуков, 1923: 206–224).

Говоря об арабской криптографии и востоковедении в России, нельзя не упомянуть труды советского и российского историка математики, востоковеда, доктора физико-математических наук Галины Матвиевской. Ее работа под названием «Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке» содержит много сведений о знаниях греческой геометрии и астрономических исследованиях, которые арабские и мусульманские ученые почерпнули и использовали в своих трудах (Матвиевская, 1967: 344).

Здесь следует отметить, что исламские ученые, жившие в IX–XIII вв., широко использовали моноалфавитные шифры при записи многих астрономических и математических знаний. Арифметика Абджада, которая является числовым выражением арабского алфавита, используется во многих работах, связанных с такими науками, как астрономия, геометрия, география и алгебра. Здесь буквы арабского алфавита используются вместо длинных цифр при определении геометрических размеров земли и небесных тел, географических координат и т. д. Абджад — это мнемотехнический способ классификации букв арабского алфавита и каждое слово, помимо своего буквального смысла, имеет также числовое значение.

Заключение

В наше время, при существовании цифровых валют — так называемых криптовалют, невозможно не признать, насколько стремительно развивалась криптография за последние столетия. Фундамент современной криптографии был построен на симметричной криптографии, возраст которой измеряется тысячелетиями, а затем появились и модели асимметричной криптографии. Благодаря самым современным исследованиям в области криптографии был создан новый криптографический метод, названный квантовой криптографией, в котором физика заменила математику. В ближайшем будущем для дальнейшего

расширения исследований в области кибербезопасности и защиты передачи данных необходимо более глубокое изучение истории криптографической науки и дальнейшее расширение исследований в направлении создания нового поколения простых и стойких шифров. Это может быть одним из величайших вкладов истории науки в развитие науки и науковедения.

Список литературы

Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, von dem Director desselben D-r Bernh. Dorn. St. Petersburg, 1846 // Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 91–96, 100, 102.

100 лет шифровальной службе МИД России. Архив 4 номера 2021 года, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2489> (дата обращения: 18.11.2022).

J. T. P. de Bruijn. HAMMER-PURGSTALL, JOSEPH FREIHERR von. Encyclopaedia Iranica, XI/6. P. 644–646 (accessed on 30 December 2012). Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/hammer-purgstall> (date accessed: 18.11.2022).

Абуков Б. Восточный отдел военной академии // Военная академия за пять лет, 1918–1923: сборник. М.: [б.и.], 1923. С. 206–224.

Владимиров С.М., Габидулин Э.М., Колыбельников А.И., Кшевецкий А.С. Криптографические методы защиты информации. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МФТИ, 2016. 265 с.

Зубков А.М. Криптография // Большая российская энциклопедия. Т. 16. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 38.

Матвиевская Г.П. Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. Ташкент: ФАН, 1967. 344 с.

Сули Мухаммад бин Яхйа تحميل كتاب أدب الكتاب / محمد بن يحيى صولي / PDF, 2016, 288 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noor-book.com/كتاب-ادب-الكتاب-pdf>

Шанкин Г. Тысяча и одна ночь криптографии, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cccp.narod.ru/work/book/kgb/shankin_01.html (дата обращения: 18.11.2022).

HISTORICAL TRACES OF THE DEVELOPMENT OF CRYPTOGRAPHY IN ARAB SOURCES IN THE LIGHT OF RESEARCH ON ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

Novruz A. Nuriyev

Researcher,
Institute for the History of Science
of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
Doctoral student,
Institute of Manuscripts named after M. Fizuli
of Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan;
e-mail: novruznuriyev90@gmail.com

The article provides brief information about the origin and periods of development of ancient knowledge about cryptography. The examples of works on cryptography in medieval Arabic sources are shown. The article also provides an overview of the rules for writing secret letters by Arabic authors using some features of the Arabic alphabet, everyday use of cryptography and cryptanalysis in the Middle Ages. The article provides examples of works written by Arab scientists such as Ibn Wahshiyah al-Nabati, al-Kindi, Suli and others in the field of cryptography.

The article also analyzes the origin and development of secret correspondence and cryptography in Russia, the interaction of Russian Oriental studies and the science of cryptography. It is noted that the world's first bigram encryption used in diplomatic correspondence was created in Russia. The role of cryptography in the study of Arabic manuscripts in Russia and its general role in the development of textual criticism are also discussed. At the end of the article, the parameters of the development of modern cryptographic science are considered. The article also focuses on the gradual transition of mathematical science to physics in cryptography and the role of quantum physics in the field of cryptographic knowledge in the future.

Keywords: Arab world, cryptography, steganography, textology, manuscripts, encryption, Oriental studies, Russia

УДК 323.329

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-139-147

ИЗ ИСТОРИИ БУДДОЛОГИИ В РОССИИ

Александр Федорович Железнов

аспирант

Института востоковедения Российской
академии наук,

ведущий специалист

Департамента научных изданий

Государственного академического

университета гуманитарных наук,

Москва, Россия;

e-mail: zheleznovaf@gmail.com

Развитие истории отечественной буддологии, насчитывающей уже почти три века, проходило далеко не по плавной траектории — ее история знает и взлеты, и падения, и даже «разгромы». В статье рассматривается роль личности ученого и различных объединений исследователей в истории российских исследований буддизма на протяжении почти трехсот последних лет. Также производится сжатая реконструкция ключевых моментов истории отечественной буддологии с момента ее формирования до современного этапа. Показано, что первые этапы развития дисциплины были тесным образом связаны с исследованиями Тибета, как территориально близкой России области, и тибетской словесности. Происходившее параллельно во всем мире изучение незнакомых ранее европейцам языков позволило со временем получить доступ к богатству буддистской культуры, активно исследовавшийся в дальнейшем многими поколениями российских ученых.

Ключевые слова: буддизм, буддология, востоковедение, история науки, научный коллектив.

Обращение к истории развития той или иной научной дисциплины может быть полезно двояким образом. Во-первых, тут всегда имеется историко-научный интерес: развитие той или иной научной области и выстраивающегося вокруг нее научного сообщества — это серьезный и объемный объект исследования,

обладающей собственной динамикой, закономерностями и ритмом. Во-вторых, проведение периодических «ревизий» имеющегося научного наследия бывает полезно и с точки зрения решения актуальных задач самой исследуемой дисциплины. Отводя внимание от передних исследовательских рубежей и обозревая траектории пройденных ранее путей, можно проследить генеалогию научной мысли — ее развилки, циклы, тупики. Обращение каждого нового поколения исследователей к сформулированным предшественниками проблемам является залогом развития научного знания.

Я обращаюсь к истории российской буддологии — к основным фигурам, вехам и темам этой дисциплины с долгой и непростой историей.

Исследования буддизма во многом носят синкретический характер: изучаются вероучение, философское наследие, в последнее время все больше — социальная история буддийского учения. Глубокое исследование источников, требующееся для составления представления об исторической динамике буддизма, неизбежно требует знания не только языков источников, но и специфики религиозной, философской и практически-аскетической составляющих буддизма.

При этом с появлением в России в XVIII в. начатков академической буддологии в комплексе с тибетологией и монголоведением, благодаря своему непосредственному контакту с буддийскими народами Россия занимает важное место в мировой научной мысли, как минимум привлекая внимание к изучению буддизма и провоцируя развитие исследований в том числе за рубежом. Естественным, что изучение буддизма в России в большей степени ориентировано на северную его ветвь, или махаяну. Географическая близость к регионам распространения махаяны — Тибету и Китаю — открывала возможности доступа к текстам и живой традиции (Торчинов, 2021: 146).

Первые подступы российских ученых к исследованию тибетской культуры относятся еще к XVIII в. (Востриков, 1996: 327).

Так, в академии наук начали заниматься изучением памятников на тибетском языке практически с самого ее основания.

Однако начало полноценного научного исследования тибетского языка пришлось уже на XIX в. и совпало с общеевропейскими попытками его освоения. В практической области изучение тибетского языка имело основную ценность в контексте отправки православных миссионеров для проповеди в Калмыкию и Бурятию.

Стоит отметить, что в период XIX–XX вв., во время подлинного становления академической буддологии, она была неразрывно связана с изучением Тибета (тибетологией). Такая особенность вполне естественна — ведь именно на Тибете находится общий духовный центр и источник буддизма для всех традиционных буддийских народов России: бурят, калмыков и тувинцев.

Работы Осипа Михайловича Ковалевского, Василия Павловича Васильева, Сергея Федоровича Ольденбурга — второго, к сожалению, в большей части навсегда утраченные, но описанные очевидцами-современниками — отражают широчайший круг интересов и одновременно глубокое владение предметом, характерное для немногочисленных, но полных энтузиазма исследователей той эпохи. При этом из-за обстоятельств времени доведенные до публикации работы во многом разнонаправленны, не представляют последовательной исследовательской программы. Фундаментальные наработки В.П. Васильева, привезенные им из многолетней поездки в Пекин в составе Российской духовной миссии, были в конце концов потеряны именно из-за отсутствия возможности опубликовать их в то время, когда они были готовы и актуальны, и невозможности дорабатывать материал с учетом развития и последних достижений мировых исследований впоследствии. Огромный труд ушел сначала «в стол», а затем и в топку (судя по свидетельству С.Ф. Ольденбурга в его речи «Памяти Василия Павловича Васильева» (Ольденбург, 1918), — бумаги рукописей иногда шли буквально в печку).

Отмечен рубеж веков и крупными успехами — так, С.Ф. Ольденбург вел широкую и активную научную и научно-организаторскую работу, и в 1897 г. он основывает международную серию «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов». Он лично редактировал это издание до своей кончины, в рамках серии к 1937 г. вышло 30 томов в более чем ста выпусках; впоследствии издание прервалось.

Отдельно среди фигур конца XIX — начала XX в. стоит также отметить Оттона Оттоновича Розенберга. Существенной отличительной чертой его исследований было то, что он одним из первых среди российских исследователей обращался не только к индо-тибетским источникам, но также и к такой важной для истории буддизма группе материалов как китайские и японские источники. В своей диссертации (Розенберг, 1991), защищенной по труду «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам», он сделал и обосновал ряд принципиальных для развития буддологии утверждений. А именно, продемонстрировал строгое разделение буддизма на ряд уровней: популярный, народный, философский. Доказал значимость обращения к шастрам (философским трактатам, отличающимся большей систематичностью изложения, чем любые другие тексты буддизма) для исследования буддизма. Доказал, что теория дхарм составляет сущностное ядро буддистской мысли. А также предложил отказаться от абстрактного представления о существовании буддизма как такового: с его точки зрения, в научном исследовании может идти речь только об отдельных школах буддизма как о самостоятельных величинах.

Сохраняя широту познаний, стоящую за рассмотрением конкретных вопросов, но имея более точный план своих исследований, Федор Ипполитович Щербатской открывает новую эпоху российской буддологии постановкой вопроса о понимании буддизма как религии через понимание его философских оснований. Такой подход был частью его более общего исследовательского принципа — компаративного исследования буддистской мысли.

Федор Ипполитович предполагал, что единственным адекватным способом понимания буддизма будет его соотнесение с языком и проблематикой европейской философской мысли (Шохин, 1998). Эти установки были реализованы в его исследованиях, в которых он сумел произвести реконструкцию логической и эпистемологической мысли буддизма (также доказав значительное ее влияние на развитие брахманизма), а также произвел уникальную интерпретацию буддистской мысли, используя кантианские категории и метод (Шохин, 1998: 10). К его личным достижениям также можно отнести то, что ему первому среди всех западных исследователей буддизма удалось установить личный контакт с Далай-ламой, который состоялся во время его поездки в Ургу в 1905 г.

К сожалению, со смертью Федора Ипполитовича в 1942 г. на время прекращается и буддология в СССР.

Только в 1960–1970-х гг., благодаря в том числе вернувшемуся в Россию Юрию Николаевичу Рериху, начинается возрождение исследований буддизма, публикации переводов в продолжение знаменитой серии *Bibliotheca Buddhica*. Однако «ренессанс» буддологии, проявившийся в деятельности Линнарта Эдуардовича Мялля, Александра Моисеевича Пятигорского, Октябрины Федоровны Волковой (одной из хозяек, вместе с сестрой Инной Федоровной, своеобразного интеллектуального салона востоковедов и буддологов — «дома сестер Волковых»), изданиях Тартуского университета «Труды по востоковедению» — заканчивается в начале 1970-х разгромом «группы Дандарона». Бидия Дандарович Дандарон, буддолог и при этом практикующий буддист, собрал вокруг себя группу во многом ставших его учениками и последователями ученых и был обвинен в 1972 г. создании «секты». К следствию и процессу были привлечены многие востоковеды, среди прочих — упомянутые выше Волкова, Пятигорский, Мялль. Дандарон был приговорен к пяти годам лагерей, где и умер (или ушел в самадхи, по версии его последователей).

Тем не менее продолжается научная работа, связанная с исследованием более «безопасных» для советского идеологического аппарата тем; например, Владимир Иванович Корнев опубликовал работу о роли буддизма в жизни стран Юго-Восточной Азии (Корнев, 1987).

В 1970–1980-е гг. формируется и активно работает группа Валерия Исаевича Рудого, оформившаяся позднее в группу буддологии в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН.

Одной из важнейших фигур позднесоветской и современной российской буддологии можно также смело назвать Евгения Алексеевича Торчинова. Евгений Алексеевич — признанный исследователь восточных религий, результаты его работы по исследованию буддизма отражены во множестве выпущенных им переводов, монографий и статей, а также в его широко признанном курсе лекций «Введение в буддологию», недавно в очередной раз переизданном (Торчинов, 2020). Также необходимо отметить Александра Николаевича Игнатовича, переведшего на русский язык ряд важнейших сутр буддистской традиции, в том числе и так называемую лотосовую сутру (Игнатович, 2007). Александр Николаевич специализировался преимущественно на дальневосточном буддизме, тщательно исследовал то, как в нем нашли свое отражение различные понятия, предпосылки и ходы мышления из китайской и японской философии.

Большое внимание среди специалистов заслужила научная деятельность историка буддизма и буддолога Валерия Павловича Андросова, который на протяжении 40 лет, с 80-х гг. прошлого века, занимался исследованиями индийского буддизма. Он глубоко исследовал такие области как процесс зарождения и становления буддизма, творчество отдельных индийских философов, буддизм махаяны, а также дискуссионную и сложную проблему бога творца — его наличия или отсутствия в общем пространстве буддистской мысли. Одни из важнейших его достижений связаны с освоением наследия древнеиндийского философа, ключевой

фигуры в философии Махаяны — Нагарджуны (Андросов, 1990). Валерий Павлович заслуженно считается одним из самых видных отечественных исследователей в этой области.

Наконец, в качестве еще одного яркого позднесоветского и современного российского исследователя буддизма стоит назвать Андрея Всеволодовича Парибка, востоковеда, специалиста по множеству восточных языков, а также исследователя системы древнеиндийской философии. Андрей Всеволодович является автором множества русскоязычных переводов буддистских текстов, одним из самых значимых среди которых является памятник встречи древнеиндийской и древнегреческой культуры — «Вопросы Милинды» (Парибок, 1989). Он внес значительный вклад в разработку современного исследовательско-переводческого аппарата буддологии, продолжает преподавать и заниматься академическими исследованиями.

При всей краткости и недостаточности сказанного выше, удалось, как кажется, продемонстрировать то обилие выдающихся специалистов, которыми богата история отечественной буддологии. Многие из отечественных исследователей являются учеными мирового уровня, обогатившими мировую буддологию и уважаемыми в международном академическом сообществе. Вместе с тем, в настоящее время российским исследователям буддизма необходимо продолжать свой упорный труд, чтобы Россия смогла снова стать заметным центром среди мировых лидеров буддологических исследований.

Список литературы

- Андросов В.П. Нагарджуна и его учение. М.: Наука, 1990. 272 с.
- Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / Пер. с пали, предисл., исслед. и коммент. А.В. Парибка // *Bibliotheca Buddhica*. Vol. XXXVI: Памятники письменности Востока. Т. LXXXVIII. М.: Наука, 1989. 485 с.
- Востриков А.И. Изучение Тибета в России. // Гумилев Л.Н. Древний Тибет / Сост. И.В. Мамаладзе, М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 327–344.

Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. СПб.: Наука, 1998. 344 с.

Корнев В.И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 220 с.

Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева (1818–1918) // Гумилев Л.Н. Древний Тибет / Сост. И.В. Мамаладзе, М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 345–359.

Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991. 295 с.

Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Изд. подгот. А.Н. Игнатович, В.В. Северская. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ладомир, 2007. 536 с.

Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 304 с.

Торчинов Е.А. Изучение буддизма в России (современное состояние) // Проблемы Дальнего Востока, 1992. № 4. С. 75–89.

Шохин В.К. Ф. И. Щербатской и его компаративистская философия. М.: ИФРАН, 1998. 249 с.

Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 426 с.

FROM THE HISTORY OF BUDDHOLOGY IN RUSSIA

Alexander F. Zheleznov

Postgraduate student,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Leading specialist,
the Scientific Publications Department,
State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: zheleznovaf@gmail.com

The development of the history of Russian Buddhology, which already numbers almost three hundred years, did not follow a smooth trajectory — its history knows the ups and downs, and even “purges”. The article examines the role of the scholar’s personality and various associations of researchers in the history of Russian studies of Buddhism. It also makes a concise reconstruction of the key moments in the history of Russian Buddhism from its formation to its present stage. It is shown that the early stages in the development of Buddhology in Russia were closely connected with the studies of Tibet, as a region close to Russia, and with the Tibetan literature. In addition to this, the study of languages, previously unknown to the Europeans, which was taking place all over the world, enabled us to eventually gain access to the wealth of the Buddhist culture, which was then actively explored by many generations of Russian researchers.

The state of research on the religion and thought of Buddhism during the Russian Empire is explored. It is shown that at that time original ideas concerning methodology of Buddhist heritage research were formulated by individual researchers, and also unique researches were carried out. The connections of scholars and continuity of research programs in this period are also revealed.

The description of the Soviet stage in the development of scientific research on Buddhism in Russia, in addition to identifying the research achievements of individual authors and their teams, also includes necessary dealing with the problem of the restrictions that existed in the USSR on the study of phenomena of religious life.

Finally, the article examines how, despite all the difficulties, a strong school of Buddhist studies was shaped, the achievements of which are still in demand in the Russian and international community of Oriental studies researchers.

Keywords: Buddhism, Buddhology, Oriental studies, History of Science, Scientific Community.

УДК 001(47)“1917-1922”

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-148-155

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЛАНДШАФТА РОССИЙСКОЙ НАУКИ В 1917–1922 ГГ.

Елена Федоровна Синельникова

кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Санкт-Петербургского филиала Института
истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Статья посвящена переменам, произошедшим в устройстве российской науки в 1917–1922 гг., и их последствиям для дальнейшего его развития. Отмечается, что основными тенденциями изменений в системе организации науки и образования в стране стали: внутренняя миграция ученых, что привело к концентрации научных сил в провинции; создание в крупных провинциальных городах новых учебных заведений, в первую очередь университетов, а также научных обществ, музеев, архивов, библиотек и т. п.; существенно увеличилось число студентов; тесное взаимодействие столичных ученых и периферийной научной интеллигенции в деле организации просветительных и научных организаций; методическая поддержка и помощь научных центров, в частности, Российская академия наук, провинции. К сожалению, исчезновение вскоре после окончания Гражданской войны ряда формальных и неформальных научных институций, в которых вели свою деятельность ученые в провинции, в частности, закрытие «новых» университетов, не позволило в полной мере закрепиться ряду важных изменений, произошедших в первые послереволюционные годы.

Ключевые слова: научное сообщество, революция, Гражданская война, институциональное устройство науки, тенденции развития, научный ландшафт.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00204.

В первые годы советской власти в России происходил сложный процесс трансформации научного ландшафта. Под «научным ландшафтом» понимается сложная система формальных и неформальных научно-образовательных институций (научно-исследовательских институтов, лабораторий, университетов, музеев, архивов, научных обществ и т. п.), детерминированная политическими и социально-экономическими факторами.

Значительный вклад в изменение ландшафта российской науки в первые послереволюционные годы оказало перемещение профессорско-преподавательских и научных кадров из центра на периферию. До революции 1917 г. основными элементами системы организации науки были Академия наук, университеты (в 1916 г. их было 11), научные комиссии и комитеты, а также научные общества. Большинство из этих учреждений и организаций располагалось в Петербурге и Москве.

Внутренняя миграция ученых началась с конца 1917 г., но особенно массовый характер приобрела в 1918–1919 гг. В частности, значительный отток населения в эти годы происходил из «голодного и холодного» Петрограда: если в 1918 г. численность населения составляла 1 466 тыс., то в 1919 г. — 900 тыс., а в 1920 — только 740 тыс. чел. (Анисимов и др., 2003: 424). Среди покинувших город было немало ученых. Достаточно сложно оценить масштабы внутренней миграции ученых, т. к. соответствующий учет никем не велся, а также вследствие того, что ученые достаточно интенсивно перемещались по территории страны.

Концентрация научных сил в провинции способствовала ускоренному построению новой научно-образовательной инфраструктуры. Можно с уверенностью констатировать на основе

данных, полученных из периодических изданий университетов, появившихся в годы Гражданской войны, что профессорско-преподавательский состав был представлен, в основном, «старой» профессурой, которая являлась носителем дореволюционных академических традиций. Вместе с тем в провинции происходило профессиональное становление молодых ученых, которые получили образование до революции. Совместная деятельность представителей разных возрастных групп и научных школ создавала возможность плодотворной научной и организационной работы.

Еще одной значительной тенденцией в процессе формирования нового научно-образовательного ландшафта, которая теснейшим образом связана с первой, стало создание в крупных провинциальных городах новых учебных заведений, в первую очередь университетов, научных обществ, музеев и библиотек, объединивших ученых, прибывших из центра, и представителей местной научной интеллигенции. Так, петроградские ученые составили костяк профессорско-преподавательского состава Самарского университета, который был создан в 1918 г. на базе действующего с 1917 г. Педагогического института (Постановление Временного правительства, 1917: 3295). Среди которых был, в частности, академик Владимир Николаевич Перетц (Синельникова, Соболев, 2020). Кроме того, по воспоминаниям будущего академика Михаила Николаевича Тихомирова, работа в Самарском университете сыграла большую роль в его профессиональном становлении (Тихомиров, 1994).

Однако также профессорско-преподавательский состав уже существовавших в провинции вузов также значительно пополнился столичными учеными. Например, в Саратовском университете, созданном в 1909 г., преподавание в эти годы вели выдающийся философ Семен Людвигович Франк (Гапоненков, 2019), литературовед и будущий академик Виктор Максимович Жирмунский, филолог и также будущий академик Максим Романович Фасмер. В Пермском университете начали преподавать ботаник,

будущий академик Андрей Александрович Рихтер и гистолог, также будущий академик Алексей Алексеевич Заварзин (Кертман и др., 1987: 15).

Кроме того, одной из ведущих тенденций изменения научно-образовательного ландшафта страны стало то, что существенно увеличилось число студентов. Университеты на местах стали готовить кадры для работы в регионах, а благодаря отмене гендерных, социальных, этнических и др. ограничений, среди студентов университетов в первые послереволюционные годы значительную часть составляли женщины, а также был достигнут значительный уровень пролетаризации студенчества.

Нельзя не сказать и о научных обществах, создававшихся при провинциальных университетах, где происходило взаимодействие ученых и студентов. Эти организации играли роль площадки для обмена актуальной научной информацией и позволяли студентам приобщаться к исследовательской работе. За короткий период существования многих из этих научных обществ впервые было проведено систематическое всестороннее изучение значительных территорий страны, был внесен весомый вклад в дело сохранения памятников истории и культуры, проведено масштабное комплектование музейных и архивных фондов — основы будущих научных исследований. Создание научных обществ на периферии в первые послереволюционные годы было довольно распространенным явлением: согласно архивным данным, около 70 научных обществ функционировало в российской провинции в 1918–1922 гг. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-307. Оп. 2. Д. 138. Л. 22–23). Назовем некоторые из них. Так, при Пермском университете силами профессоров и ассистентов физико-математического и медицинского факультетов в декабре 1917 г. было создано Общество естествоиспытателей (Протоколы общих собраний, 1924).

В годы Гражданской войны также были организованы научные общества при Самарском университете. Первым в 1917 г. было организовано Историко-филологическое общество,

заседания общества посещали от 25 до 300 человек, не являющихся членами общества (Отчет о деятельности, 1919: 27–39). В 1919 г. при университете было создано Общество археологии, истории и этнографии (Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 16. Л. 2).

При Астраханском университете, который был открыт в 1918 г., по инициативе группы работников Медицинского факультета было организовано Общество клинической и теоретической медицины. Учредители общества отмечали, что создание «чисто научного» общества дало возможность «выхода накопившимся научным изысканиям и наблюдениям и их критической оценки» (Топорков, 1922: 191).

Еще одной важной тенденцией изменения научного ландшафта России стало тесное взаимодействие столичных ученых и периферийной научной интеллигенции в деле организации музеев, библиотек, кружков и клубов и т. п. Это являлось прямым результатом отмены многих идеологических и цензурных ограничений, существовавших в царской России. Весьма значительную помощь в этом оказывали научные центры, в частности, один из самых авторитетных научных центров страны — Российская академия наук.

После революции оживился выпуск изданий академических музеев: «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук», «Ежегодник Зоологического музея Академии наук», «Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук» и др. Для новых организаций науки, культуры и образования на местах большое значение также имели путеводители, пособия и инструкции: «Путеводитель по Зоологическому музею», «План распределения отделов Музея антропологии и этнографии», «Краткий путеводитель по Геологическому музею»; «Наставления для собирания зоологических коллекций»; «Инструкции для геологических и минералогических исследований» и др. Все эти издания рассылались по заявкам бесплатно во все концы страны. Академические музеи также безвозмездно направляли

провинциальным организациям дублетные экземпляры экспонатов, различные муляжи и копии и др. Следует вспомнить еще одну форму деятельности музеев Российской академии наук: они в те годы часто оказывали периферийным научным организациям методическую и практическую помощь по аннотированию и описанию коллекций.

К сожалению, исчезновение вскоре после окончания Гражданской войны ряда формальных и неформальных научных институций, в которых вели свою деятельность ученые в провинции, в частности, закрытие «новых» университетов, не позволило в полной мере закрепиться ряду важных изменений, произошедших в первые послереволюционные годы.

Список литературы

Анисимов Е.В., Балашов Е.М., Ваксер А.З. и др. Санкт-Петербург: 300 лет истории / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб.: Наука, 2003. 758 с.

Гапоненков А.А. Философ в провинции. С.Л. Франк и его окружение в годы революции и Гражданской войны в Саратове. Из летописи событий 1917–1921 годов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2019. 304 с.

Кертман Л.Е., Васильев Н.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале: Пермский государственный университет, 1916–1986. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1987. 234 с.

Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Самарском университете за 1918–1919 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 2. Самара, 1919. С. 18–19.

Постановление Временного правительства «Об установлении Положения и штата Женского Педагогического института Самарского губернского земства памяти 19 февраля 1861 г.» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 275. Ст. 2013. С. 3295–3302.

Протоколы общих собраний общества за 1917–1923 гг. // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском университете. 1924. Т. 1. Вып. 1. С. 8–38.

Синельникова Е.Ф., Соболев В.С. Академик В.Н. Перетц и реорганизация высшей школы в первые годы советской власти (на материалах Самарского университета) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы ХLI Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки

и техники РАН «Ученый и эпоха: к 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева и С.В. Ковалевской» (26–30 октября 2020 года). Вып. XXXVI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2020. С. 55–60.

Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923 гг.). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. 107 с.

Топорков Ф.М. Отчет Общества клинической теоретической медицины при Астраханском медицинском институте // Астраханский медицинский вестник. 1922. № 1–2. С. 191–195.

THE MAIN TRENDS IN THE CHANGING LANDSCAPE OF RUSSIAN SCIENCE IN 1917–1922

Elena F. Sinelnikova

PhD in history, Academic secretary,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
sinelnikova-elena@yandex.ru

The article is devoted to the changes that took place in the structure of Russian science in 1917–1922 and their consequences for its further development. It is noted that the main trends of changes in the system of organization of science and education in the country were: internal migration of scientists, which led to the concentration of scientific forces in the province; the creation of new educational institutions in large provincial cities, primarily universities, as well as scientific societies, museums, archives, libraries, etc.; the number of students increased significantly; close cooperation between metropolitan scientists and peripheral scientific intelligentsia in the creation of educational and scientific organizations; methodological support and assistance for the provinces from the part of scientific centers, in particular, the Russian Academy of Sciences. Unfortunately, the disappearance of a number of formal and informal scientific institutions soon after the end of the Civil War, in which scientists in the provinces conducted their activities, in particular, the closure of the “new” universities, did not allow a number of important changes that originated in the first post-revolutionary years to be fully consolidated.

Keywords: scientific community, revolution, Civil War, institutional structure of science, development trends, scientific landscape.

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Юрий Михайлович Батурин

доктор юридических наук,
член-корреспондент
Российской академии наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова Российской
академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: yubat@mail.ru

В статье приводится краткая история и объясняется логика системного подхода. Методология системного анализа используется для анализа понятий «неформальный институт» и «формальный институт». Объясняется, как описываются элементы, связи и свойства системы. Особое внимание уделяется видам свойств системы и проводится сравнение описания свойств в системном анализе и философской традиции. Приводятся примеры неформальных институтов. Показывается связь неформальных и формальных институтов. Объясняется роль неформальных институтов в исправлении дисфункций формальной системы. Перечисляются актуальные проблемы неформальных институтов. Делается вывод, что использование формальными системами неформальных институтов дает им ощутимую выгоду и укрепляет их позиции.

Ключевые слова: неформальный институт, система, системные характеристики, системная функция, системный подход.

Системный анализ — сравнительно новая, хотя и с древними корнями наука, к сожалению, уже почти забытая, хотя и очень полезная для любого исследователя. Системный подход

может применяться (и несколько десятилетий назад применялся) к любой предметной области. Принципы системного подхода не зависят от природы изучаемых объектов.

«Система» — греческое слово (др.-греч. σύστημα — целое, составленное из частей; соединение, организм), используемое еще Аристотелем, Демокритом, Платоном. Но теория систем как методология исследования сложных объектов складывалась в основном в XX в., достигнув пика в 1960–1970-х гг. у таких ученых как А.А. Богданов, Л. Берталанфи, Р. Акофф, Д. Гвишиани, Г.П. Мельников, В.Н. Садовский, А.И. Уемов и др.). Развитие науки о системах рассмотрено, в частности, в книге В.Н. Садовского, содержащую обширную библиографию (Садовский, 1974). Наша цель на примере неформальных институций продемонстрировать алгоритм системного подхода и его полезность для исследователя.

Что такое «неформальный институт» (и, соответственно, — «формальный институт»? Начать следует с используемых определений понятия «институт». Их много. И множественность определений совершенно естественна, ибо все они относятся к разным «планам» существования объекта. Из существующих определений необходимо воссоздать некоторое базовое определение «института», от которого можно протянуть гносеологические нити ко всему многообразию дефиниций, позволяющие видеть разные стороны изучаемого объекта.

Примем для анализа в качестве исходных:

Определение 1

Система S — множество элементов P_i с фиксированными свойствами Q_k , на которых реализуются определенные отношения R_j .

Определение 2

Структура σ системы S — совокупность системообразующих отношений $R_n(\Sigma)$.

Анализ существующих в научной литературе явных и неявных определений «института» позволяет выделить группы

семантических полей, соответствующих признакам и собственно, системе (в нашей задаче именно «институт» рассматривается как система). Каждая группа объединяет поля, образованные всеми значениями терминов, применяемых в определениях и ассоциированных с тем или иным признаком. Не имея возможности привести здесь все обнаруженные семантические поля, зафиксируем лишь результат.

Группа $\{P_i\}$ содержит поля, порожденные терминами, обозначающими элементы системы S , такими как «личности», «группы», «организации» и обобщаемыми понятием «актор».

Группу $\{Q_k\}$ составляют семантические поля, образованные терминами, отражающими свойства отношений R_j , и в частности, такими как «неформальные», «формальные» и множество других. Это наиболее сложный для поиска обобщающего понятия этап анализа семантических полей. Путь к нему лежит через свойство объекта различать, где заканчивается он (объект) и начинается «необъект» (назовем его средой). Назовем обобщающее свойство этой группы: «способность обнаруживать и отслеживать границы».

В группе $\{R_j\}$, охватывающей все значения терминов, используемых для характеристики системообразующих отношений, в качестве обобщающего естественно выбрать понятие «связь», понимаемую как нарушение границы (между объектом и средой; между двумя объектами и т. д.).

Группа $\{S\}$ невелика, но неоднородна. Она объединяет такие различные понятия как «учреждение», «установление», «правила игры», «нормы», «поведение» (Хелмке, Левитски, 2007). Обобщающим понятием оказывается понятие «ограничение». Поясним. «Поведение» всегда связано с «правилами» или их нарушением. «Нормы» и «установления» — это «правила». Любое правило — ограничение. «Учреждение» как «организация» есть отграничение некоего организационного механизма от других учреждений и от внешней среды в целом.

Выделение ключевых понятий в группах семантических полей $\{S\}$, $\{P_i\}$, $\{Q_k\}$, $\{R_j\}$ позволяет сформулировать определение института, обобщающее в рамках единой концепции научные дефиниции, на которое мы будем опираться в дальнейшем.

Определение 3

Институт — ограниченная (введенная в границы) совокупность акторов, между которыми установлены определенные связи, способных обнаруживать границы между собой и со средой.

Обратим внимание на три особенности этого определения.

Во-первых, это не какое-то вновь вводимое определение, а восстановленное из множества существующих и обобщающее их.

Во-вторых, оно представляет собой лишь содержательно логическую схему, требующую обязательной конкретизации и необходимую как промежуточный этап применения системного подхода.

В-третьих, это определение представляет собой инвариант — то, что сохраняется при изменениях условий (перечислении определений). В естественных науках — обнаружить инвариант означает приблизиться к выявлению закономерности.

Системный подход предполагает, что исходные понятия используются не как при аксиоматическом подходе неизменными, а углубляются путем ретроспекции через понятия, производные от первых.

Для того, чтобы перейти к такому свойству института как «неформальный», необходимо подробнее рассмотреть саму категорию «свойство». Обобщающее свойство группы $\{Q_k\}$ не случайно сформулировано достаточно длинно: «способность обнаруживать и проследживать границы». Фактически в этой формуле объединены две группы свойств: свойства, помогающие обнаружить наличие границ, и свойства, проявляющиеся только после того, как прослеживается контур границы. Первые характерны для исследования системы в статике. Вторые обнаруживают пространственно-временные характеристики

объекта и среды. Примером свойства первого вида может служить «контактность» объектов (имеется в виду как прямой, так и опосредованный контакт). Демокрит и Локк называли такие свойства «вторичными качествами», Аристотель — «пассивными качествами», а Гегель — просто качествами. Следуя Гегелю, будем и мы называть свойства первого вида качествами объекта. Свойства второго вида соответствуют «первичным качествам» у Демокрита и Локка, у Аристотеля — общим качествам, а в гегелевской диалектике именовались «форма» (Мельников, 1978: 21–22). Назовем свойства второго вида — формируемость (способность приобретать форму). Так, например, пространственные ограничения качеств — это форма объекта. Производное свойство формируемости — структура. А временные ограничения качественных свойств — период развития объекта.

Мы перешли от синхронного рассмотрения системы к диахронному. Видно, что «структура» — это лишь схема связей, «застывшая» система. Переходя к диахронному рассмотрению, обнаруживаем некий процесс, смену состояний структуры, которая несет некоторые свойства структуры предыдущих состояний и приобретает новые свойства. В диахронном анализе «связи» оживают и становятся «взаимодействиями», а также появляются новые, динамические понятия — «функционирование» и «развитие».

Итак, «способность обнаруживать и проследживать границы» частей в целом (объекта или объектов в среде) — свойство более глубокое, чем представляется на первый взгляд, потому что «проследживание границы» означает не только выявление ее контура, но и нарушений границы, т. е. связей. Иначе говоря, «связность» как свойство оказывается составной частью свойства более высокого яруса системы. Это дает возможность сформулировать

Определение 4

Свойство объекта — его способность поддерживать связи одних видов и препятствовать осуществлению связей других видов.

С учетом отмеченного уточним определение 3 следующим образом:

Определение 5

Институт — сформированная совокупность взаимодействующих акторов с определенными свойствами.

Теперь мы готовы рассматривать институты, среди свойств которых «быть неформальными» и «быть формальными», и сформулировать исходное определение неформального института.

Проведенный по изложенной выше методике анализ существующих определений понятия «неформальный институт» (который мы для краткости опускаем) приводит к следующему перечню его свойств:

- функции, средства и методы его деятельности не установлены формальными правилами;
- правила устанавливаются без вмешательства внешней силы;
- санкции за нарушение правил, установленных институтом, носят не установленный заранее характер.

Определение 6

Неформальный институт — сформированная совокупность (система) взаимодействующих акторов и норм поведения, санкции за нарушение которых носят неофициальный характер.

Вернемся к анализу системных свойств объекта.

Граница объекта в среде воспринимается как нарушение качественного свойства, как неоднородность качества. Но среда может иметь различные границы (разные неоднородности качества). То есть система может оказываться одновременно в разных средах. Возьмем для примера такой неформальный институт как «Клуб 1 июля» (создан членами Российской академии наук, заявившими 1 июля 2013 г. о неприемлемости законопроекта о реформе государственных академий, предполагавшего ликвидацию РАН). Клуб возник внутри РАН, следовательно, РАН — среда этого неформального института. Но обращения Клуба адресованы скорее политическому

руководству страны, то есть политическая среда становится другой средой Клуба.

Неоднородности качества могут обнаруживаться и внутри объекта (системы, в частности, института), то есть внутри объекта выявляются подобъекты (подсистемы), причем целостность объекта обеспечивают связи между подсистемами. Неоднородности качества могут быть найдены и в подсистемах, и на их более глубоких ярусах. Следовательно, каждый объект оказывается многоярусной системой, каждый ярус состоит из элементов. Если множество элементов определенного яруса поставить в соответствие множеству элементов более низкого яруса, то получим отображение, называемое в математике функцией. Таким образом, функции всех элементов системы определяются структурой связности объекта. Назовем функции элементов частными функциями объекта. Из них складывается общая функция объекта.

Элементы каждого яруса являются ресурсами объекта более высокого яруса. Связь между объектами (элементами) разных ярусов — это процесс обмена ресурсами. Система будет связной, если происходит обмен между подсистемами разных уровней (Мельников, 1978: 30–35). Благодаря обмену ресурсами каждая система, коль скоро она уже существует, приобретает свойства, необходимые для противодействия внешним силам (другим системам), которые стремятся изменить и разрушить ее. Отсюда можно сделать новые выводы в отношении неформальных институтов.

Любой неформальный институт оказывается подсистемой более общей системы. Даже если неформальный институт оказывается подсистемой другой неформальной системы, то в силу многоярусности, он в конце концов оказывается подсистемой формальной системы. Следовательно, неформальный институт — относительно изолированная лакуна формального института. Неформальные институты возникают там, где дисфункция формального института вызывает нарушение его жизнедеятельности. Примером может служить неформальный институт

выдачи институтам госзаданий. Раньше, когда институтами управляла Академия наук, которая понимала и функцию каждого института, и его направления исследований, его состав и научный потенциал, задание институтам выдавалось осмысленно и разумно. После реформы РАН 2013 г. пришло ФАНО, которое такими возможностями Академии не обладало и даже плохо понимало, что такое наука. Через несколько лет ФАНО сменилось Министерством науки и высшего образования, что лишь отчасти улучшило ситуацию. Налицо явная дисфункция формального института — министерства. И возникает неформальный способ выдачи госзаданий: институты сами себе их формулируют, министерство соглашается, институты выполняют установленную работу и пишут отчеты. Осмысленно? На нижнем ярусе — да. Разумно? Безусловно. Так в рамках формальной системы возникает неформальный институт, чтобы компенсировать возникший недостаток работы механизма. Разумеется, деятельность неформальных институтов сопровождается не только благоприятными следствиями. Безусловно, возвращение институтов в РАН дало бы качественно более высокий эффект. А при действующем неформальном механизме выдачи госзаданий институты резервируют для себя более тепличные условия и создают гарантию выполнения задания. Вернемся к рассмотренному выше примеру неформального института — Клуб 1 июля. Возникает вопрос: какую роль он играет для РАН — негативную или позитивную? Президиуму РАН он, конечно, приносит неприятные эмоции, когда политическое руководство комментирует заявления Клуба, но важнее, что одновременно политическое руководство слышит откровенное мнение ученых.

После проведенной предварительной, кропотливой, но необходимой работы можно приступать к изучению проблем неформальных институтов, таких как выявление механизмов принуждения, обеспечивающих их жизнеспособность, проводить сравнительный анализ неформальных институтов, их качественный и количественный анализ и т. д.

Самый первый вывод, сделанный с помощью системного анализа, состоит в том, что институциональная «неформальность» является неотъемлемым компонентом любого общества, любого социального организма, образуя подсистемы неформальных институтов. Система формальных норм порождает систему неформальных правил и отношений, чтобы демпфировать возникающие напряжения, улучшить те или иные формальные процедуры, учесть интересы субъектов, ограниченные или блокированные в рамках формальной системы отношений. Таким образом, использование формальными системами неформальных институтов дает им ощутимую выгоду, укрепляя их позиции (передача неформальными институтами знаний и других ресурсов в формальную систему). Для общества в целом (внешняя среда) неформальные институты приносят выгоду в виде уменьшения неопределенности состояния этой среды, балансировки равновесия интересов формальных подсистем; использования потенциала неформальных отношений.

Список литературы

Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское радио, 1978. 368 с.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211.

FORMAL AND INFORMAL INSTITUTIONS: SYSTEM APPROACH

Yuri M. Baturin

Doctor of Law,
Corresponding member of the Russian Academy of Sciences,
Chief researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: yubat@mail.ru

The paper offers a brief history of the systems approach and explains its logic. The methodology of systems analysis is used to examine the concepts of informal and formal institutions. It is explained how the elements, relationships and properties of a system are described, with particular attention given to the types of system properties. The description of properties in systems analysis is compared with that in the philosophical tradition. The paper provides the examples of informal institutions, demonstrates the relationship between informal and formal institutions, and explains the role of informal institutions in correcting the formal system's dysfunctions, damping down the emerging tensions, and taking into account the interests of subjects, restricted or blocked within the formal system of relations. The current problems of informal institutions are named. It is concluded that using informal institutions provides tangible advantages to formal systems and strengthens their position. Society as a whole benefit from informal institutions in reducing uncertainty, balancing the interests of formal subsystems, and using the potential of informal relations.

Keywords: informal institution, system, system characteristics, system function, system approach.

УДК 910.4. 006.065.3«18»

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-166-174

ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИИ НАУК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: НЕФОРМАЛЬНАЯ ФОРМАЛЬНОСТЬ

Татьяна Юрьевна Феклова

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Института
истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: tat-feklova@yandex.ru

В статье рассматриваются экспедиции Академии наук в первой половине XIX в. как неформальная, то есть не регулируемая правилами и указами, система. Приводятся данные об организационных и финансовых аспектах экспедиций и их вариативности. Неформальность этой системы подтверждается тем фактом, что каждая экспедиция комплектовалась собственным, уникальным комплексом документов, отличными были и способы ассигнования средств, видов и форм их получения и распределения. В статье отмечается отсутствие закрепления на законодательном уровне экспедиционной практики. Статья была подготовлена на основе материалов Российского государственного исторического архива и Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук с применением метода источниковедческой критики, а также обобщения и систематизации материалов, хранящихся в архивах и библиотеках.

Ключевые слова: Академия наук, экспедиции, XIX век, документоведение, финансы.

Неформальные институты достаточно часто становятся элементами формальной системы, являясь зачастую одним из важнейших элементов этой системы. Неформальный подход

представляет из себя неследование четко установленным канонам, возможность вариативности.

В настоящее время экспедиция (чаще всего геологическая, этнографическая или археографическая) — это четко очерченное мероприятие, с командировочным листом, покупкой билетов (только плацкарт или эконом) и расчетом продуктов на время командировки. Однако создание работающей модели экспедиции заняло довольно много времени.

Действуя методом перебора, применяя разные схемы, удалось прийти к тому, что сегодня кажется самым логичным и единственно возможным вариантом организации и формирования экспедиции. Но возможно это было, только если подходить к такой формальной вещи (то есть, действию, установленному каким-либо правилом или законом) как экспедиция с неформальной точки зрения.

Экспедиционные исследования занимали и занимают важное место в деятельности Российской академии наук. Начиная с первых дней ее существования, они являлись одним из основных методов изучения территории страны и важным элементом в деле «построения самой науки»: получения новых фактов, накопления описательного материала и сбора музейных коллекций. В то же время экспедиционная деятельность долгое время оставалась наиболее яркой и понятной для общества формой «нужности» Академии наук в общегосударственном масштабе: академические экспедиции не только решали практические проблемы познания территории страны, ее населения и природных богатств, но и, в определенной степени, участвовали в решении геополитических задач государства и укрепляли его международный авторитет.

Следует отметить, что экспедиционные исследования как отдельный вид деятельности Академии наук специально не были выделены ни в проекте устава Петра I, ни в Регламенте 1747 г. Это обстоятельство затрудняло организацию экспедиций, так как ученым приходилось проходить сложную и многоступенчатую

процедуру по утверждению ее проекта и получению финансирования. Несмотря на сформировавшуюся к началу XIX в. практику отправления экспедиций, организация каждой конкретной экспедиции отличалась от других корпусом подготовительных и сопроводительных документов, а также способом ассигнования и распределения средств.

Впервые экспедиционная деятельность Академии наук была прописана в Регламенте 1803 г., в § 11 которого ей предписывалось отправлять астрономов и натуралистов в отдаленные области «для путешествия по тем губерниям, коих географическое положение и естественные произведения недовольно еще известны или описаны». Согласно этому же параграфу «император обещает всегда вспомоществовать ей в таких полезных предприятиях и содействовать исполнению оных теми мерами, кои не зависят от самой Академии» (Регламент, 1803: 66). Этот параграф был сохранен и в уставе 1836 г.

Таким образом, экспедиции изначально уже были неформальной частью деятельности Академии, то есть действием, не включенным в рамки правила.

Подготовку и проведение экспедиции можно условно разделить на несколько организационных этапов:

- 1) инициативный, при котором ученый разрабатывает предварительный проект экспедиции;
- 2) организационный, при котором, после утверждения проекта, подготавливаются необходимые планы экспедиции, росписи расходов, сопроводительные документы, закупаются или изготавливаются необходимые приборы и экипажи, подготавливаются дополнительные сопроводительные документы от других учреждений и министерств (об обеспечении конвоем, материалами, инструментами и т. д.).
- 3) следующий этап экспедиции — это непосредственно «рабочий» этап, когда во время проведения экспедиционных исследований приходилось получать недостающие

разрешения к местному начальству или вести переписку о покупке коллекций;

- 4) последний этап работы экспедиции связан с окончанием ее деятельности, написанием отчетов и публикацией книг по результатам исследований, разбором коллекций.

Академик, желающий отправиться в экспедицию, должен был предоставить в Конференцию Академии наук записку, в которой излагал необходимость проведения экспедиции.

В предоставляемом документе должны были отражаться:

- 1) научное обоснование экспедиции, 2) состав участников, 3) смета расходов.

Ни сам формуляр документа, ни текст заявки на экспедицию никак не регулировались.

В случае положительного отзыва Конференция передавала отношение президенту Академии наук, который передавал бумагу министру народного просвещения. После утверждения плана президентом проект экспедиции передавался в Комитет министров (Варадинов, 1857: 21). Окончательное решение об организации экспедиции, как и решение о ее финансировании, всегда принималось императором (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15: 1839–1841. Л. 2).

После положительного решения об экспедиции на имя президента Академии наук приходило высочайшее повеление от императора, в котором прописывались конкретные сроки экспедиции, состав ее участников и способы финансирования. Такое же повеление шло к министрам — финансов (при финансировании из Государственного казначейства), Военного и Морского министерств (при совместных экспедициях).

Для того чтобы экспедиция прошла успешно, необходима была поддержка не только на уровне министерств, но и на местах, от которой во многом зависело выполнение поставленных перед учеными задач. Одним из способов добиться помощи от местного начальства была выдача участникам экспедиции

особых «открытых листов» с подписью императора. В этих листах всем земским и городским начальникам, а также полиции предписывалось оказывать всевозможную поддержку исследователям для наилучшего и скорейшего выполнения поставленных перед ними задач (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1838. Д. 6. Л. 37–45).

При возможности с места предполагаемой отправки экспедиции высылались информация о маршруте, наличии транспорта и поселений. Так, перед отправлением экспедиции А.Ф. Миддендорфа 1842–1845 гг. в Восточную Сибирь для составления точного маршрута движения и выработки определенных задач 27 мая 1838 г. от Конференции Академии наук был послан запрос к губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову с просьбой выслать сведения о предполагаемом районе экспедиции (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 30).

В начале XIX в. в России была проведена министерская реформа, призванная ввести жесткий принцип единоначалия в систему государственного управления.

Строгая иерархия и единоначалие привели к смене и последующей унификации и формализации всей системы делопроизводства. Порядок документирования стал определяться новыми принципами управления. Впервые стало строго регламентироваться время ответа на официальный документ — от двух до шести недель, но не более шести месяцев со дня поступления документа. «Не приведение в исполнение» рассматривалось как бездействие должностного лица, волокита, прямой или косвенный отказ от исполнения и подлежало наказанию (в зависимости от важности дела) — уголовному или административному (Уложение о наказаниях, 1867: 115–116).

Так, например, во время археографической экспедиции П.М. Строева по российским губерниям 1829–1834 гг. ученый четыре раза посылал официальные отношения на имя неперменного секретаря Академии П.Н. Фуса. В последнем своем послании к неперменному секретарю исследователь указывал, что если

он и на этот раз не получит ответа, то будет жаловаться директору Академии, поскольку на официальное отношение в обязательном порядке должен быть написан ответ (СПбФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.).

В первой половине XIX в. для ученых, отправляющихся в экспедиции, было предусмотрено специальное звание путешественника. Однако это тоже было своеобразным отходом от формальности, потому что это звание не было прописано ни в штатном расписании Академии наук, ни в разрядах о мундирах и пенсиях, ни в каких-либо других нормативных документах, в связи с чем для утверждения ученого в этом звании Конференция Академии наук подготавливала специальный документ, который утверждался президентом (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 87 об.). Жалование ученому, находящемуся в этом звании, определялось в размере жалования, положенного исследователю по штату Академии наук. Звание путешественника могло быть оставлено за ученым после окончания экспедиции сроком на один год — для написания отчетов и разбора коллекций.

Основное финансирование всех экспедиций Академии наук происходило из Государственного казначейства, поэтому ученый должен был предоставить вместе с планом экспедиции роспись всех предполагаемых расходов и их четкое обоснование.

В первой половине XIX в. в Российской империи наряду с бумажными рублями (ассигнациями) имели хождение и серебряные рубли. В среднем для исследуемого периода ассигнационный рубль обычно приравнивался примерно к 25 копейкам серебром.

Кроме ассигнаций и серебряных рублей для расчета с учеными, особенно отправляющимися в заграничные поездки, могли применяться другие средства платежа, например серебряные слитки или ямбы. Эта практика применялась для экспедиций в Китай, где серебряные слитки имели хождение вплоть до начала 1920-х гг. Серебряные слитки были выданы А.А. Бунге и Е.Н. Фусу, которые работали в составе Духовной миссии, отправившейся в Китай в 1829 г.

Помимо этого, в качестве оплаты ученым могли выступать золотые дублоны. Так, например, эти деньги получил воспитанник Академии наук астроном П.В. Тарханов — участник кругосветной экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (Лазарев, 1952).

Оплата жалования из экономических сумм Академии наук могла также производиться в виде червонцев, как это было сделано для адъютанта Академии наук по ботанике и зоологии А.К. Мертенса во время его кругосветного плавания с Ф.П. Литке 1826–1829 гг. А.К. Мертенсу производилась выплата жалования в 300 червонцев в год, а также 50 червонцев на подъем (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 12. Д. 308. Л. 16).

Еще одним способом получения недостающих средств на экспедицию могло стать ассигнование по подписке. Такой выпуск акций был достаточно редким явлением, но и он использовался для финансового обеспечения экспедиций, что позволяло не задействовать государственные средства. Подобный вариант финансирования был использован во время организации экспедиции В.Ф. Карвинского (Барабанов, 1974) в Мексику в 1840–1843 гг. Для поддержки этого предприятия были выпущены акции по 600 рублей каждая (150 рублей серебром).

Гибкий подход к финансированию экспедиций позволял ученым полнее выполнять поставленные перед ними задачи.

Формальные/неформальные подходы ограничивались не только уровнем делопроизводственной работы или финансированием, но и организацией питания и снаряжения. Одну из самых подробных смет составил К.М. Бэр во время своей экспедиции на Новую Землю в 1837 г. (СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 350. Л. 64–67). Помимо необходимых продуктов питания и покупки теплой одежды, в сметы было заложено приобретение фарфорового чайника, стола, каменной чаши для умывания и три бутылки рому.

Экспедиция — это сложное многокомпонентное мероприятие, решающее разноплановые задачи, включающее не только

переезды и сбор коллекций, проведение съемок и т. д., но и продолжительную подготовительную работу.

Проект Устава Петра I о создании Академии наук, а также Регламент 1803 г. и Устав 1836 г. не прописывали положения, определяющие осуществление экспедиционных исследований Академией наук. В связи с этим каждая экспедиция являлась уникальным предприятием, для осуществления которого, ученым Академии наук приходилось проводить длительную работу по организации и снаряжению экспедиции (документальную и финансовую), взаимодействуя с другими организациями и правительством. На протяжении двух столетий экспедиции оставались неформальной частью формальной системы. Благодаря неформализованному подходу и гибкости в принятии решений по организации и оснащению, экспедиции составили значительную часть славы Академии наук.

Список литературы

Барабанов В.И. Экспедиция В. Ф. Карвинского в Мексику и на Кубу (1840–1843 гг.) // Конф., посвящ. 200-летию со дня рождения акад. Г.И. Лангсдорфа (Проблемы исследования Америки в XIX–XX вв.): Тез. докл. Л., 1974. С. 37–41.

Варадинов Н.В. Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел. СПб.: В тип. Якова Трея, 1857. 393 с.

Лазарев М.П. Документы. В 3 т. Т. 1. М.: Военно-морское изд-во, 1952. 488 с.

Регламент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. СПб.: При ИАН, 1803. 77 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов свода законов. М.: Тип. Шюман и Глушкова, 1867. 624 с.

EXPEDITIONS OF THE ACADEMY OF SCIENCES IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY: INFORMAL FORMALITY

Tatyana Yu. Feklova

PhD in History, Senior researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: tat-feklova@yandex.ru

Informal system is a system outside of rules and official formalities and may act inside a formal system as its important part. The article discusses the Academy of Sciences' expeditions in the first half of the nineteenth century, as an informal system of the Academy. From the establishment of the Academy, the expeditions were one of its main scientific activities. The expeditions have come a long way to get out of the shadow of informality. Each expedition project was a step towards creating a working model for organizing an expedition. In the nineteenth century expeditionary practice was lack of consolidation of at the legislative level. Neither the charter of the Academy of Sciences nor the state laws legislated the practice of expeditions. Thus, each expedition was completed with its own, unique set of documents, the ways of allocating funds, types and forms of their receipt and distribution were also different. The article provides the data of organizational and financial aspects of expeditions and their variability. The novelty of the claimed topic is the widespread application of sources from the Russian archives (Saint-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of sciences, Russian State Historical Archive), which were not previously available to the scholarly community. These materials will indeed make it possible to painstakingly cover the history of expeditions as an informal system in such a formal organization as the Academy of sciences. The methodological approaches for the proposed article involve contemporary basic principles of historical research (scientific objectivity, historicism, consistency, historical-genetic approach, etc.).

Keywords: Academy of sciences, expeditions, XIX century, documentation, finance.

УДК 311.4(40)(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-175-184

**ИЗ ИСТОРИИ ВЕДОМСТВЕННОЙ НАУКИ
В РОССИИ: СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ИМУЩЕСТВ
(1837–1857)**

Андрей Юрьевич Скрыдлов

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Института
истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: askrydlov@gmail.com

Статья посвящена проблеме институционализации статистических учреждений в контексте взаимоотношения статистической науки и государственной власти в дореформенной России. Отмечено, что в первой половине XIX в. привлечение ученых-статистиков к решению вопросов государственного управления стало носить систематический характер и обрело конкретные организационные формы. В 1830–1850-е гг. ключевым центром ведомственной статистической науки стало Статистическое отделение Министерства государственных имуществ (МГИ). На основе документов из архивного фонда ведомства, а также опубликованных материалов рассмотрен его кадровый состав и основные направления деятельности. Сделан вывод о том, что Статистическое отделение МГИ стало площадкой, сумевшей удовлетворить как исследовательский интерес ученых-статистиков, так и сугубо практический государственный запрос на развитие сельского хозяйства. Можно констатировать, что научные задачи, которые стояли перед ведомством, способствовали раскрытию исследовательских способностей отдельных его чиновников, которые впоследствии внесли заметный вклад в развитие статистической науки. Результаты исследований Статистического отделения МГИ во многом определили представления правительственной элиты 1850-х гг. о состоянии сельского хозяйства в России. Эти представления легли в основу Крестьянской реформы 1861 г.

Ключевые слова: наука и власть, история статистики, ведомственная статистика, Министерство государственных имуществ, А.П. Заблоцкий-Десятовский, К.С. Веселовский.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00407.

Проблема взаимоотношений науки и власти является одной из наиболее обсуждаемых в современном науковедении. В Российской империи формы привлечения научного сообщества к решению государственных задач претерпевали эволюцию в исторической ретроспективе. Своеобразным рубежом в этом отношении можно считать первую половину XIX в., когда участие ученых в решении отдельных вопросов государственного управления стало носить регулярный характер и обрело конкретные организационные формы. Одной из них стало создание ученых подразделений в структуре центральных органов власти (Миронос, 2000).

Особое место в этом ряду занимали статистические учреждения. В начале XIX в. правительственная элита постепенно приходила к пониманию роли статистики в управлении государством, однако разные взгляды ведущих сановников на цели административной статистики обусловили длительный поиск оптимальной формы ее организации. Первый орган административной статистики в России был создан в структуре Министерства полиции в 1811 г., позднее передан в МВД. Сложная история его эволюции уже достаточно подробно изучена в историографии (Скрыдлов, 2021). Отсутствие единого центра ведомственной статистики в первой половине XIX в. вело к тому, что другие министерства были вынуждены самостоятельно обеспечивать свои потребности в статистических данных. На протяжении

1820–1850-х гг. статистические исследования в сфере своей компетенции проводили Министерство финансов, Главное управление путей сообщения, Военное министерство. Однако в этих ведомствах статистические работы были расплывлены между разными департаментами и чаще всего не носили систематического характера. Более успешным в этом отношении стало Министерство государственных имуществ (МГИ), в структуре которого по образцу МВД было создано обособленное Статистическое отделение (Елисеева, Дмитриев, 2016: 63). Его история прежде не становилась предметом специального исследования, между тем архив отделения сохранился в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и позволяет составить представление об организации статистических исследований и предметах научной работы в этом ведомстве.

МГИ было создано в 1837 г. на базе Департамента государственных имуществ Министерства финансов и V Отделения СЕИВК; возглавил ведомство П.Д. Киселев, перед которым Николай I поставил задачу по подготовке крестьянской реформы. Известно, что новый министр считал статистическое исследование социально-экономического состояния государственной деревни первоочередной задачей. Предложенные им проекты преобразований неизменно сопровождались статистическими выкладками, которые наглядно демонстрировали императору необходимость проведения тех или иных мероприятий. Министерство государственных имуществ в конце 1830-х – начале 1840-х гг. стало центром реформ Николаевской России; в этом контексте вполне естественным представляется создание здесь сильного статистического подразделения (Христофоров, 2011: 73–81).

Первоначальный штат Статистического отделения МГИ включал должности начальника, двух редакторов, двух помощников редакторов и журналиста. Первым руководителем ведомства стал А.П. Заблоцкий-Десятовский, к этому времени уже имевший опыт работы в Статистическом отделении МВД

под руководством известного статистика К.И. Арсеньева. Математик по образованию, Заблоцкий к 1837 г. заработал репутацию одного из первых специалистов в области статистики. Его работа 1836 г. «Статистические сведения о Санкт-Петербурге» удостоилась многих хвалебных рецензий. Успехи Заблоцкого в МВД способствовали его переходу в МГИ, где он со временем стал ближайшим помощником Киселева (Захарова, 2018: 37–139). Но на первом этапе карьеры Заблоцкому было поручено организовать статистическое изучение подведомственных министерству территорий с тем, чтобы в будущем составить «полную и систематическую земледельческую статистику России» (РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–7). На протяжении своего руководства отделением с 1837 по 1841 г. Заблоцкий старался наладить каналы получения статистических сведений из губерний. Поскольку губернские и уездные палаты государственных имуществ в эти годы только создавались, был избран путь «обревизования государственных имуществ» командированными чиновниками. Сам Заблоцкий в этот период большую часть времени проводил в командировках, где собирал статистический материал о состоянии разных отраслей сельского хозяйства в государственной деревне. Уже в 1837 г. состоялось путешествие Заблоцкого вместе с Н.А. Милютиным по южным губерниям, в 1838 г. он был направлен на Кавказ и Астраханскую губернию, в 1840 г. — в Екатеринославскую и Харьковскую губернии (Обзор действий, 1855: 6–17). Будучи доверенным лицом Киселева, Заблоцкий в ходе статистических экспедиций выполнял особые поручения министра. Наиболее известная из таких поездок состоялась в 1841 г. в центральные и южные губернии. Киселев поручил Заблоцкому в ходе этой поездки изучить не только положение государственных крестьян, но и крепостного населения. Эти сведения были нужны министру для подготовки проекта освобождения крепостных крестьян, который разрабатывался по поручению Николая I в одном из секретных комитетов. По итогам поездки Заблоцкий подготовил записку «О крепостном состоянии». Используя

собранные статистические данные, он описал состояние крепостного хозяйства, систему управления помещичьими имениями, попытался оценить влияние крепостного права на качество труда. Записка была представлена Киселеву и засекречена, однако ее содержание стало известно и вызвало широкий резонанс в обществе. Достаточно упомянуть, что ее читали в кружке петрашевцев (Захарова, 2018: 94). Таким образом, в 1841 г. Заблоцкий оказался в весьма уязвимом положении и был перемещен с должности начальника Статистического отделения в Канцелярию министра. Киселев, формально лишив чиновника руководящей должности, сохранил его для выполнения особых поручений. Кроме того, Заблоцкий получил назначение в Ученый комитет, где ему было поручено редактировать только что созданный Журнал МГИ. В новом качестве он продолжил статистические исследования и в 1847 г. сменил академика П.И. Кеппена на посту главы Отделения статистики Русского географического общества.

На смену Заблоцкому в 1842 г. начальником Статистического отделения был назначен И.И. Шопен, прежде служивший в Канцелярии министра. Определенную известность в качестве исследователя статистики он получил в 1830-е гг., когда по заданию кавказского наместника занимался описанием присоединенной к России Армянской области. С 1840 г. Шопен состоял членом-корреспондентом Статистического отделения Совета МВД. Судя по адрес-календарям за 1842–1847 гг. вскоре после назначения Шопена в Статистическом отделении МГИ возникли сложности с кадрами. Известно, что в 1843 г. из пяти вакансий в отделении была занята лишь должность журналиста, в 1844 г. — только должность одного из редакторов. Начиная с 1845 г. в ведомстве, помимо начальника отделения, стабильно числились два чиновника. Таким образом, штат отделения существенно сократился по сравнению с периодом руководства Заблоцкого (Месяцеслов, 1842: 520).

В 1839 г. в штате МГИ впервые появилось имя К.С. Веселовского, который был принят в Статистическое отделение

помощником редактора. В последующие несколько лет он успел послужить под началом Милютин в МВД, затем вернулся в МГИ производителем дел Ученого комитета, а в 1846 г. сменил Шопена на посту начальника Статистического отделения. «Я получил наконец возможность посвятить себя занятиям, которые мне по душе», — записал будущий академик в своих воспоминаниях (Веселовский, 1903: 33).

Веселовский возглавлял отделение без малого 11 лет, до 1857 г. Как и его предшественники, он столкнулся с проблемой получения достоверных сведений о состоянии сельского хозяйства и государственных имуществ. Главным поставщиком статистических данных в этот период стали губернские палаты государственных имуществ, которым было предписано ежегодно направлять в Статистическое отделение копии губернских отчетов (РГИА. Ф. 398. Оп. 2. Д. 224. Л. 1–13). Сведения, полученные по официальным каналам, проверялись через корреспондентов Статистического отделения в губерниях. Среди корреспондентов были заметные ученые и практики того времени — швейцарский консул в Одессе, один из основателей сельскохозяйственного общества Южной России И.А. Демоль, профессор сельского хозяйства Киевского университета С.М. Ходецкий, член РГО С.С. Лошкарев, агроном и черниговский помещик Г.И. Есимонтовский и другие (Обзор действий, 1855: 6–17).

Весьма информативным способом сбора сведений об отдельных территориях стало объявление конкурсных задач на определенные темы. Конкурсы регулярно проводились Ученым комитетом МГИ. От авторов требовалось представить описание не только положения хозяйства той или иной губернии, но и «указаний на меры к его усовершенствованию». Лучшие сочинения печатались в Журнале МГИ и отдельными изданиями, а их авторы награждались золотыми и серебряными медалями. (РГИА. Ф. 398. Оп. 1. Д. 2350. Л. 37–48).

Статистические сведения из разных источников стекались в Статистическое отделение. Из воспоминаний Веселовского

следует, что ему удалось добиться прежней численности штата отделения в пять человек. В их обязанности входила обработка первичных данных, на основе которых Веселовский готовил статистические описания по различным отраслям сельского хозяйства; эти работы публиковались в Журнале МГИ. Своеобразным итогом этой обширной работы стал «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России», который был вышел в 1851 г. и в дальнейшем трижды переиздавался (Хозяйственно-статистический атлас, 1851). Из предисловия к изданию понятно, что атлас виделся Веселовскому как промежуточный результат работы над обобщающим статистическим сочинением. Публикация атласа стала крупным научным событием для своего времени. В первое издание вошло 15 карт, большинство из них представляло статистику основных отраслей сельского хозяйства — урожаев хлеба, льна, пеньковой, табачной, свеклосахарной промышленности и т. д. Определенный интерес представляет карта хлебной торговли, составленная по материалам, собранным Заблоцким и Протопоповым. Здесь были отмечены регионы, «производящие хлеб с избытком», регионы-импортеры зерна, а также маршруты поставок зерна и объекты транспортной инфраструктуры. (Черницова, 2019: 119–121).

По оценке самого Веселовского, наибольшее значение для науки имела климатическая карта. Сочетание статистических и метеорологических исследований в середине XIX в. было распространенной практикой в европейской науке. В работах одного из крупнейших статистиков того времени А. Кетле важное место занимали метеорологические наблюдения. Ученый обобщал данные о погоде при помощи математических методов и искал взаимные зависимости природных и социальных явлений. Вдохновляясь работами Кетле, академики Кеппен и А. Купфер в 1840 г. разработали программу метеорологических наблюдений в России (Лоскутова, 2012: 152–153). Веселовский в своих климатических исследованиях также активно сотрудничал с Академией, Купфером и Главной физической

обсерваторией. Однако из отчетов видно, что основной массив данных о климате он получал именно через местную инфраструктуру МГИ. Результаты климатических исследований по отдельным регионам с 1848 г. активно публиковались в Журнале МГИ (Обзор действий, 1855: 6–17). Таким образом, климатическая карта, вошедшая в Хозяйственно-статистический атлас, обобщила накопленные к этому времени сведения о влиянии климата на сельское хозяйство.

Результаты статистических исследований Веселовского получили признание в Академии наук. В 1852 г., на следующий год после издания атласа, он был избран адъюнктом по классу статистики. Продолжив заниматься климатологией, в 1857 г. ученый опубликовал монографию «О климате России», в основе которой также лежали собранные Статистическим отделением сведения (Веселовский, 1857). В этом же году Веселовский был избран непременным секретарем Академии и оставил службу в МГИ, сосредоточившись на вопросах организации науки. Свою роль в этой отставке сыграли и перемены в управлении министерства, которые начались после ухода Киселева. Деятельность Статистического отделения МГИ при новом руководстве носила гораздо более ограниченный характер, а центр статистических исследований переместился в созданный в 1858 г. Центральный статистический комитет.

В 1830–1850-е гг. Статистическое отделение МГИ стало площадкой, сумевшей удовлетворить как исследовательский интерес ученых-статистиков, так и сугубо практический государственный запрос на развитие сельского хозяйства. Можно констатировать, что научные задачи, которые стояли перед ведомством, способствовали раскрытию исследовательских способностей отдельных его чиновников. Некоторые из них впоследствии внесли заметный вклад развитие статистической науки. Результаты исследований Статистического отделения МГИ во многом определили представления правительственной элиты 1850-х гг.

о состоянии сельского хозяйства в России. Эти представления легли в основу Крестьянской реформы 1861 г.

Список литературы

[Веселовский К.С.]. Воспоминания К.С. Веселовского // Русская старина. 1903. Т. 116. Кн. 10. С. 5–42.

Веселовский К.С. О климате России. СПб.: Типография ИАН, 1857. 327 с.

Елисеєва И.И., Дмитриев А.Л. Очерки по истории государственной статистики России. СПб.: Росток, 2016. 288 с.

Захарова Э.О. Государственная и общественная деятельность Андрея Парфеновича Заблоцкого-Десятовского: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.

Лоскутова М.В. «Сведения о климате, почве, образе хозяйства и господствующих растениях должны быть собраны...»: просвещенная бюрократия, гумбольдтовская наука и местное знание в Российской империи второй четверти XIX в. // Ab Imperio. 2012. № 4. С. 111–156.

Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1842 г. Ч. 1. СПб.: Тип. ИАН, 1842. 636 с.

Миронос А.А. Ученые комитеты и советы министерств и ведомств в XIX веке: Задачи, структура, эволюция. Нижний Новгород: ННГУ, 2000. 255 с.

Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главной сельской промышленности в России, в течение 10 лет, с 1844 по 1854 г. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1855. Ч. III. С. 2–31.

Скрыдлов А.Ю. Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811–1819) // Научный диалог. 2021. № 12. С. 461–478.

Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, изданный Департаментом сельского хозяйства МГИ. СПб.: Департамент сельского хозяйства М-ва гос. имуществ, 1851. 15 л.

Христофоров И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.

Черницова О.В. Константин Иванович Веселовский. К 200-летию со дня рождения // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 1. С. 118–127.

ON THE HISTORY OF DEPARTMENTAL SCIENCE IN RUSSIA: MINISTRY OF STATE PROPERTY STATISTICAL DEPARTMENT (1837–1857)

Andrey Yu. Skrydlov

PhD in History, Senior researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail askrydlov@gmail.com

The author analyzes the problem of institutionalization of statistical institutions in the context of the relationship between statistical science and government in pre-reform Russia. It is noted that, statisticians were more often involved in solving important issues of public administration in the first half of the XIX century. The Ministry of State Property Statistical department acquired the status of departmental statistical science key center in the 1830s-1850s. The Statistical Department staffing and main activities are considered basing on the archival documents and published materials. It is concluded that the Statistical Department was a platform that managed to satisfy both the statisticians' research interest and the purely practical state request for the agriculture development. It can be stated that the department solved scientific problems that contributed to the disclosure of its individual officials' research abilities. Some of them subsequently made a significant contribution to statistical science development. The article considers Andrey P. Zablotsky-Desyatovsky's and Konstantin S. Veselovsky's scientific works, which they performed as the department heads. Later they both became prominent statisticians. The Statistical Department researches results largely determined the government elite views on the agriculture state in Russia. Those ideas formed the Peasant Reform basis.

Keywords: Science and state power, history of statistics, departmental statistics, Ministry of State Property, Andrey P. Zablotsky-Desyatovsky, Konstantin S. Veselovsky.

УДК 930.1

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-185-193

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИКА: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Евгений Анатольевич Ростовцев

доктор исторических наук,
профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

В статье исследуется институциональный аспект развития исторической науки Санкт-Петербурга в последние десятилетия XIX – начале XX в. В фокусе внимания — процесс вхождения молодого поколения историков в науку в рамках социальных практик, связанных с деятельностью формальных и неформальных институций исторической науки. В этом контексте рассматривается деятельность молодежных и взрослых научных обществ и кружков. Отмечается, что основным местом создания таких институций являлся Санкт-Петербургский (Петроградский) университет, в котором проходила подготовка большинства столичных историков. В статье указывается на общность практик научного общения, вырабатываемых в молодежных университетских организациях, и используемых во «взрослых» научных обществах. Автор указывает на значение научных обществ с точки зрения расширения горизонтов исторической науки, расширения дисциплинарного исследовательского поля, поиска перспектив методологии научных штудий. Подчеркивается автономность университетских и внеуниверситетских научных обществ исторической направленности, выдвигается обоснованное предположение о том, что одной из причин «золотого века» Санкт-Петербургской исторической школы рубежа XIX–XX вв. был инициативный характер важнейших проектов и научных предприятий исторической науки, реализуемых вне государственных бюрократических институций.

Ключевые слова: научные общества, история науки, подготовка ученых, историческая наука, петербургская историческая школа, Санкт-Петербургский университет.

Санкт-Петербург рубежа XIX–XX вв. — несомненный центр интеллектуальной и научной элиты России. В полной мере это касается становления и развития петербургской исторической школы (Ананьич, Панеях, 2000; Дворниченко и др., 2018). В фокусе современных исследований находятся различные проблемы, связанные с антропологическими и корпоративными аспектами жизни этого научного сообщества. В литературе формулируется немало вопросов, касающихся формальных и неформальных институтов исторической науки: как проходил процесс вхождения ученого в науку? как проходило общение между представителями одного (и разных) поколений ученых? какие учреждения и институты являлись местом профессионального общения и работы ученых интересующего нас периода? в каких формальных и неформальных объединениях коммуницировали петербургские историки? каково было отношение к среде научных организаций со стороны власти и других социальных акторов? как строился механизм академического и социального заказа и какова была роль в его формировании формальных и неформальных научных институций? и т. п.

Одним из важных инструментов, способствующих поиску адекватных ответов на эти вопросы, является биографика и просопография научного сообщества историков Санкт-Петербурга / Петрограда конца XIX – начала XX в. (Петербургская историческая школа; Потехина, 2018). Анализ биографических данных историков, работавших в Санкт-Петербурге /Петрограде в 1880–1917 гг., показывает, что среди 516 человек более 270 окончили Санкт-Петербургский университет, 35 — Санкт-Петербургскую духовную академию, 23 — Высшие женские (Бестужевские) курсы, 20 — Историко-филологический институт, 13 — Археологический институт, 3 — Женский педагогический институт.

Из «варягов» больше всего (29) было выпускников Московского университета.

Эти данные демонстрируют, что университет и тесно связанные с ним Бестужевские курсы (которые условно называли «женским университетом») играли ключевую роль в становлении основной массы (порядка 60%) столичных историков. В этом контексте особое значение имеют формальные и неформальные университетские организации, где походило научное общение и профессиональное созревание петербургских историков.

Первым по времени следует считать возникшее в 1882 г. Студенческое научно-литературное общество, о котором в историографии говорилось не мало, и часто в политическом контексте. Если первоначально возникновению общества способствовало стремление властей к политическому контролю и слежке за студенчеством (см., напр.: Абдулина, 2021), то впоследствии Общество, по существу, стало своеобразным прикрытием формирующегося революционного кружка А.И. Ульянова (Казакевич, Мандель, 1967). Эти обстоятельства, несомненно, важны для понимания социального контекста развития науки. Однако следует признать, что основная роль этого общества, возглавлявшегося известным славистом, профессором историко-филологического факультета О.Ф. Миллером, заключалась все же в другом — в становлении атмосферы тесного и напряженного научного общения вступающего на научную стезю поколения студентов 1880-х гг., в том числе молодых историков (см., например: Ольденбург, 1947). Работа общества строилась вокруг обсуждения научных работ (рефератов) его членов, в котором активное участие принимали как студенты разных курсов, так и «оставленные при университете» (аспиранты), а также преподаватели. В числе молодых историков, прошедших через это научное общение, — ведущие петербургские историки первых десятилетий XX в. — С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Н.Д. Чечулин, И.М. Гревс, И.А. Шляпкин, А.К. Бороздин, А.А. Корнилов, В.Н. Латкин и многие другие.

В рамках общества проходило и неформальное общение университетской молодежи, что способствовало образованию кружков различного типа, в частности, знаменитых кружка «русских историков» (лидер — будущий профессор русской истории С.Ф. Платонов) и «Ольденбургского» кружка (лидерами которого были братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, А.А. Кауфман, М.И. Свешников, И.М. Гревс, А.С. Лаппо-Данилевский) (см., например: Бухерт, 1999; Гревс, 1918). Эти неформальные содружества ученых впоследствии сыграли немалую роль в формировании различных корпоративных «партий» внутри профессионального сообщества петербургских историков.

В связи с делом А.И. Ульянова Студенческое научно-литературное общество в 1887 г. было закрыто. Между тем, традиции неформального научного студенческого общения сохранялись не только в форме «нелегальных» научных собраний на квартирах их участников, но и внутри университета. Примечательно, что кураторами новых студенческих научных штудий в 1890-е гг. выступили с разрешения ректора П.В. Никитина недавние участники закрытого Студенческого научно-литературного общества — молодые преподаватели, приват-доценты университета. Первой такой студенческой научной организацией стал семинар приват-доцента юридического факультета М.И. Свешникова, который в первой половине 1890-х гг. был местом обсуждения различных вопросов социологии, политической экономии, экономической истории, где выдвигались студенческие лидеры как в научной, так и политической сфере. Среди его участников — П.Б. Струве, Б.В. Никольский, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.В. Водовозов, А.Н. Потресов и др. (Оболенский, 2015: 82–83). Другой организацией, созданной в 1894 г. на историко-филологическом факультете, стали «Беседы по проблемам факультетского преподавания» во главе с А.С. Лаппо-Данилевским. Как показано в литературе, «Беседы» являлись попыткой возрождения Студенческого научно-литературного общества (Завьялов, 2006: 117–118). После легализации студенческих научных кружков

«Беседы» перетекли в 1904 г. в Студенческое научно-литературное общество при историко-филологическом факультете (Ростовцев, 2004: 76–77), а, затем, с 1909 г., в Исторический кружок при университете (Романов, 1920).

Отметим, что после 1903 г. в условиях как стремительного роста числа студентов, так и открытия легальной возможности создания научных кружков, их количество в университете быстро увеличивается (в 1900–1910-е гг. было зарегистрировано около 80). Студенческие кружки не только позволяли окончившим университет студентам принимать участие в его академической и культурной жизни, но и, по аналогии с преподавательскими обществами, привлекали в университет заинтересованную в тех или иных кружковых занятиях петербургскую молодежь. Среди важнейших кружков, связанных с исторической наукой, помимо упомянутого Исторического, нужно отметить Секцию классической филологии (Студенческое общество классической филологии); Студенческий библиографический кружок; Кружок археологии, Дипломатический кружок, Кружок ориенталистов и другие (Ростовцев, 2017: 303–313). Все кружки возглавлялись преподавателями университета, которые рассматривали их как важную педагогическую трибуну. Подчеркнем, что кружки не только создавали устойчивую систему научных коммуникаций у начинающих ученых одного поколения, но и являлись местом приобретения ими полезного опыта, будучи организованными и руководимыми их старшими коллегами по образцу взрослых научных обществ.

По мере профессионального становления, прохождения карьерных ступеней и обрядов корпоративной инициации (магистерские экзамены, защита диссертации, начало приват-доцентуры) петербургский историк рубежа XIX–XX вв. постепенно перемещался из «молодежных» во взрослые научные организации. Подчеркнем, что помимо университетских ученых эти институты объединяли представителей всех заметных учебных заведений и научных организаций столицы, а зачатую и ряд

иногородних ученых. Напомним, что в последние десятилетия XIX – начале XX в. при университете возникает серия гуманитарных научных обществ, так или иначе соприкасающихся с занятиями историей, — Юридическое (1877), Неофилологическое (1885), Историческое (1889), Философское (1897). На стыке естественных и гуманитарных наук действовало Антропологическое общество (1888), в сферу занятий которого входили в том числе этнографические и археологические изыскания (Тихонов, 2004). Хотя по возможностям и финансированию эти структуры уступали аналогичным университетским обществам в других областях знания (прежде всего, знаменитым Обществу естествоиспытателей и Физико-химическому обществу), они играли существенную роль в формировании ландшафта исторической науки, будучи фактически автономными и лишь формально зависимыми от администрации университета. Например, направленность деятельности Исторического общества во многом была связана с интересами его основного организатора и бессменного лидера, профессора всеобщей истории Н.И. Кареева и, что примечательно, расходилась с основной линией историко-филологического факультета, где долгое время господствовало т. н. «эмпирическое» (источниковедческое) направление. Однако именно благодаря такой научной ориентации в обществе вызрела «Секция теории истории и социологии» во главе с профессором М.М. Ковалевским. Ее учредителями, помимо председателя, выступили видные члены университетской корпорации — Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Л.И. Петражицкий, М.И. Туган-Барановский, С.Л. Франк, П.Ю. Струве, Е.В. Тарле, Е.В. де Роберти, А.А. Чупров и др. Как отмечается в литературе, ее создание было одной из попыток институализации социологической науки в России, предшествовавшей образованию в 1916 г. Русского социологического общества (Долгова, 2013; Малинов, 2013). Эта ситуация показывает, как деятельность в рамках научных обществ зримо расширяла дисциплинарные и методологические горизонты науки. Неслучайно фактически все лидеры

петербургской историографии рубежа XIX–XX вв. принимали участие в целом ряде подобных структур. Наряду с университетскими среди многочисленных исторических обществ, разумеется, следует отметить также Русское историческое общество (Лепехин, 2016), Общество любителей древней письменности (Мещенина, 2010) и Русское археологическое общество (Жебелев, 2016). Каждое из упомянутых обществ сыграло уникальную роль в развитии отечественной историографии, но объединяли их зачастую одни и те же историки, задававшие направление исторической науки начала XX в.

Таким образом, профессиональные практики исторической науки Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX вв., ее достижения, механизмы развития в значительной степени определялись общественными (инициативными) проектами ученых, а не бюрократическими государственными институтами. Можно предположить, что в этом заключается одна из причин «золотого века» петербургской исторической школы.

Список литературы

Абдулина Б.М. Священная дружина и петербургское студенчество (1881–1882 гг.) // Клио. 2021. № 5. С. 104–111.

Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.

Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и Кружок русских историков // Археографический ежегодник за 1999 г. М.: Наука, 2000. С. 126–143.

Гревс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 42–88.

Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. «Петербургская историческая школа» XVIII – начала XX вв.: историографический контекст и методы исследования // Былые годы. 2018. Т. 49. Вып. 3. С. 1046–1060.

Долгова Е.А. Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. № 12. С. 67–70.

Завьялов Д.А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: РГПУ, 2006. 338 с.

Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования, 1897–1921: исторический очерк: приложение

Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017. 670 с.

Казакевич Р.А., Мандель С.З. Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX века: Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 75 с.

Лепехин М.П. Русское историческое общество, 1866–1920 // Юбилейный сборник Российского исторического общества: 150 лет со дня основания Русского исторического общества / Под ред. и с предисл. С.Е. Нарышкина. М.: [Кучково поле], 2016. С. 9–64.

Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский — первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 8–16.

Мещенина А.А. Историк по призванию (к биографии С.Д. Шереметева) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 45–62.

Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. М.; Берлин: Директ-медиа, 2015. 766 с.

Ольденбург Е.Г. Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете // Вестник Ленингр. ун-та. 1947. № 2. С. 145–155.

Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.) (2016–2019): информационный ресурс / Ред. коллегия: Т.Н. Жуковская, А.Ю. Дворниченко (руковод. проекта, отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.), И.Л. Тихонов. Биографика СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bioslovhist.spbu.ru/histschool.html> (дата обращения: 01.11.2022).

Потехина И.П. Портал «Биографика СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиевистики // Средние века. 2018. Т. 79. № 3. С. 180–195.

Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 181–188.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИД, 2004. 347 с.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: учение сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 328 с.

EDUCATION OF A HISTORIAN: FORMAL AND INFORMAL INSTITUTIONS OF HISTORICAL SCIENCE IN ST. PETERSBURG AT THE TURN OF THE 20th CENTURY

Evgeny A. Rostovtsev

Doctor of History, Professor,
Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

The article examines the institutional aspect of the development of the historical science of St. Petersburg in the last decades of the 19th and early 20th centuries. The focus of attention is the process of entry of the young generation of historians into scholarly world within the framework of social practices associated with the activities of formal and informal institutions of historical science. In this context, the activities of youth and adult scientific societies and circles are considered. The author consistently examines student scientific societies and circles (starting from the 1880s) and notes a significant growth of these organizations. The article reveals that the number of adult scientific societies associated with historical science increased simultaneously with student ones. It is noted that the St. Petersburg (Petrograd) University appeared to be the main place for the creation of such institutions, where most of the capital's historians were trained. The article points to the commonality of scientific communication practices developed in youth university organizations and used in "adult" scientific societies. The author points to the significance of scientific societies in terms of expanding the horizons of historical science, expanding the disciplinary research field, and searching for prospects for the methodology of scientific studies. The autonomy of university and non-university scientific societies of historical orientation is emphasized; a valid assumption is put forward that the initiative nature of the most important projects and scientific enterprises of historical science, implemented outside the state bureaucratic institutions, was one of the reasons for the "golden age" of the St. Petersburg historical school at the turn of the 20th century.

Keywords: scientific societies, history of science, training of scientists, historical science, St. Petersburg School of History, St. Petersburg University.

УДК 57(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-194-203

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ОПЫТНЫХ СТАНЦИЙ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ (НАЧАЛО XX ВЕКА)

Мария Александровна Помелова

кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Москва, Россия
e-mail: mpom@ihst.ru

Опытные станции Института экспериментальной биологии были организованы под Москвой создателем этого института Н.К. Кольцовым. Находясь за пределами города, в сельской местности, они способствовали появлению особого социального пространства, в значительной степени определившего «неформальный» стиль общения их обитателей и нивелировавшего традиционные академические иерархии, в том числе неотделимые от них гендерные предпочтения.

Ключевые слова: подмосковные опытные станции, Н.К. Кольцов, Институт экспериментальной биологии, исследования по генетике, история биологии, гендерные исследования.

Появление загородных биологических станций связано с развитием методик экспериментального исследования и натурного (полевого) наблюдения. Основанный Николаем Константиновичем Кольцовым в 1916 г. и начавший работу годом позднее, Институт экспериментальной биологии (ИЭБ) стал первым в нашей стране научным учреждением, в котором систематически проводились исследования в области генетики. Эти исследования

были важной частью экспериментальной биологии — новой научной области, объединявшей представителей различных дисциплин общим, экспериментальным подходом к изучению живого. Еще со времени организации ИЭБ Н.К. Кольцов поставил своей целью начать экспериментальные генетические исследования на животных.

Первые шаги отечественной генетики неотделимы от деятельности Генетической и находившейся неподалеку, в том же Звенигородском уезде, Гидробиологической.

Непосредственным толчком к возникновению станций послужила Октябрьская революция, оставившая без хозяев многие сельские имения, которые были национализированы местными советами. В некоторых таких имениях были организованы совхозы, в других — музеи и опытные станции (Бабков, 1985: 216; Россиянов, 2001: 141–157; Елина, 2008: 487).

В 1919–1925 гг. именно станции, а не городские лаборатории были основным местом проведения научных исследований. Одна из причин заключалась в том, что первоначально ИЭБ занимал всего лишь несколько комнат в отведенном ему здании. Естественно, что в городских условиях вести опыты в сколько-нибудь широких масштабах было затруднительно.

Другая, намного более существенная причина, была связана с условиями жизни в годы Гражданской войны — сильным дефицитом пищи и топлива. Начиная с осени 1918 г. начали чувствоваться — особенно сильно в Петрограде и Москве — разруха и голод: хроника того времени полнится некрологами известных ученых, основной причиной смерти которых становится недоедание.

Кроме этого, для Кольцова драматизм ситуации усугублялся сознанием гибельности «перерыва научных исследований, который неизбежно приведет к распаду сплоченной группы [ученых] и надолго остановит развитие науки в стране» (Архив Российской академии наук (АРАН) Ф. 450. Оп. 4. Д. 1).

Продолжение исследований стало возможным благодаря наличию бывших дворянских поместий — в сельской местности имелось много «свободных» имений, оставленных владельцами и (или) национализированных местными советами. При этом, организуя в экспроприированных частных владениях экспериментальные станции, Кольцов следовал, по собственному признанию, важной культурной миссии, в частности, работы по генетике кур служили не только научным задачам, но и призваны были спасти чисто русские породы. Стремление спасти от уничтожения уникальные породы домашних животных, своеобразными питомниками которых были до революции помещичьи хозяйства, служило для Кольцова дополнительным стимулом к развитию исследовательских работ по генетике сельскохозяйственных животных.

Большое значение для переноса исследований за город имела и доступная методика — для генетических опытов не требовалось сложного оборудования.

Первая генетическая станция Института экспериментальной биологии, начавшая свою деятельность под руководством Н.К. Кольцова, была создана в 1917 г. в Аникове, бывшем имении И.Я. Коншиной в Звенигородском уезде Московской губернии. В связи с увеличением объема исследований в 1925 г. Аниковскую генетическую станцию перевели в бывшее имение — Михалковых — Назарьево Звенигородского уезда, после чего она получила название Центральной генетической станции (ЦГС), специализируясь в области генетики сельскохозяйственных животных.

В Аникове начались работы по изучению менделирования признаков у морских свинок и кур, были заложены основы генетики сельскохозяйственных животных. Именно сюда в августе 1922 г. американский генетик Г.Дж. Меллер привез 30 чистых линий *Drosophila melanogaster*, что способствовало началу генетических экспериментов с дрозофилой в нашей стране (АРАН. Ф. 570 Оп. 1 (1920–1939). Д. 7).

В 1919 г. ИЭБ также получил в свое распоряжение еще одну — Гидробиологическую (Гидрофизиологическую) станцию, расположенную в нескольких километрах от Анникова, в результате своеобразной «самонационализации». Сергей Николаевич Скадовский, бывший ученик Кольцова по Московскому городскому народному университету им. А.Л. Шанявского, создал в 1910 г. в принадлежавшем ему и располагавшемся на берегу Москвы-реки владении «Воронцы» частную гидрофизиологическую станцию. С 1913 г. она служила местом летней практики для студентов этого университета. После того как университет был в 1919 г. закрыт, передача станции ИЭБ спасла ее от национализации, а сам Скадовский присоединился к штату сотрудников института, став ее заведующим (Астауров, Рокицкий: 1975: 168).

Звенигородская станция стала летней резиденцией генетической лаборатории Института экспериментальной биологии — «дрозофильщиков». Здесь жили и работали руководитель лаборатории С.С. Четвериков и его семья, а также Б.Л. Астауров, Н.К. Беляев, Е.А. и Н.В. Тимофеевы-Ресовские, Д.Д. Ромашов, Е.И. Балкашина и др.

В 1919–1921 гг. на этих станциях жили и находили пропитание ученые-биологи и их подопытные животные; по-видимому, даже после начала НЭПа эта их роль оставалась значительной, поскольку государственные ассигнования на проведение научных исследований систематически сокращались. Важным фактором для проведения исследований была и дополнительная площадь, имевшаяся на станциях (Rossiianov, 1997: 213–220; Россиянов, 2001: 141–157).

Зависимость ИЭБ от загородных станций уменьшается лишь после 1925 г., когда институт получает новое здание в Москве. Но даже после обретения институтом собственного здания станции служили местом работы для многочисленных сверхштатных сотрудников и студентов, особенно в летние месяцы.

На станциях царила та же непринужденная и творческая научная атмосфера, что и в ИЭБ; постоянно проводились семинары по генетике.

Случалось так, что, если кто-либо из сотрудников прочел интересную работу в библиотеке в Москве, он сразу же после приезда, в тот же день докладывал о ее содержании всем. После ужина проводились так называемые пятиминутки: на них по очереди каждый должен был рассказать о прочитанном, причем не обязательно в своей области науки. Н.К. Кольцов обычно жил летом на станции вместе с женой, М.П. Садовниковой-Кольцовой, и обедал вместе с сотрудниками в столовой, поэтому общение не ограничивалось рамками только научных вопросов.

Грань между научной работой и повседневностью была, по сравнению с городской обстановкой, размыта, что проявлялось и в намного более близких отношениях между исследователями, объединенными как «бытом», так и совместными праздниками и развлечениями. Например, важными событиями, в которых участвовали сотрудники обеих станций, были проводившиеся ежегодно, начиная с 1922 г., «Менделевские праздники», или «Менделевские дни».

Начало Менделевским дням было положено еще в 1922 г., когда 20 июля на Аниковской станции торжественно отпраздновали 100-летний юбилей со дня рождения Г. Менделя. Менделевские праздники проводили обычно в конце лета. Сначала делались научные доклады, а затем шла художественная часть. Нередко ставились пьесы, написанные кем-либо из сотрудников. В числе авторов были А.С. Серебровский и А.Н. Промптов, обладавшие не только научными способностями, но и поэтическим даром. На одном из Менделевских праздников поставили пьесу «Последняя мужчина», в которой высмеивалась книга Л.П. Кочетковой «Вымирание мужского пола в мире растений, животных и людей», которая связывала будущее человечества с партеногенетически размножающимися женщинами. Роль «последней мужчины» играл автор пьесы, заключенный в клетку

А.С. Серебровский, — по одному этому можно судить о характере отношений между преподавателями и студентами, свободных от какой бы то ни было субординации.

Таким образом, на станции сочетались большая наука, хороший научный тонус и непринужденная товарищеская атмосфера, объединявшая всех работавших независимо от научных рангов.

Царившая на станциях «непринужденная товарищеская атмосфера», о которой пишут работавшие там Б.Л. Астауров и П.Ф. Рокицкий (Астауров, Рокицкий, 1975: 168), во многом определялась удаленностью от города и городской жизни: в условиях тогдашнего сообщения требовался не один час, чтобы добраться до станций из Москвы.

В 1925 г. ученики Четверикова организовали так называемый «Дрозсоор» — семинар, шутивное название которого расшифровывалось как «совместное орание дрозофильщиков». Его неформальные заседания проходили первоначально на Гидробиологической станции в «Воронцах» (Астауров, Рокицкий, 1975). Свободный от условностей и часто «излишней» вежливости стиль заседаний нес на себе отчетливый отпечаток жизни на опытных станциях, во многих отношениях отличавшейся от жизни в городе. Продолжавшиеся зимой заседания «Дрозсоора» в Москве, посвященные реферированию литературы и обсуждению генетических и биологических проблем, оставались столь же непринужденными, что и летом.

Однако в городе не действовал фактор «естественной изоляции» и требовались специальные условия, которые позволили бы группе поддерживать как присущий ей характер обсуждений, так и свою независимость. Чтобы сделать заседания неформальными, их устраивали не в институте и не в университете, а на частных квартирах; для приема новых членов требовалось единогласное тайное голосование группы. Все это стало выглядеть подозрительным после начала сталинской «культурной революции» в 1928 г. Вслед за арестом С.С. Четверикова и высылкой его из Москвы летом 1929 г., причина чего до сих пор не вполне

ясна, семинар и группа прекратили существование. По-видимому, неформально организованные группы исследователей были в новых политических условиях особенно уязвимы, оказываясь в еще менее «выгодном» положении, чем традиционные, академические и университетские, структуры. Примечательно, что когда в 1934 г. Д.Д. Ромашов и Н.П. Дубинин продолжили коллективные исследования, то созданная ими эволюционная бригада функционировала уже не как неформальный коллектив, а как отдел ИЭБ (Rossiianov, Avrutskaia, 2015: P. 15–24.).

Радикальное изменение характера, самого «духа» сообщества не совпадает с формальной хронологией существования станций. Несмотря на то, что Генетическая станция была в 1924 г. передана из ведения ИЭБ в Опытный отдел Наркомата земледелия, а в 1925 г. переехала в деревню Назарьево, сотрудники института, в том числе внештатные, продолжали не только работать летом на станции, но и придерживаться прежних привычек и стиля жизни. С другой стороны, хотя станция в «Воронцах» сохранялась еще долгое время за институтом (позднее она будет передана в МГУ), жизнь ее необратимо меняется после распада группы Четверикова.

В то же время возникновение станций рассматривается нами как фактор, способствовавший преодолению гендерного неравенства. Историки науки неоднократно обращали внимание на феномен «невидимости» женщин в экспериментальном естествознании начала XX в. Женщины участвовали в научной работе преимущественно в качестве лаборанток, технических сотрудниц, обеспечивавших занятия студентов, а также как жены и подруги ученых, поддерживавшие и вдохновлявшие их в творческих занятиях (Rossiter, 1993: 325–341). Установившиеся в городе иерархии научной жизни размывались в условиях загородных научных станций, обеспечивая женщинам возможность полноценного участия в научной деятельности. В этом смысле деятельность загородных генетических станций ИЭБ особенно интересна, поскольку с момента их организации

женщины работали на них в качестве самостоятельных исследовательниц, а не помощниц мужчин. Так, в развитие направления, намеченного в 1920-е гг. С.С. Четвериковым и ставшего впоследствии основой эволюционной и популяционной генетики, важный вклад внесли первые отечественные женщины-генетики: Елизавета Ивановна Балкашина, Елена Александровна Фидлер (с 1922 г. Тимофеева-Ресовская) и Зоя Сафрониевна Никоро.

Важным фактором, уравнивавшим профессоров, молодых преподавателей и студентов, стала установившаяся на станциях атмосфера непринужденного, неформального общения. По воспоминаниям З.С. Никоро: «Центральная генетическая станция была в своем роде уникальным научным учреждением, я больше так хорошо организованных учреждений не видела, где царили мир и дружба, горячий интерес к науке, прекрасная организация научной работы и высокая продуктивность при полном отсутствии формальной дисциплины» (Никоро, 2005: 67–73).

Колоритные эпизоды из жизни обитателей этих станции описаны также работавшим на ней генетиком Н.В. Тимофеевым-Ресовским (Тимофеев-Ресовский, 1993: 396).

Особое внимание хотелось бы обратить на то, что стиль жизни научного сообщества биологических станций способствовал формированию нового статуса женщин–ученых, возникновению коллективистского этоса и прочных «горизонтальных» связей. Предписать обитательницам и обитателям станций, вдохновляемым ценностями совместной работы, следовать предлагаемой руководителем программе было практически невозможно — важнейшие цели исследования определялись в ходе совместных обсуждений, ломавших как традиционную академическую субординацию, так и гендерные иерархии и перегородки.

Список литературы

Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. Николай Константинович Кольцов. М.: Наука, 1971. 168 с.

Бабков В.В. Московская школа эволюционной генетики. М.: Наука, 1985. 216 с.

Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII – 20-е годы XX века. В 2 т. М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 487 с.

Никоро З.С. Из жизни Центральной генетической станции // Природа. 2005. № 3. С. 67–73.

Тимофеев-Ресовский Н.В. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1993. 396 с.

Россиянов К.О. Институт экспериментальной биологии Н.К. Кольцова и возникновение генетики в Советском Союзе, 1917–1925 // Научное наследие Л.Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения (сборник статей). М.: ИИЕТ РАН, 2001. С. 141–157.

Rossiiianov K. Experimental Stations and the Emergence of the Soviet Genetics Community, 1917–1925 // Journal of the Swedish Seed Association. 1997. Vol. 107. P. 213–220.

Rossiianov K., Avrutskaya T. Rethinking Russian Studies on the Genetics of Natural Populations // The Mendel Newsletter. 2015. № 20. P. 15–24.

Rossiter M.W. The Matthew/Matilda Effect in Science // Social Studies of Science. 1993. V. 23. P. 325–341.

THE EMERGENCE OF THE EXPERIMENTAL STATIONS OF THE INSTITUTE OF EXPERIMENTAL BIOLOGY AND THEIR SCIENTIFIC COMMUNITY (THE EARLY 20TH CENTURY)

Maria A. Pomelova

PhD in Biology, Senior researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: mpom@ihst.ru

The experiment stations of the Institute of Experimental Biology were set up by Nikolai Koltsov, the founder and director of the Institute, in the vicinity of Moscow. Located in the countryside, the experiment stations fostered a special social space with strong informal social bonds between its inhabitants. Defying traditional academic hierarchies and the accepted patterns and style of communication helped overcome the gender bias that was entrenched in the scientists' life in the city.

Keywords: experimental stations, Nikolai Kol'tsov, Institute of Experimental Biology, genetic research, history of biology, gender studies.

УДК 57(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-204-212

СТАНОВЛЕНИЕ РАДИОБИОЛОГИИ КАК НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В КОМИ ФИЛИАЛЕ АН СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

Тимофей Анатольевич Сокерин

младший научный сотрудник
Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»,
Сыктывкар, Россия;
e-mail: tima.cok@mail.ru

В статье проанализирован первый этап в становлении радиобиологических исследований в Коми филиале Академии наук СССР во второй половине 1950-х гг., изучение которого представляется актуальным с точки зрения усиления роли регионов России в жизни страны. На основе архивных документов и опубликованных сведений установлены основные тенденции в историческом процессе становления нового научного направления и коллектива в региональном научном центре, охарактеризовано значение первой радиобиологической экспедиции в Ухтинском районе Коми АССР. Определено, что положительный результат достигнут благодаря своевременной инициативе ученых региона, особым природно-географическим условиям Коми АССР, применению комплексного подхода при проведении исследований, использованию опыта ведущих советских специалистов в области радиобиологии.

Ключевые слова: история науки, история биологии, радиобиология, Коми филиал АН СССР, Коми научный центр.

Становление нового научного направления в академическом учреждении часто является важной вехой в его развитии, представляющей собой совокупность различных событий, факторов, коммуникаций, результатов деятельности. Конкретные

проявления этого процесса, изучение которых является актуальной темой для истории науки, во многом определяются вектором развития научной политики государства и отдельных учреждений. Обращение к истории зарождения нового научного направления в Коми филиале АН СССР представляется актуальным, потому что ее изучение позволяет выделить изменения, проходившие в региональной науке на фоне общероссийских тенденций, и показать ее роль в жизни страны.

Процесс становления радиобиологических исследований в Коми филиале АН СССР был слабо изучен в научной литературе. В работах исследователей делался акцент на освещении роли П.П. Вавилова, П.Ф. Рокицкого, и В.И. Маслова в становлении этого научного направления (Забоева и др., 1994: 10–12; Забоева, Таскаев, 2002: 71–72; Попова, 2002: 20; Ермакова, 2007: 42; Кудяшева, 2011: 2; Рощевская, 2017: 114–115). Вне их поля зрения осталось формирование исследовательского коллектива радиобиологов в контексте развития радиобиологии как науки.

В данной работе были использованы документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН, представленные первыми научными отчетами лаборатории радиобиологии Коми филиала АН СССР, и служебные документы. Эти источники позволяют проанализировать процесс становления радиобиологических исследований на Европейском Северо-Востоке России.

Цель исследования — изучение процесса становления радиобиологии как научного направления в Коми филиале АН СССР во второй половине 1950-х гг. Задачи исследования: 1) определить предпосылки становления радиобиологии как нового научного направления в Коми филиале АН СССР; 2) исследовать процесс формирования коллектива исследователей; 3) выявить факторы, повлиявшие на становление радиобиологических исследований в КФАН СССР.

Явление радиоактивности было известно науке с конца XIX в., и одним из основных направлений его изучения являлось биологическое. В 1950-е гг. были проведены десятки испытаний

ядерного оружия, которые, как считалось, имели негативные последствия для населения и окружающей среды в целом. Для изучения этих последствий во многих государствах были созданы научно-исследовательские учреждения, в которых видное место занимала радиобиология. Не был исключением и Советский Союз, где развитие этой науки было тесно связано с реализацией «атомного проекта». 7 января 1956 г. Президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов в записке в ЦК КПСС подчеркивал факт отставания страны в области биохимии и биофизики (Записка Президиума АН СССР, 2010: 392). Эти направления экспериментальной биологии были связаны с изучением воздействия радиации на живые организмы. 26 апреля 1957 г. на заседании Президиума АН СССР было признано необходимым усилить в Академии наук исследования в области радиобиологии (Курсанова, 2018: 347). При организации этих исследований в Коми АССР положительную роль сыграли факторы, выделенные д. э. н., г. н. с. ИИЕТ им. С.И. Вавилова Г.А. Лахтиным, которые обуславливают территориальную привязку выбираемых работ на региональном уровне: природный, производственный, интеллектуальная ориентация, проявление инициативы на местах (Лахтин, 1990: 133–134).

На территории Республики Коми существует несколько очагов радиоактивности. Естественные очаги представлены участками, расположенными на Среднем Тимане, Северном и Полярном Урале (Ермакова, 2007: 42). Техногенный очаг был образован в результате деятельности предприятия по добыче радия из природных вод в 1931–1956 гг., расположенного в поселке Водный Ухтинского района (Кичигин, Таскаев, 2004: 25–26).

В Коми филиале АН СССР ко второй половине 1950-х гг. действовали шесть секторов, где работали биологи различного профиля. Они не были профессионально подготовлены к работе с радиоактивными веществами, и им необходимо было освоить новую методику проведения исследований (Научный архив Коми научного центра УрО РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 14. Д. 3. Л. 3).

Инициатором продвижения нового направления в филиале стал д. б. н. П.Ф. Рокицкий, который был в 1949–1957 гг. заведующим отделом животноводства и зоологии Коми филиала АН СССР. Он в феврале-марте 1957 г. находился около месяца в командировке в Москве и присутствовал на координационном совещании Отделения биологических наук, которое поднимало вопрос о переориентации сил биологов на радиобиологическую тематику. Информация, которую привез Петр Фомич, была настолько важна, что незамедлительно по его возвращении из командировки 7 марта состоялось заседание Президиума Коми филиала АН СССР. П.Ф. Рокицкий предложил председателю Президиума КФАН д. с.-х. н. П.П. Вавилову начать комплексные радиоэкологические исследования (Забоева, Таскаев, 2002: 20). Выдающийся биолог П.П. Вавилов полагал, что Северо-Восток Европейской части России был перспективным регионом для проведения изысканий в этой области науки. В итоге исследовательские работы по новому профилю получили одобрение.

В 1957 г. в Коми филиале АН была начата работа над темой «Изменчивость популяций животных и растений в районах повышенной естественной радиации». Установление контактов с выдающимися учеными председатель Президиума Коми филиала АН относил к числу наиболее важных вопросов в развитии нового для филиала направления (Забоева и др., 1994: 5). Помимо П.Ф. Рокицкого и П.П. Вавилова, научное руководство над первыми исследованиями осуществлял сотрудник Института биофизики АН СССР д. б. н. А.А. Передельский, который сформировал радиоэкологическую группу в Институте морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (Черешнев и др., 2009: 732).

Решению проблемы подготовки квалифицированных кадров для нового направления способствовали стажировки. Лаборант-радиохимик А.Н. Басырова окончила курсы при химическом факультете МГУ по подготовке специалистов для работы с радиоактивными веществами (Краткий биографический справочник,

2009: 9). Летом 1957 г. три сотрудника КФАН (гидробиологи с. н. с. Э.И. Попова и н. с. Т.А. Власова, ботаник н. с. Р.П. Коданёва) были отправлены на стажировку на биофизическую станцию, расположенную на озере Большое Миассово в Челябинской области и являвшуюся частью Уральского филиала АН СССР (Бабков, Саканян, 2002: 560). На ней под руководством выдающегося радиобиолога Н.В. Тимофеева-Ресовского проводились специальные краткие курсы по основам биофизики радиации, радиационной генетики, учения о микроэволюционных процессах (Бабков, Саканян, 2002: 562). Р.П. Коданёва в 1958 г. также прошла курс обучения в Институте биофизики АН СССР у одной из первых женщин-радиобиологов — д. б. н., н. с. И.Н. Ерховской (Попова, 2002: 10–11). Она была руководителем первого в СССР изотопного практикума, на котором молодые специалисты овладевали методами радиобиологических исследований. Через повышение квалификации по работе с радионуклидами прошли сотни молодых биологов страны (Черешнев и др., 2009: 734).

В 1957 г. состоялась первая радиобиологическая экспедиция Коми филиала АН СССР. Она проводилась в Ухтинском районе с 10 июля по 18 августа и носила рекогносцировочный характер. П.Ф. Рокицкий придавал большое значение выяснению многообразия и экологических взаимоотношений всех компонентов биогеоценозов. С этой целью были организованы два полевых отряда. Первый отряд использовал метод маршрутных обследований, что позволило определить площадки и очаги высокой радиоактивности. Особое внимание уделялось местности возле пос. Водный в тех местах, где ранее проводилась переработка радиоактивных вод. Второй отряд проводил картирование участков, а также осуществлял отбор образцов почв, воды, воздуха, растительного и животного материала для последующего анализа на содержание радиоактивных веществ (Экспедиционные исследования, 2009: 8–10, 165).

Участники экспедиции обследовали обширные по площади территории, выполняли трудоемкие дозиметрические работы,

проводили сбор значительного количества материалов, что позволило получить первые результаты. Проведенные наблюдения не показали выраженной приуроченности видов растений и их ассоциаций к участкам с различным радиоактивным загрязнением. Отмечалось отсутствие угнетения в формировании генеративных органов растений. Уже в период первой экспедиции стало ясно, что складывались благоприятные условия для организации в исследуемом районе нескольких площадок-стационаров, отличающихся разным уровнем радиации, составом растений и животных, периодом действия на них радиоактивных веществ (Экспедиционные исследования, 2009: 10–11). Первые оценки полученных в экспедиции данных поставили вопрос о необходимости проведения комплексных исследований на многолетней основе и создания для этого в составе Коми филиала АН СССР специализированного структурного подразделения.

Лаборатория радиобиологии была организована в Коми филиале АН СССР 21 сентября 1959 г. за счет существовавших штатов приказом по филиалу. Заведующим лабораторией был назначен к. б. н., м. н. с. отдела животноводства и зоологии В.И. Маслов (НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 548. Л. 227; Оп. 18. Д. 107. Л. 536–539). Первыми сотрудниками лаборатории стали 12 человек: младшие научные сотрудники зоологи В.И. Маслов и К.И. Маслова, гидробиологи Т.А. Власова и Э.И. Попова, ботаники Р.П. Коданёва, З.Г. Иевлева, и Т.П. Кобелева, радиохимик А.Д. Чистяков, почвовед В.Г. Русанова, старшие лаборанты Г.И. Есова и М.Я. Бейлин, а также препаратор В.М. Лаврентьева (НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 107. Л. 536–539; Д. 566. Л. 163–173). Немаловажно, что новое структурное подразделение было довольно молодым. Средний возраст сотрудника на момент вступления в должность составлял менее 30 лет. Все исследователи имели высшее образование, окончив вузы разных городов СССР (Москвы, Перми, Ленинграда, Казани, Сыктывкара), но лишь специальность А.Д. Чистякова — «радиохимия» — была непосредственно связана с радиоактивностью. Включение

представителей различных направлений биологии в состав персонала лаборатории радиобиологии подчеркивает комплексный характер проводимых исследований, подразумевающий на начальном этапе изучение различных видов растений и животных, находящихся в разных радиоэкологических условиях.

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. в Сыктывкаре быстрыми темпами стало формироваться новое научное направление. Первые шаги позволили организовать специальную лабораторию в составе Коми филиала АН СССР и закрепить радиобиологические исследования в тематике филиала. Этот положительный результат был достигнут благодаря следующим факторам: своевременному проявлению инициативы учеными КФАН СССР, особым природно-географическим условиям Коми АССР, использованию комплексного подхода при проведении исследований, а также опыта ведущих специалистов.

Список литературы

Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Тимофеев-Ресовский. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 672 с.

Ермакова О.В. Путь, по которому стоит идти (к 90-летию со дня рождения В.И. Маслова) // Вестник Института биологии Коми НЦ УрО РАН. 2007. № 2 (112). С. 42–46.

Забоева И.В., Попова О.Н., Швецова В.М. Петр Петрович Вавилов. Сыктывкар: Коми научный центр, 1994. 56 с.

Забоева И.В., Таскаев А.В. Институт биологии Коми научного центра УрО Российской АН (становление, развитие). Сыктывкар: Коми научный центр, 2002. 160 с.

Записка Президиума АН СССР о проекте плана развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг. 7 января 1956 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. 1922–1991. Т. 2. 1952–1958. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 390–394.

Кичигин А.И., Таскаев А.И. «Водный промысел»: история производства радия в Республике Коми (1931–1956 гг.) // ВИЕТ. 2004. № 4. С. 3–30.

Краткий биографический справочник (к 50-летию радиоэкологических исследований в Республике Коми). Сыктывкар: Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, 2009. 100 с.

Кудяшева А.Г. Радиобиологические и радиоэкологические исследования в Институте биологии // Вестник Института биологии Коми НЦ УрО РАН. 2011. № 4–5 (162–163). С. 2–9.

Курсанова Т.А. Необратимые перемены в направлении биологических исследований в СССР (1950-е гг.). Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция ИИЕТ РАН, 2018. М.: ИИЕТ РАН, 2018. С. 346–349.

Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 224 с.

Попова О.Н. Золотой век радиоэкологов Коми. Сыктывкар: Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, 2002. 62 с.

Рощевская Л.П. Генетик П. Ф. Рокицкий в истории Коми филиала АН СССР (1949–1957 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 105–121.

Черешнев В.А., Большаков В.Н., Чеботина М.Я. «Я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт». К 100-летию со дня рождения Н.В. Тимофеева-Ресовского // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 8. С. 731–735.

Экспедиционные исследования отдела радиоэкологии Института биологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Сыктывкар: Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, 2009. 200 с.

THE SHAPING OF RADIOBIOLOGY AS A SCIENTIFIC FIELD IN THE KOMI BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE SECOND HALF OF THE 1950S

Timofey A. Sokerin

Junior researcher,
Federal Research Centre "Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences",
Syktyvkar, Russia;
e-mail: tima.cok@mail.ru

The article analyzes the first stage in the formation of radiobiological research in the Komi branch of the USSR Academy of Sciences in the second half of the 1950s. The study of this issue seems relevant from the point of view of strengthening the role of Russian regions in the life of the country. Based on archival documents and published information, the main trends in the historical process of the formation of a new scientific direction in the regional science center are established. By the second half of the 1950s, there were six departments in the Komi branch of the USSR Academy of Sciences, where biologists of various profiles worked. Doctor of sciences Petr Rokitsky, being the Head of the Department of Animal Husbandry and Zoology, was able to interest the Head of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences, doctor of sciences Petr Vavilov, in the development of radiobiological research in the region. The significance of the first radiobiological expedition in the Ukhta region of the Komi ASSR is characterized. This expedition made it possible to organize a special laboratory as a part of the regional science center and made radiobiological research a part of the subject matter of this scientific institution. It is determined that the positive result was achieved due to the timely initiative of the scientists of the region, the special natural and geographical conditions of the Komi ASSR, the use of an integrated approach in conducting research, the use of experience of leading Soviet specialists in the field of radiobiology.

Keywords: history of science, history of biology, radiobiology, Komi branch of the USSR Academy of Sciences, Komi Science Centre.

УДК 061.2(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-213-221

СТУДЕНЧЕСКИЕ КОНСТРУКТОРСКИЕ БЮРО: ОТ НЕФОРМАЛЬНЫХ КРУЖКОВ К ОФИЦИАЛЬНЫМ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ИНСТИТУЦИЯМ (1960–1980 ГГ.)

Ольга Александровна Чагадаева

кандидат исторических наук,
ведущий эксперт
Лаборатории социальной истории
и антропологии науки, доцент кафедры 52
Национального исследовательского ядерного
университета «МИФИ»,
Москва, Россия;
e-mail: oachagadaeva@mephi.ru

Студенческие конструкторские бюро, получившие распространение в 1960–1970-е гг. в основном в технических вузах СССР на базе существовавших неформальных кружков, оказали существенное влияние на развитие позднесоветской науки и техники. В конце 1950-х гг. правительство поставило перед руководителями вузов, комсомольскими и партийными организациями задачу пропагандировать и стимулировать научно-исследовательскую деятельность среди молодежи, подключать студентов к работе над актуальными глобальными проектами страны и ситуативными хозяйственными задачами регионов, что позволило выпускать «готовых» ученых и специалистов для ключевых отраслей экономики. В статье анализируется процесс институционализации этих «научных инкубаторов» из неформальных студенческих научных сообществ, многие из которых существовали с довоенных времен, в мощные хозрасчетные подразделения с собственным бюджетом, штатом и планированием, выполнявшие передовые научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по заказам предприятий. Институционализация СКБ как принципиально нового типа организации научно-исследовательской работы студентов на всесоюзном уровне завершилась в 1968 г. публикацией

Минвузом СССР типового положения «О студенческих конструкторских, исследовательских, проектных, технологических и экономических бюро высших учебных заведений».

Ключевые слова: история науки, студенческие конструкторские бюро, студенческая наука, формальные и неформальные институты, социальная история науки, история повседневности.

В последнее десятилетие в России проводится кампания по популяризации инженерно-технического образования с целью вывести науку и технологии в стране на новый уровень, поднять престиж научно-исследовательской деятельности. Особый интерес представляет возрождение в вузах исчезнувших было в 1990-е гг. студенческих конструкторских бюро.

Первые студенческие конструкторские бюро выросли из студенческих научных обществ и кружков — объединений, имевших долгую, подчас дореволюционную историю. Старейшие из советских СКБ образовались в 1930–1940-х гг. Однако именно в 1960–1970-е гг. в СССР проводилась целенаправленная политика по значительному увеличению числа студентов и их массовому привлечению к научно-исследовательской, опытно-конструкторской и внедренческой работе. В эти годы деятельность студенческих КБ стала заметна и поощряема на государственном уровне.

Организованные по распоряжению Минвуза в 1960–1970-е гг. в большинстве технических вузов СССР студенческие бюро оказали существенное влияние на развитие позднесоветской науки. Эти «научные инкубаторы» представляли собой хозрасчетные подразделения, где выполнялись передовые научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Таким образом студенческие КБ стали связующим звеном между наукой и промышленностью и самостоятельной экономической единицей. Студенческие КБ были визитной карточкой вуза, своеобразной витриной его научных достижений. Студенты в бюро сами заключали договора с предприятиями, назначали сроки исполнения, распределяли и выполняли работы — то есть, говоря

современным языком, развивали и “hard”, и “soft skills” будущих инженеров.

История распространения СКБ в технических вузах СССР берет начало в 1950-е гг. Тогда в рамках студенческих научных обществ, существовавших тогда, по официальным данным, в 200 вузах страны, развернулось молодежное движение «Студенты — производству». Это движение во многом изменило направление студенческой науки в сторону прикладных исследований и потому вызвало к жизни такую форму совместной работы, как студенческое конструкторское бюро. В то же время и правительство поставило перед руководителями вузов, комсомольскими и партийными организациями задачу пропагандировать и стимулировать научную деятельность среди молодежи, подключать студентов к работе над актуальными глобальными проектами страны и частными хозяйственными задачами регионов, что позволило бы выпускать «готовых» специалистов для ключевых отраслей экономики. Одним из первых документов Совета Министров СССР о развитии студенческой науки было принятое в 1956 г. постановление об организации ежегодного конкурса на лучшую научную работу студентов. Следующий закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР 1958 г. гласил: «Необходимо провести перестройку народного образования с тем, чтобы советская средняя, профессионально-техническая и высшая школы играли более активную роль во всей созидательной деятельности советского народа» (Закон об укреплении связи школы с жизнью, 1959: 6).

Наука в вузах стала считаться важной производственной силой, способной оказать позитивное влияние на развитие экономики страны. При этом ставка делалась на молодое поколение строителей коммунизма, которым, по заявлению Хрущева, при этом самом коммунизме предстояло жить.

В июне 1961 г. приказом Минвуза СССР было утверждено положение о научно-исследовательской работе студентов. В нем

отмечалось, что в проведении изысканий могли принимать участие студенты всех форм обучения, выполнявшие учебный план и проявившие склонности к творческой работе. Согласно Положению, научно-исследовательская работа студентов во внеучебное время включалась в общий план исследований вузов, факультетов, кафедр. Студенты, которые вели исследования, объединялись в студенческие научные общества. Положение определяло права и обязанности членов общества (Высшая школа, 1965: 389–392.). Таким образом к началу 1960-х студенческое научное общество как форма молодежного научно-исследовательского объединения получило статус и правовую основу на всесоюзном уровне и становилось формальной институцией вуза.

В технических вузах из этих научных обществ и кружков, получивших отныне не только санкцию на свое существование, но и некоторое единообразие, появляются новые формы студенческих научных объединений — студенческие конструкторские бюро (СКБ).

СКБ создавались в целях подготовки специалистов, владеющих новейшими достижениями науки и техники, имеющих организационные навыки в проведении коллективной творческой работы, а также в целях привлечения студентов к разработке важнейших комплексных научно-исследовательских проблем по госбюджетной и хоздоговорной тематике института. При этом «Типовое положение о студенческих конструкторских, исследовательских, проектных, технологических и экономических бюро высших учебных заведений» было утверждено только в 1968 г., так что первое время вузы организовывали и структурировали СКБ по своему усмотрению.

Структура СКБ как правило разрабатывалась научно-техническим сектором в соответствии с задачами и объемом работ и утверждалась проректором по научно-исследовательской работе. Деятельность СКБ курировалась заместителем секретаря Комсомола по учебно-научной части. Комсомол вовлекал студентов в научную работу и проводил своеобразный отбор самых

достойных из них для участия в СКБ — политически благонадежных отличников учебы, активистов. Секторы СКБ организовывались при общетехнических кафедрах и имели структуру в соответствии с основными функциями: конструкторская группа, технологическая группа, группа испытаний, монтажная группа, научная группа и др.

В среднестатистическом студенческом конструкторском бюро работали 130–150 студентов, которые под руководством 6–8 штатных инженеров выполняли объем работ на сумму 65–80–тыс. руб. Ежегодно около 10 участников СКБ защищали дипломные и около 20 — курсовые проекты по тематике работы бюро. Абсолютное большинство по тематике на 1960–1970-е гг. составляли строительные и проектно-строительные СКБ. Порядка 65% всех СКБ было создано в инженерно-технических институтах, остальные — в университетах, педагогических, технологических и сельскохозяйственных вузах (Комсомол в вузе, 1973: 127).

Студенты, ответственные за исполнение работ, зачислялись на должности и получали зарплату. Работа преподавателей, привлекаемых для руководства работами СКБ, оплачивалась как внутреннее совместительство или предусматривалась в индивидуальных планах. За успешное выполнение научно-исследовательских и конструкторских работ, создание и внедрение новых научно-технических разработок осуществлялось премирование студентов и преподавателей. Помимо денежных выплат практиковались такие виды поощрения, как медали, грамоты министерств.

По данным Минвуза СССР в 1967 г. произошел особый скачок в распространении студенческих проектно-конструкторских бюро, выполнявших реальные проектно-конструкторские заказы предприятий в советских вузах — их число удвоилось и превысило 250. При этом вплоть до 1968 г. каждое СКБ разрабатывало свои положение и устав, систему учета, вводило членские билеты и др. (Высшая школа СССР за 50 лет, 1967: 257).

К 1970-м гг. различные вариации СКБ были представлены в вузах совершенно разной направленности — гуманитарных, медицинских, архитектурных. К примеру, СПКБ Львовского университета разрабатывало проекты и участвовало в постройке собственных учебных корпусов, городской школы, здания Львовского цирка и общежитий львовского, одесского, киевского институтов. А в Витебском медицинском институте технически одаренные студенты-медики объединились в СКБ, проектировавший инновационные медицинские приборы, причем весьма успешно, что подтверждают премии ЦК ВЛКСМ и дипломы все-союзных выставок.

При этом все же наиболее массовой формой студенческих научных объединений оставались научные кружки. К работе кружков студенты привлекались с первых курсов, а в КБ, как правило, работали студенты 4–5 курсов. Но главное, пожалуй, отличие кружков от СКБ в том, что первые не требовали серьезных финансовых вложений, что было решающим фактором в их распространении. Далеко не все технические вузы обладали столь мощной материально-технической базой, как, например подведомственный в прошлом Минсредмашу МИФИ, который мог позволить себе в качестве СКБ студенческую лабораторию на базе собственного исследовательского ядерного реактора или воплощение идей студенческих групп на собственном опытном заводе «Квант».

В 1971–1980 гг., по официальным данным, различными формами научно-исследовательской работы студентов были охвачены более двух миллионов человек (Материалы XVI съезда ВЛКСМ, 1970: 12). В 1979 г. среди студенческих научных обществ насчитывалось уже 390 студенческих конструкторских бюро, бюро переводов, расчетных, экономических, технологических, проектных бюро, в которых активное участие принимали порядка 100 тыс. студентов дневных отделений вузов. Объем работ, выполненных студентами в СКБ, в денежном выражении достиг 25,4 млн руб. (Елютин, 1980: 358). В 1977 г. СКБ внедрили

в производство 3,5 тыс. работ, получили 3 000 авторских свидетельств, и осуществили 1 615 публикаций (Момот, 1978: 54)

О том, что это было целое направление в молодежной науке, свидетельствуют не только финансовые показатели, но и многочисленные съезды студенческих конструкторских бюро, на которых происходили демонстрация собственных достижений и обмен опытом. В 1966 и 1972 гг. были проведены межвузовские научно-методические конференции по организации научно-исследовательской работы студентов, а также Всесоюзный симпозиум по проблемам и перспективам развития студенческих конструкторских бюро, региональные, а также отраслевые мероприятия (Комсомол в вузе, 1973: 127).

При этом объективно доля студентов, задействованных в работе СКБ, относительно общего числа обучающихся была невелика. К примеру, в 1984 г. в самом массовом СКИБ МИФИ работали 640 студентов всех курсов — всего 9% от общего числа студентов. Такая ситуация наблюдалась в самых крупных вузах, не говоря уже о региональных вузах с небогатой материально-технической базой.

Практически два десятка лет, от момента появления до институционализации Минвузом СССР, эти сообщества существовали внутри вузов достаточно автономно, самостоятельно разрабатывали и утверждали принципы своего функционирования, выбирали поле для исследований, проводили цикл работ от заключения договора до внедрения готового продукта. Отсутствие давления «сверху» при наличии у вуза подходящей материальной базы давало широкое поле для творчества и во многом способствовало тем успехам, на которые и обратило внимание руководство страны и которые пытались впоследствии реплицировать во всех вузах. Пропаганда и «насаждение» СКБ как наиболее перспективной формы студенческой научно-исследовательской работы в конце 1960–1970-е гг. привело к распространенным «болезням» позднего СССР: формализму, погоней за количественными показателями, припискам, стремлением вузов любой

ценой «открыть» свой СКБ и отчитаться перед вышестоящими инстанциями. Тем не менее, деятельность СКБ — интереснейшая страница в истории образования, науки и техники, которая еще ждет своего исследователя.

Список литературы

Высшая школа: Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. М.: Высшая школа, 1965. Т. 1. 431 с.

Высшая школа СССР за 50 лет / Под ред. В.П. Елютина. М.: Высшая школа, 1967. 272 с.

Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма. М.: Высшая школа, 1980. 560 с.

Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Вестник высшей школы. 1959. № 1. С. 6–13.

Комсомол в вузе. М.: Молодая гвардия, 1973. 285 с.

Материалы XVI съезда ВЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1970. 263 с.

Момот А.И. СКБ набирает темпы// Вестник высшей школы. 1978. № 1. С. 53–59.

STUDENT DESIGN AND SCIENTIFIC BUREAUS: FROM INFORMAL GROUPS TO OFFICIAL RESEARCH INSTITUTIONS (1960–1980)

Olga A. Chagadaeva

PhD in History, Leading expert,
the Laboratory of Social History and Anthropology of Science,
Associate professor,
the Department 52 of National Research Nuclear University MEPhI,
Moscow, Russia;
e-mail: oachagadaeva@mephi.ru

In late Soviet period student design and scientific bureaus became widespread in technical universities in 1960s-1970s. These bureaus grew out of informal student scientific groups that existed in prewar times. Student design and scientific bureaus had a significant impact on the development of late Soviet science. In the late 1950s the Soviet Government obliged the heads of universities, Komsomol and party (CPSU) organizations to promote and stimulate research activities among young people, to involve students in current global soviet projects and current tasks of the regions. The main task of universities was to produce “ready-made” scientists and specialists for key sectors of the national economy. The article analyzes the process of institutionalization of these “scientific incubators” from informal student circles into powerful self-supporting units with their own budget, staff and planning, performing advanced research and development work at the request of enterprises.

Student scientific groups and student scientific societies existed in every university of the USSR. By the early 1960s, the student scientific society was institutionalized and became a formal structure of the university. The institutionalization of the student design and scientific bureaus as a fundamentally new type of organization of student's research work at the all-Union level was completed in 1968. This year, the USSR Ministry of Higher Education published a model regulation “On student design, research, design, technological and economic bureaus of higher educational institutions”.

Keywords: student design and scientific bureaus, student science, formal and informal institutions, social history of science, history of everyday life.

УДК 340.158

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-222-229

ПРАКТИКА И КРИТЕРИИ ПРИСВОЕНИЯ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ «ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РСФСР» В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Марина Олеговна Окунева

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
Института права и управления Московского
городского педагогического университета,
доцент
Московского гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: m_o_okuneva@mail.ru

В статье на основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов из фондов Государственного архива РФ рассматривается практика присвоения почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». Поэтапно рассматривается порядок присвоения почетного звания. Анализируются критерии присвоения звания, закрепленные нормативно и сложившиеся в практике органа, утверждавшего представления о награждении (Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР). Выявлены следующие блоки критериев: научная деятельность (включая продолжение традиций научной школы, основание научной школы, стаж научной работы, ценные и оригинальные научные труды, известность научных работ в СССР и за рубежом, подготовку молодых научных кадров и научные заслуги ученых); педагогическая и учебно-методическая деятельность (включая авторство учебников и практических руководств, их высокий научный уровень; чтение лекций на высоком научном уровне; организацию учебного процесса; руководство кафедрой и высокие результаты работы кафедры); практическая работа (большой вклад в развитие промышленности, практическое применение результатов научных работ, работа в годы Великой Отечественной войны, наличие изобретений); общественная деятельность (прежде всего научно-общественная деятельность), биографические (возраст, юбилейность).

Ключевые слова: СССР, РСФСР, ВКВШ при СНК СССР, звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», управление наукой, советские ученые.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 21-011-43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

Почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» существовало с 1926 г. (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1926. № 53. Ст. 412), в 1931 г. был установлен новый порядок его присвоения (СУ РСФСР. 1931. № 51. Ст. 383), а в 1940 г. утверждено новое Положение о присвоении почетных званий (Указ Президиума Верховного Совета, 1940: 1). С этого момента изменилась практика присвоения, а число награжденных выросло в разы.

За годы Великой Отечественной войны сложилась практика, которая легла в основу присвоения почетных званий в послевоенный период. Именно в практике были выработаны критерии.

Официальные критерии присвоения почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР были установлены в Положении очень кратко и неконкретно, использовались оценочные характеристики: «Звание заслуженного деятеля науки и техники или звание заслуженного деятеля науки присваиваются за особо ценные труды в области науки и техники, за особо важные для социалистического строительства открытия и изобретения или за выдающуюся научно-практическую и научно-популяризаторскую деятельность».

Группа по подготовке вопросов о присвоении почетных званий РСФСР Президиума Верховного Совета РСФСР составила общую инструкцию по порядку оформления материалов по присвоению почетных званий РСФСР (Государственный архив Российской

Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 92). Согласно инструкции, представление о присвоении почетного звания подавалось за подписью соответствующего наркома вместе с пакетом документов, в который включались «краткие автобиографические данные кандидата, представляемого к присвоению почетного звания, основные моменты его деятельности и подробная мотивировка заслуг или достижения, на основании которых возбуждается ходатайство о присвоении почетного звания РСФСР.

В письме также необходимо было указать, где работает выдвигаемый кандидат в настоящее время, какую он занимает должность и какие организации (партийные, советские, профсоюзные и др.) ходатайствуют о присвоении ему почетного звания». Для кандидатов на звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР и заслуженного деятеля науки РСФСР также должен был быть представлен список научных трудов.

На практике сложился следующий порядок подачи представлений: инициировал представление тот наркомат, которому был подведомственен вуз или НИИ кандидата. В годы войны представления подавали и иные ведомства (как правило, Главки РККА и ВМФ). Ведомство ходатайствовало перед Президиумом Верховного Совета РСФСР, Президиум направлял пакет документов во Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ) на заключение, ВКВШ, рассмотрев документы, поддерживал (или не поддерживал) ходатайство о присвоении почетного звания и направлял заключение в Президиум Верховного Совета РСФСР, который и присваивал почетное звание.

ВКВШ не давал заключений по тем кандидатам, которые не работали в системе научных и образовательных учреждений (поскольку не располагал данными об их деятельности).

Именно из представлений ведомств и заключений ВКВШ можно выявить сложившиеся на практике критерии присвоения почетного звания. Весь массив обстоятельств, которые приводились в обоснование присвоения почетного звания, можно разделить на несколько блоков: критерии, связанные с научной

деятельностью кандидата; критерии, связанные с педагогической и учебно-методической деятельностью; критерии, связанные с практической работой; критерии, связанные с общественной работой; биографические критерии.

В качестве критериев, связанных с научной деятельностью кандидата, можно выделить следующие: принадлежность к научной школе и продолжение традиций научных школ (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 5, 63; Д. 89. Л. 38; Д. 99. Л. 16 об.); признание авторитета ученого в научном сообществе (часты формулировки «крупный специалист» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 7, 16, 23, 27, 68; Д. 89. Л. 44, 46, 67, 90, 98, 100; Д. 99. Л. 43, 48), «один из крупнейших специалистов» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 52, 55, 57, 61; Д. 99. Л. 18), «крупнейший специалист» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 6, 13, 15, 24, 38, 50, 122, 128; Д. 99. Л. 60), «выдающийся научный работник» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 60, 65; Д. 89. Л. 17), «выдающийся ученый» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 65), «один из ведущих ученых» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 71; Д. 99. Л. 31), «видный специалист» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 9), «широко известен» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 112) и т. п.); ценность и оригинальность научных работ, их теоретическое и практическое значение, новизна работ в своей области исследования (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 7, 13, 19, 23, 24, 32, 61, 64; Д. 89. Л. 42, 63, 71, 88, 100; Д. 89. Л. 9, 11, 13, 15, 18, 77, 126; Д. 99. Л. 16, 18, 20, 29, 36), их издание и переиздание, в том числе за рубежом, известность научной общественности (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 41, 53; Д. 89. Л. 26, 38, 40, 58, 77, 79, 82, 96, 98, 126; Д. 99. Л. 1, 14, 20, 27); создание самостоятельной научной школы и достижения учеников кандидата (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 19, 24, 27, 30, 68; Д. 89. Л. 6, 9, 13, 15, 17, 26, 48, 50, 54, 61, 65, 77, 88, 96, 106, 110, 114, 116, 118, 124, 128, 135; Д. 99. Л. 9, 14, 18, 25, 27, 34, 41, 43, 47, 48, 49, 51, 55, 57, 61, 64); стаж научной работы, хотя конкретная продолжительность стажа не устанавливалась (типичная формулировка — «многолетняя и плодотворная деятельность

в научной, преподавательской и производственной областях» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 44; Д. 89. Л. 58, 106; Д. 99. Л. 32), также встречаются указания на то, что кандидат является старейшим или одним из старейших ученых в своей отрасли знаний (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 24, 53; Д. 89. Л. 110; Д. 99. Л. 25); высокая оценка научных работ и наличие иных наград за научно-исследовательскую работу (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 52, 71, 116, 135; Д. 99. Л. 1, 34, 49, 51, 57, 58, 60, 63, 64). Можно встретить формулировку, охватывающую в общих чертах все необходимые характеристики идеального советского научного работника: «активный преданный советский ученый, сочетающий в своей работе высокий теоретический уровень и оригинальность мысли с целеустремленностью к решению важнейших практических вопросов» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 66).

К числу критериев, связанных с педагогической и учебно-методической деятельностью кандидата, относились: подготовка под его руководством высококвалифицированных специалистов (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 19, 27, 32, 36, 55, 61); руководство кафедрой и высокие показатели ее работы (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 30; Д. 89. Л. 42); авторство учебников (в том числе школьных), а также практических руководств для специалистов, их высокий научный уровень, переиздание (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 13, 19, 23, 41, 42, 46, 57, 68; Д. 89. Л. 11, 38, 44, 50, 63, 88, 96, 122, 133; Д. 99. Л. 9, 16, 27, 36, 55, 57, 58 63, 66); чтение лекций на высоком научном уровне (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 40, 79, 118; Д. 99. Л. 37); организация учебного процесса, учебно-методическая работа (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 42, 75); организация образования по направлению научных исследований кандидата (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 124; Д. 99. Л. 57).

К числу критериев оценки практической деятельности кандидата относились: большой вклад в развитие промышленности (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 11, 57, 60); руководство практическими работами (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 23, 27, 44, 66, 69; Д. 89. Л. 48); практическое применение результатов научных

работ, их большое значение для народного хозяйства (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 24, 42, 65, 77, 96, 98, 112, 116, 126; Д. 99. Л. 16, 34, 37, 43, 49, 60, 64); наличие изобретений (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 43; Д. 89. Л. 56, 65, 75; Д. 99. Л. 16, 61); работа в годы Великой Отечественной войны (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 42, 43, 65, 90; Д. 89. Л. 40, 82, 114), организация научной работы в эвакуации, в блокадном Ленинграде (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 50, 116; Д. 99. Л. 23).

Среди критериев, связанных с общественной деятельностью, учитывалась прежде всего научно-общественная работа: членство в научных обществах и активное участие в их работе, в научных съездах и т. п. научно-организационных мероприятиях (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 38, 46, 50, 52, 56, 63, 75; Д. 99. Л. 22), членство в Академиях наук и экспертных советах (Комитет по сталинским премиям, отраслевые НТС, ВАК и др.) (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 52, 72; Д. 89. Л. 106, 110; Д. 99. Л. 43, 60), редакциях научных журналов (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 22); а также научно-популяризаторская деятельность (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 118, 126; Д. 99. Л. 31, 36, 43). Общественная деятельность как таковая (избрание депутатом, членство в исполкоме, активная профсоюзная или партийная работа и т. п.) встречается в представлениях о награждении гораздо реже (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 65, 67, 71, 90, 122, 124; Д. 99. Л. 58, 66).

Среди биографических критериев основное место занимает возраст научного работника и стаж его работы. Хотя конкретный срок «выслуги» почетного звания не устанавливался, в практике достаточно распространено было представление научного работника к присвоению почетного звания к юбилею по возрасту или стажу научной работы: встречаются 25, 30, 35, 40, 45, 50 и 60 лет научной работы (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 85; Д. 89. Л. 4, 18, 26, 28, 48, 50, 63, 71, 79, 96, 98, 110, 116, 133; Д. 99. Л. 12, 14, 36); 70-летие ученого (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 78. Л. 68). Достаточно часто в представлениях о награждении встречаются и «двойные» юбилеи (по возрасту и по стажу

научно-педагогической деятельности: 60-летие со дня рождения и 35-летие научной деятельности (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 22, 58, 61), 70-летие со дня рождения и 50-летие научной деятельности (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 57), 70-летие со дня рождения и 45-летие научной работы (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 60), 40 лет научно-педагогического и практического стажа, из них 25 на Севморпути (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 31). Крайне редко приводились какие-либо иные обстоятельства биографии кандидата (происхождение «из рабочих», рабочее прошлое, самообразование (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 82, 82 об.), а также принадлежность к национальным кадрам (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 36).

Отказы в поддержке ходатайства ВКВШ давал достаточно редко и не всегда мотивировал; встречаются формулировки вида «не считает возможным поддержать» (ГА РФ. Ф. Р-8080 Оп. 1 Д. 89. Л. 22, 120). В тех случаях, когда отказ был мотивирован, основаниями для него служили отсутствие выдающегося характера научных работ («научные работы не являются глубокими научными исследованиями и не применяются в высшей школе в качестве учебников» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 69); «диссертация не выделяется из ряда обычных диссертаций» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 69); «работы не являются выдающимися или оригинальными» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 73, 86; Д. 99. Л. 38, 39)) и преждевременность присвоения почетного звания («кандидат имеет большие творческие возможности и еще может проявить себя» (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 89. Л. 22, 73). При этом ссылки на политическое прошлое кандидата не выступали в качестве мотива отказа (ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 99. Л. 11, 11 об.).

Список литературы

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 января 1940 г. «Об установлении почетных званий РСФСР — Заслуженного учителя школы и Заслуженного врача» // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1940. 18 января. № 15. С. 1.

THE HONORED SCIENCE WORKER OF RSFSR HONORARY DEGREE: PRACTICE AND CRITERIA FOR AWARDING AT THE POST-WAR PERIOD

Marina O. Okuneva

PhD in Law, Senior lecturer,
the Institute of Law and Management, Moscow City University,
Associate professor,
the Department of Theory and History of State and Law,
Moscow University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: m_o_okuneva@mail.ru

The article is based on the materials from the funds of the State Archive of Russian Federation that had not been in the scientific circulation before. The research analyses the practice of awarding the Honored Science Worker of RSFSR Honorary Degree. The article analyzes a criterion for awarding of the honorary degree that were subsequently accorded legal status and had been developed with the practice of the governing body that approved the suggestions for awarding the honorary degree (the All-Union Committee for Higher School Affairs under the CPC of the USSR). The article concludes that there were following blocks of criteria: scientific activity (including continuation of the traditions of academic schools, foundation of a new scientific school, original and valuable scientific works, scientific works widely known in the USSR and abroad, training of young scientific staff, scientific achievements of students, many years of experience in scientific activity); educational and methodical activity (including authorship of textbooks and practical guides, their high scientific quality, the high scientific level lecturing, organization of the educational process, the leadership of the department, high rates of educational, methodological and scientific work of the department); practical work (including great contribution to the development of the industry, practical application of the results of research works, work during the Great Patriotic War period, inventions); public work and social activity (first of all scientific-social activities, popularizing science, party and trade union work); biographical criteria (age of the candidate, anniversary).

Keywords: USSR, RSFSR, All-Union Committee for Higher School Affairs under the CPC of the USSR, the Honored Science Worker of RSFSR Honorary Degree, science management, soviet scientists.

УДК 069.8

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-230-238

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Мария Валерьевна Платонова

хранитель музейных предметов
Политехнического музея,
Москва, Россия;
e-mail: platonova_m_v@mail.ru

Целенаправленная работа с историческими предметами началась в Политехническом музее после вхождения его в общество «Знание» в 1947 г. В музее в разные годы складывались различные форматы и коллективы по работе с темой «история науки и техники». Например, Ученый совет и Комиссия по истории техники при нем, клуб любителей истории науки и техники. Музей издавал библиографические указатели и научно-популярную литературу в этой области. Также с 1992 г. музей совместно с ИИЕТ РАН реализует программу «Памятники науки и техники в музеях России».

Ключевые слова: музей, научно-технический музей, история науки и техники, музееведение, памятники науки и техники.

Интерес к истории науки и техники в Политехническом музее начал формироваться с открытия музея в 1872 г., но планомерная работа по этому направлению начала выстраиваться только после Великой Отечественной войны. В 1947 г. Политехнический музей перешел под руководство Общества по распространению политических и научных знаний (далее общество «Знание») под председательством С.И. Вавилова (постановление № 1377 Совета Министров СССР от 29 апреля 1947 г.). В большинстве

случаев работа по истории науки и техники в музее была формальной — создавались рабочие группы, издавались приказы и распоряжения, в музей приходили письма, заключались договоры.

В своей работе музей придерживался разработанного в 1947 г. генерального плана развития. Помимо сотрудников, к разработке плана были привлечены видные специалисты по различным направлениям науки и техники, представители министерств, а общее рецензирование плана было выполнено вице-президентом АН СССР академиком И.П. Бардиным. В плане представлялось нужным осветить историю, современное состояние и дальнейшее развитие различных технических направлений. Наряду с этим ставилась задача «систематического накопления подлинно исторических фондов Музея» (Фонд письменных источников Политехнического музея (ФПИ ПМ). Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/20. Л. 15).

По предложению С.И. Вавилова Ученому совету музея было поручено проработать вопрос развития Политехнического музея в музей истории техники с одновременной организацией временных выставок, отражающих новейшие достижения науки и техники (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/17). 4 декабря 1947 г. было проведено заседание президиума Ученого совета Политехнического музея, посвященное развитию музея в музей истории техники. На этом заседании ученый секретарь музея И.Д. Мартыненко доложил, что «в музее только сейчас начата работа по учету экспонатов, имеющих подлинно историческое значение» (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/17. Л. 18).

Научная работа музея была тесно связана с популяризацией истории науки и техники. В путеводителе Политехнического музея за 1949 г. значилось, что по отделу «Металлургическая промышленность» посетители могут прослушать экскурсии, лекции-демонстрации и обратиться с консультациями по «основоположникам отечественной металлургии» к члену Ученого совета музея, ученому секретарю Комиссии по истории

техники АН СССР И.В. Абрамову. А консультации по истории науки и техники осуществляли зам. директора по научной части И.Д. Мартыненко и старший хранитель музея В.И. Смышляков.

11 января 1949 г. на общем собрании АН СССР, посвященном вопросам истории отечественной науки, присутствовал директор Политехнического музея Н.Н. Поздняков. На этом собрании И.В. Абрамов предложил координировать работы по библиографическим исследованиям между Библиотекой АН СССР и Центральной Политехнической библиотекой (Вопросы истории отечественной науки, 1949). Это сотрудничество продолжалось долгие годы. Первые библиографические указатели за 1946–1947 и 1948 гг. с участием Политехнической библиотеки и Библиотеки АН СССР вышли в 1950 г.

В конце 1957 г. «в связи с расширением в музее работы по истории техники» (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/80. Л. 7) при Ученом совете музея была образована Комиссия по истории техники. Ее возглавил И.А. Меньшиков (д. т. н., профессор, с. н. с. ИИЕТ АН СССР), зам. председателя стал И.Д. Мартыненко (зав. методическим отделом Политехнического музея), а секретарем назначили Н.Л. Вилинову. В этой комиссии состояли С.В. Шухардин — специализировался на горном деле, Ю.Н. Сорокин (заместитель директора ИИЕТ АН СССР) — металлургия, А.А. Чеканов — сварка, В.И. Остольский — машиноведение, Б.Г. Кузнецов — история физики, В.Е. Столяров — памятники истории техники (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/104. Л. 6–7).

В 1958 г. в своей статье «Политехнический музей как пропагандист истории науки и техники» Н.Н. Поздняков (директор музея) писал, что «Политехнический музей устанавливает творческий контакт с работниками ИИЕТ АН СССР, а также, опираясь на общественность, разворачивает деятельность созданной Комиссии по истории техники Ученого Совета музея» (ФПИ ПМ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 29539/149. Л. 13). В план Комиссии по истории техники на 1958 г. были включены все виды музейной деятельности по вопросам истории науки и техники: анализ фондов

и их научное описание, участие в разработке плана комплектования фондов, разработка тематики лекций, участие в разработке издательского плана, участие в рецензировании и обсуждении экспозиции музея, участие в организации лекций и семинаров для сотрудников музея. Как отмечал И.А. Меньшиков, работа Комиссии «принесет несомненную пользу как в популяризации знаний по истории науки и техники, так в собирании и охране уникальных памятников материальной культуры СССР» (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/83. Л. 9).

В 1961 г. при участии сотрудников ИИЕТ АН СССР в музее была создана группа содействия пропаганде вопросов истории науки и техники. Председателем бюро группы был избран Л.Д. Белькинд. Его заместителями стали известные историки техники А.В. Яроцкий и С.В. Шухардин, секретарем — Н.Л. Вилинова (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/83. Л. 43). Согласно положению, группа являлась добровольной общественной организацией, ставящей своей целью всемерное развитие широкой пропаганды истории науки и техники. Группа действовала на положении одной из межотраслевых комиссий Ученого Совета Политехнического музея (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/83. Л. 450). В ее задачи входил широкий круг работ по истории науки и техники: пропаганда знаний, разработка учебно-наглядных пособий, участие в разработке планов комплектования фондов, разработке и обсуждении издательских планов, разработке и рецензировании экспозиций, организация и проведение семинаров, координация работы с общественными организациями (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/83. Л. 45–46).

Учредительное собрание группы прошло 23 марта 1961 г. (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/102). В состав ее бюро были выбраны: Л.Д. Белькинд (специализировался на истории энергетики) — возглавлял группу, С.В. Шухардин (горное дело), И.Я. Конфедератов (теплотехника), В.С. Виргинский (транспорт), А.В. Яроцкий (слабые токи), В.Б. Шавров (авиация), В.И. Шамшур (радио). В нее также вошел И.Д. Мартыненко — зам. председателя

Комиссии по истории техники Ученого совета Политехнического музея (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/102. Л. 28).

Эти две структуры (Комиссия по истории техники Ученого совета и Группа содействия пропаганде вопросов истории науки и техники) имели отношение к Ученому совету Политехнического музея и в какой-то момент образовали одну структуру, которую называли и одним и другим именем. Например, в одном источнике указывается, что группой содействия пропаганде вопросов истории науки и техники на заседании 29 ноября 1962 г. был заслушан доклад С.В. Шухардина «Вопросы истории техники на X Международном конгрессе по истории науки (США, август-сентябрь 1962 г.)» и запланировано, что в 1963 г. члены группы примут участие в модернизации и усовершенствовании некоторых экспозиций музея и организуют цикл из 10–12 лекций на актуальные историко-технические темы (Белькинд, 1963: 196). По информации другого источника, Комиссия по истории техники собралась 29 ноября 1962 г. чтобы заслушать такой же доклад С.В. Шухардина (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/83. Л. 95). На этом же заседании утверждался план работ Комиссии на 1963 г.: участвовать в разработке планов комплектования и разработке экспозиции, организовать чтение лекций, разработать 2–4 популярные брошюры для молодежи и серию наглядных плакатов (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/83. Л. 102). Чаще структуру называли Комиссией по истории техники.

В 1963 г. Комиссия по истории техники Политехнического музея принимала участие в обсуждении фундаментальной книги «История техники» (ФПИ ПМ. Ф. 100. Оп. 4. Д. 30398/87. Л. 13).

В 1968 г. в статье журнала «Наука и жизнь» Л.Е. Майстров сообщил, что при Политехническом музее совместно с ИИЕТ АН СССР организован Клуб любителей истории науки и техники (Майстров, 1968: 81). К 1973 г. в нем было две секции: история фабрик и заводов (руководитель Н.К. Ламан) и памятники науки и техники (руководитель Л.Е. Майстров). Также отмечалось,

что при содействии клуба музей приобрел ряд ценных предметов (Вилинова, 1973: 88).

В декабре 1988 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 1393 «О повышении роли Политехнического музея общества “Знание” в сохранении памятников науки и техники и пропаганде достижений научно-технического прогресса», придав этому направлению в деятельности музея статус государственного заказа. На Политехнический музей была возложена функция головного музея истории науки и техники СССР и координация работы музеев технического профиля в области поиска, хранения и изучения памятников науки и техники, проведение экспертизы устаревшей техники на предмет ее исторической ценности, оказание научной и методической помощи музеям.

В 1989 г. в Политехническом музее прошел Круглый стол в рамках работы секции научно-технических музеев Советского Комитета Международного Совета музеев (СК ИКОМ) по идентификации и методике выявления памятников науки и техники (Научный архив Политехнического музея (НА ПМ). Ф. 1. Оп. 2: Памятники науки и техники, 1989 г. Л. 1). К 1990 г. была создана методическая разработка музея, где были представлены основные принципы и подходы в идентификации памятников науки и техники (НА ПМ. Ф. 1. Оп. 2: Памятники науки и техники, 1989 г. Л. 1).

В 1990 г. Политехнический музей организовал межмузейный семинар «Памятники науки и техники», в рамках которого обсуждались вопросы о системе ранжирования исторически значимых памятников, об их постановке на государственный учет и охране, а также о создании единой базы данных таких предметов (НА ПМ. Ф. 1. Оп. 2: Памятники науки и техники, 1990 г. Л. 1). В этом семинаре принимали участие сотрудники следующих музеев: музей М.В. Ломоносова (Ленинград), музей Н.Е. Жуковского (Москва), музей Морского флота СССР (Одесса), музей истории космоса (Калуга) и т. д. Также присутствовал представитель из Министерства культуры.

С 1992 г. на базе музея стала действовать программа «Памятники науки и техники в музеях России», в рамках которой в музей поступала информация об особо ценных предметах, документирующих развитие науки и техники. Ежегодно проводились заседания Экспертного совета по присвоению предметам статуса «Памятник науки и техники». В состав Экспертного совета вошли ведущие специалисты по истории науки и техники (П.В. Боярский — заместитель директора Российского НИИ культурного и природного наследия по научной работе, Н.К. Гаврюшин — руководитель проблемной группы «Памятники науки и техники» ИИЕТ при Президиуме РАН), а также сотрудники научно-технических музеев: Центрального музея железнодорожного транспорта (Санкт-Петербург), Музея М.В. Ломоносова РАН (Санкт-Петербург), Центрального музея связи им. А.С. Попова (Санкт-Петербург), Музея военно-воздушных сил (Монино).

За первое десятилетие работы программы было проведено 11 экспертных советов и выявлено 534 памятника (НА ПМ. Ф. 1. Оп. 2: Памятники науки и техники, 2003 г.).

С целью широкого распространения информации о памятниках науки и техники, хранящихся в отечественных музеях, еще одним направлением реализации программы стала подготовка научно-популярных иллюстрированных книг о памятниках науки и техники в музеях России (Памятники науки и техники в музеях России, 1992).

В заключение следует отметить, что из всех представленных формальных и неформальных направлений в деятельности Политехнического музея по истории науки и техники на сегодняшний день действует только программа «Памятники науки и техники в музеях России», которой в 2022 г. исполняется 30 лет. За этот период статус «Памятник науки и техники» был присвоен 1533 предметам из 119 музеев России. Такая «долговечность» как нам кажется, объясняется тем, что хотя Экспертный совет и сама программа действуют на базе Политехнического музея, по сути, это неформальное, действующее на общественных

началах, объединение ученых и музейщиков, целью которого стало выявление и сохранение объектов научно-технического наследия.

Список литературы

Белькинд Л.Д. В московском Политехническом музее // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 15. М.: Изд-во АН СССР, 1963. № 15. С. 196.

Вопросы истории отечественной науки: Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки 5–11 янв. 1949 г.: Доклады / Отв. ред. акад. С.И. Вавилов и др. М.; Л.: [б.и.], 1949. 912 с.

Вилинова Н.Л. Клуб любителей истории техники // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 42. М.: Изд-во АН СССР, 1973. С. 87–88.

Майстров Л.Е. Нужен музей отечественной науки и техники // Наука и жизнь. 1968. № 7. Июль. С. 81–83.

Памятники науки и техники в музеях России. Альбом. Вып. 1: К 120-летию Политехнического музея / Науч. ред. Г.Г. Григорян, В.А. Цирульников. М.: Знание, 1992. 120 с.

FORMAL AND INFORMAL ACTIVITIES OF THE POLYTECHNIC MUSEUM ON THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Mariya V. Platonova

Curator,
Polytechnic museum,
Moscow, Russia;
e-mail: platonova_m_v@mail.ru

Systematic work with historical objects began at the Polytechnic Museum after it joined the “Znanie” Society in 1947. In the museum, various formats and teams were formed in different years to work with the topic “history of science and technology”. For example, the Scientific board and the Commission on the History of Technology within it, the history of science and technology club. The museum has published bibliographic indexes and popular scientific literature in this area. Also, since 1992, the Polytechnic Museum together with the S.I. Vavilov Institute for History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (IHST RAS) has been realizing the program “Relics of science and technology in Russian museums”.

Keywords: museum, science and technology museum, history of science and technology, museology, relics of science and technology.

УДК 070.4

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-239-252

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИЙ В РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОМ ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

Милана Юрьевна Сидоренко

начальник

Департамента научных изданий
Государственного академического
университета гуманитарных наук,
Москва, Россия;

e-mail: msidorenko@gaugn.ru

В настоящей статье автор на примере совместной деятельности Департамента научных изданий Государственного академического университета гуманитарных наук и редакций журналов социогуманитарной коллекции Российской академии наук анализирует роль формальных и неформальных институций в редакционно-издательском процессе подготовки социогуманитарных научных журналов. Также, описывая процесс модернизации научных журналов согласно современным мировым стандартам и нормам научной периодики, автор делает попытку наиболее яркого и хрестоматийного изложения характера взаимодействия издательства с членами формальных и неформальных институций, участвующих в вышеуказанной деятельности. Выбранные подходы к организации редакционно-издательского процесса и процесса модернизации научных изданий позволили Департаменту научных изданий ГАУГН добиться значительных результатов во взаимодействии со всеми акторами формальных и неформальных институций, задействованных в работе. Так за прошедший период Департамент научных изданий ГАУГН достиг успехов во взаимодействии с институтом научного редактора,

институтом авторства/соавторства, институтом рецензента, Роскомнадзором и другими. Также автор приходит к выводу, что успешность сотрудничества издательства и редакций и, как следствие, стремительное развитие журналов зависят не только от эффективной деятельности акторов редакционно-издательского процесса в поле формальных связей и коммуникаций, но прежде всего от продуктивного выстраивания поля неформального взаимодействия, позволяющего производить обмен опытом и знаниями.

Ключевые слова: социогуманитарные научные журналы, редакционно-издательский процесс, формальные и неформальные институты, современные мировые стандарты научной периодики, редакционная политика.

Введение

Департамент научных изданий Государственного академического университета гуманитарных наук (ДНИ ГАУГН) с 2018 г. издает журналы социогуманитарной коллекции научной периодики Российской академии наук, научные журналы ГАУГН, журналы институтов РАН и журналы институтов-партнеров.

Сотрудники Департамента научных изданий ГАУГН также осуществляют модернизацию научных журналов в соответствии с критериями международных наукометрических и библиографических баз данных и современными мировыми редакционно-издательскими стандартами.

Среди журналов, издаваемых Департаментом научных изданий ГАУГН, журналы «Вестник древней истории», «Вопросы истории естествознания и техники», «Новая и новейшая история», «Государство и право», «Мировая экономика и международные отношения», «Человек» и др.

В ходе своей редакционно-издательской деятельности сотрудники Департамента взаимодействуют с кругом ключевых акторов — лиц, принимающих активное участие в редакционно-издательском процессе.

Среди них авторы и научные редакторы журналов, рецензенты, представители организаций-учредителей изданий,

сотрудники государственных ведомств, регулирующих деятельность СМИ и др.

Акторы редакционно-издательского процесса подготовки, публикации и распространения научных журналов являются представителями формальных и неформальных институций, участвующих в жизни научных журналов на структурном уровне.

Исторический экскурс

Ядро коллекции журналов, издаваемых Департаментом научных изданий ГАОУН, составляют 17 социогуманитарных журналов Российской академии наук. Все журналы РАН, издаваемые Департаментом, являются признанными авторитетными рецензируемыми периодическими изданиями с богатой многолетней историей, сыгравшими значительную роль в развитии своих социогуманитарных дисциплин в России.

Так один из журналов социогуманитарной коллекции РАН, журнал «Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка», издаваемый Департаментом научных изданий ГАОУН, является старейшим рецензируемым журналом в России. Он ведет свою историю от «Известий Отделения русского языка и словесности», основанных по инициативе академика И.И. Срезневского в 1852 г. В 2022 г. журналу исполнилось 170 лет.

Журнал выходил без перерывов до 1863 г., его выход был возобновлен в 1896 г.

В 1930-е гг. гуманитарные отделения Академии наук были соединены в единое Отделение общественных наук и выпускали общую серию «Известий».

Филологическое издание было возобновлено в 1940 г. в рамках серии «Известия Академии наук СССР». С 1940 г. журнал являлся органом Отделения литературы и языка АН СССР, с 2002 г. является органом Историко-филологического отделения РАН.

В этом году исполнилось 95 лет еще одному ведущему периодическому изданию Российской академии наук — журналу «Государство и право».

«В 1926 г. на заседании Бюро Президиума Коммунистической академии (протокол № 10) среди многих вопросов, стоявших на повестке дня, обсуждался и вопрос «о разрешении Секции права на издание журнала “Революция права”». Такое разрешение было получено, и в феврале 1927 г. вышел первый номер журнала «Революция права» — периодического печатного органа Секции общей теории права и государства Коммунистической академии. Появление нового журнала стало важным событием в научной жизни советской юридической науки.

За время своего существования Журнал не раз менял свое наименование. С 1930 г. он стал носить название «Советское государство и революция права», с 1932 г. — «Советское государство», с 1939 г. — «Советское государство и право», а с середины 1992 г. — «Государство и право».

Но, несмотря на неоднократные переименования Журнала, одно оставалось неизменным — он все время являлся печатным органом Института государства и права (Клеандров, Кроткова, 2022: 8).

Также свой 50-летний юбилей в 2022 г. отмечает журнал «Проблемы Дальнего Востока».

Журнал был основан в 1972 г., когда «События в Китае настоятельно требовали широкого и публичного обсуждения, всесторонней научной экспертизы, что значительно расширяло задачи и функции созданного перед этим Института Дальнего Востока Академии наук СССР». (Виноградов, 2022: 9)

На протяжении своей полувековой истории журнал сталкивался с множеством проблем, в том числе не раз становился свидетелем кризисов в международных отношениях, геополитической обстановке и, соответственно, в изучаемой дисциплине. Однако чуткость к вызовам времени и гибкость в редакционной политике позволили журналу сохраниться на протяжении столь

значительного срока и оставаться востребованным в среде читательской аудитории: «Ситуация в китаеведении не стала лучше (см. круглый стол ПДВ в № 1 2022 г.), но и мы закалились, приобрели стойкость и опыт, нашли новые способы существования, хотя и понесли потери. Выжить нам помог Китай, интерес к нему многим дал работу, дополнительный доход и новые возможности продолжить его изучение. <...> Журналы умирают, когда перестают отвечать на запросы современников. Вместе с нашими читателями и авторами мы с надеждой смотрим в будущее и, уверен, преодолеем все трудности. Журнал вступает в очередной исторический этап и с вашей поддержкой продолжит свой Дао-путь к новым достижениям и юбилеям» (Виноградов, 2022: 9).

Формальные институты в редакционно-издательском процессе подготовки социогуманитарных научных журналов

Редакционно-издательский процесс является сложно структурированной системой взаимосвязанных институций, регулирующих деятельность своих членов. Внутренняя согласованность в деятельности формальных и неформальных институций является необходимым условием функционирования отдельных этапов редакционно-издательского процесса и указанного процесса в целом.

Среди формальных институций редакционно-издательской подготовки научных журналов можно выделить следующие:

- институт научного редактора — институция, отвечающая за нормативное регулирование деятельности научных редакторов рецензируемых журналов, их обязанностей, полномочий и прав в рамках редакционно-издательского процесса;
- институт авторства/соавторства — институция, отвечающая за формальное регулирование взаимодействия авторов статей рецензируемых журналов в рамках малой

социальной группы — авторского коллектива научной публикации, и его взаимодействия с редакцией и издательством журнала;

- институт рецензента — институция, отвечающая за нормативное регулирование деятельности рецензентов научных журналов;
- институт научно-издательского дела — институция, отвечающая за нормативное регулирование деятельности представителей издательства научных рецензируемых журналов;
- институт полиграфии — институция, отвечающая за нормативное регулирование деятельности сотрудников типографии, осуществляющей печать научных рецензируемых журналов;
- Роскомнадзор — институция, отвечающая за правовое регулирование деятельности СМИ и всех вышеуказанных акторов редакционно-издательского процесса и др.

Объем средств, методов и функций деятельности членов формальных институций регулируется правовыми актами, предписаниями законов, формально утвержденными установлениями, распоряжениями и регламентами, уставами СМИ, должностными инструкциями и т. д.

Формальные институции реализуют свои функции на основе строго установленных формальных санкций, как позитивных, так и негативных.

Неформальные институции в редакционно-издательском процессе подготовки социогуманитарных научных журналов

Среди неформальных институций наиболее значимыми являются:

- научное сообщество — институция, отвечающая за неформальное регулирование взаимодействия членов научного

сообщества как крупной социальной группы, включающей в себя менее обширные малые социальные группы, базирующиеся на основе смежности конкретных научных дисциплин, направлений исследований, общих научных интересов и т. д.;

- научный коллектив — институция, отвечающая за неформальное регулирование взаимодействия членов научного коллектива — малой социальной группы в рамках научного сообщества.

Также в ряды неформальных институций могли бы быть вынесены социальные феномены, позволяющие осуществлять взаимодействие авторов и научных редакторов, относящиеся к недобросовестным практикам с точки зрения этики научных публикаций и рекомендациям COPE. Однако о них следует говорить отдельно.

В деятельности членов неформальных институций отсутствуют установленные формальные правила, средства и методы деятельности. Этот вид деятельности не определен и не закреплён в нормативных документах и законодательных актах. Отсутствуют формальные гарантии устойчивости организации данного вида деятельности. Однако значимость подобных социальных связей остается неизменно высокой.

В неформальных институциях контроль происходит на основе норм, зафиксированных в общественном мнении и в неформальных санкциях. Очень часто неформальные санкции выступают более эффективными средствами контроля деятельности акторов редакционно-издательского процесса, чем формальные нормы.

Неформальные институции играют значительную роль в сфере межличностного общения в социальных группах научных редакторов, авторов и рецензентов.

В ходе своей практики сотрудники Департамента научных изданий ГАУГН взаимодействуют с членами всех формальных и неформальных институций в рамках редакционно-издательской

деятельности по подготовке научных журналов к выходу в печать, их распространения и продвижения.

Взаимодействие формальных и неформальных институций в редакционно-издательском процессе подготовки социогуманитарных научных журналов, его характер и результаты

Редакционная политика журналов РАН, как правило, является глубоко консервативной, ориентированной на стандарты, принятые в советский период, и трудно трансформируемой согласно современным требованиям времени. Связано это не в последнюю очередь с медленной ротацией кадров в редакциях и шире — в научных коллективах институтов РАН. «Ротация кадров российской науки явно замедлена, хотя российские ученые и ориентированы на научную мобильность» (Ключарев и др., 2016: 119).

В связи с этим социогуманитарные научные журналы РАН, несмотря на свою уникальность и научную значимость, не всегда соответствуют актуальным международным требованиям современной научной периодики.

Так, в своей статье главный редактор журнала «Вопросы истории естествознания и техники» Р.А. Фандо описывает сложившееся положение во вверенном ему журнале на момент вступления им в должность:

«К большому сожалению, редакция ВИЕТ, в результате исторически сложившихся обстоятельств, оказалась замкнутым сообществом. Члены редколлегии отказывались печатать “чужаков” — исследователей из других организаций или смежных научных направлений. При этом представители редколлегии негласно причисляли себя к особой касте, борющейся за чистоту академической науки. Данное обстоятельство привело к тому, что в значительной степени уменьшилась география авторов журнала, и заметно сузилось исследовательское поле научной дисциплины. Значительно меньшее внимание стало уделяться

статьям по общим методологическим проблемам истории науки и техники, практически перестали освещаться исследования по истории естествознания и техники зарубежных стран. Крайне редкими в журнале были статьи по истории развития научной мысли времен Античности и Средневековья» (Фандо, 2022: 77).

Департамент научных изданий прикладывает усилия и в настоящий момент добился значимых результатов в изменении и трансформации этих подходов редакций социогуманитарных журналов РАН посредством взаимодействия с Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ), в рамках которого на базе ГАУГН регулярно проводятся курсы повышения квалификации для научных редакторов журналов, а также посредством взаимодействия с крупнейшим международным издательским домом *Elsevier*, в рамках которого были проведены рабочие семинары для научных редакторов изданий, подающихся в международную наукометрическую базу данных *Scopus*, и изданий, уже входящих в нее.

Таким образом, за последние два года в рамках работы на формальном и неформальном уровне взаимодействия Департамента научных изданий и редакций научных журналов РАН удалось преодолеть опасения и предвзятость членов научно-редакционного сообщества РАН к осуществляемым проектам.

Отдельным значимым направлением деятельности Департамента является модернизация научных журналов согласно современным мировым стандартам и нормам научной периодики. На примере реализации этого направления деятельности Департамента наиболее ярко и хрестоматийно виден характер взаимодействия издательства с членами формальных и неформальных институций, участвующих в вышеуказанной деятельности.

Результатом взаимодействия Департамента и членов института научного редактора явилось:

- включение четырех журналов РАН в базу данных *Scopus* («Государство и право», «Новая и новейшая история», «Русская речь» и «Человек»),

- включение одиннадцать социогуманитарных журналов РАН в реферативную базу данных *ERIH PLUS* («Известия РАН. Серия литературы и языка», «Проблемы Дальнего Востока», «Русская литература» и др.),
- включение двух журналов в *Russian Science Citation Index* («Русская речь» и «Человек»).

Взаимодействие с членами института рецензента позволило Департаменту научных изданий создать базу рецензентов, помогающую журналам РАН в поиске уникальных специалистов по узконаправленным научным отраслям.

Рецензирование осуществляется в формате двойного слепого рецензирования в онлайн-редакции на редакционно-издательской платформе *JES — Journals of Education and Science*.

Взаимодействие с институтом авторства/соавторства позволило упорядочить правовую часть деятельности многих научных журналов РАН, наладить процесс подписания лицензионных авторских договоров онлайн, защитить права на публикуемые материалы.

Посредством взаимодействия Департамента научных изданий и Роскомнадзора удалось разрешить проблемные ситуации, связанные с составом учредителей некоторых журналов РАН, которые существовали на протяжении многих лет.

Так был изменен состав соучредителей журналов «Социологические исследования» — в состав соучредителей включен Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, и был изменен состав соучредителей журнала «Русская речь» — в состав соучредителей включены Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.

Таким образом, тесное взаимодействие с формальными и неформальными институциями позволило Департаменту научных изданий ГАУГН добиться значимых результатов в продвижении и модернизации социогуманитарных журналов, изменить отношение участников редакционно-издательского процесса

к необходимости соответствия журналов и статей современным стандартам на неформальном уровне в широком российском научном сообществе и малых коллективах в рамках этого сообщества.

В настоящее время Департамент научных изданий ГАУГН ведет активную работу по модернизации и продвижению журнала «Вопросы истории естествознания и техники» Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

Журнал «Вопросы истории естествознания и техники» («ВИЕТ») был создан в 1980 г. как продолжение одноименного нерегулярно выходившего сборника трудов сотрудников Института истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕТ АН СССР).

В настоящее время «ВИЕТ» входит в «Российский индекс научного цитирования», в «Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России» и в *Russian Science Citation Index* (RSCI).

Журнал «Вопросы истории естествознания и техники» является авторитетным признанным российским академическим периодическим изданием и публикует научные статьи, рецензии на новые книги, обзоры прошедших конференций и мероприятий, а также другие материалы по тематике истории естествознания и техники.

Наряду с российскими журналами, такими как «Эпистемология и философия науки», «Философия науки и техники» и др. «ВИЕТ» публикует материалы по истории и философии науки и, в отличие от вышеперечисленных научных изданий, сосредоточенных исключительно на философии науки, имеет уникальную редколлегия, включающую в себя авторитетных специалистов по широкому спектру актуальных научных направлений. Среди них история и социология, география и биология, физика и химия, философия и математика, геолого-минералогические и технические науки.

Такое разнообразие научных областей, специалистов и экспертов в составе редакционной коллегии делает журнал

«Вопросы истории естествознания и техники» по-настоящему уникальной площадкой для опубликования результатов научных исследований по широкому кругу направлений и открывает перед журналом далекоидущие перспективы по продвижению на международный уровень.

Кроме того, журнал публикует материалы, имеющие междисциплинарный характер, что говорит об авторском коллективе журнала как о гибком сообществе, чувствующем новые требования и вызовы современности, которое готово меняться вместе с теми тенденциями и направлениями развития, обусловленными новыми веяниями в социогуманитарных науках. «Существует масса примеров, когда ученые кардинально меняли или расширяли сферу своих научных интересов. Смену области исследования или научной дисциплины в отечественных работах принято называть профессиональной мобильностью или предметно-дисциплинарной мобильностью, а в зарубежных — *field mobility*. <...> *Field mobility* часто рассматривается как движущая сила для освоения “новых территорий” на всем ландшафте науки, а также как механизм, связывающий области исследований» (Фандо, 2019: 31). Таким образом, успех журнала зависит не только от редакции, но и от коллектива авторов, которые не должны оставаться равнодушными к требованиям времени и могут напрямую способствовать успеху своего журнала.

Новый импульс для развития и продвижения на международный уровень журнал «Вопросы истории естествознания и техники» получил с приходом на пост директора ИИЕТ РАН и главного редактора журнала Романа Алексеевича Фандо, являющегося специалистом по истории генетики, социокультурным факторам развития науки, философии и методологии науки и многим другим направлениям.

Р.А. Фандо инициировал переход совместной работы ИИЕТ РАН и Департамента научных изданий ГАНУН на качественно новый уровень, приложил усилия для расширения нашего

сотрудничества, оказывает всестороннюю поддержку и помощь, направленную на развитие журнала.

Таким образом, успешность сотрудничества издательства и редакций и, как следствие, стремительное развитие журналов зависят не только от эффективной деятельности акторов редакционно-издательского процесса в поле формальных связей и коммуникаций, но прежде всего от продуктивного выстраивания поля неформального взаимодействия, позволяющего производить обмен опытом и знаниями.

2024-й год ознаменован приближающимся 300-летием Российской академии наук. 2022-й год является юбилейным годом для Института истории естествознания и техники РАН.

В эти даты особенно важно помнить, что в настоящее время продуктивность и результативность нашей совместной работы зависит от трех ключевых факторов:

- уважения к историческому научному опыту и наследию Российской академии наук и ее институтов,
- внимания и чуткости к требованиям сегодняшнего дня,
- стремления к самосовершенствованию и развитию с учетом опыта предыдущих поколений.

Список литературы

Виноградов В.В. Обращение Главного редактора // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 9.

Клеандров М.И., Кроткова Н.В. Нам — 95 лет // Государство и право. 2022. № 2. С. 7–27.

Ключарев Г.А., Савенков А.И., Бакланов П.А. Кадры российской науки: проблемы и методы их решения // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 117–125.

Родный А.Н., Фандо Р.А. Историко-научное творчество выдающихся естествоиспытателей: проблемы мотивации и профессиональной мобильности // Социология науки и технологий. 2019. № 1. С. 30–46.

Фандо Р.А. Между традициями, репутацией и лучшими практиками: пути развития и продвигения академического журнала // Научный редактор и издатель. 2022. № 1 (Suppl). С. 75–79.

INTERACTION OF FORMAL AND INFORMAL INSTITUTIONS IN THE EDITORIAL AND PUBLISHING PROCESS OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES ACADEMIC JOURNALS

Milana Yu. Sidorenko

Head of the Scientific Publications Department,
the State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: msidorenko@gaugn.ru

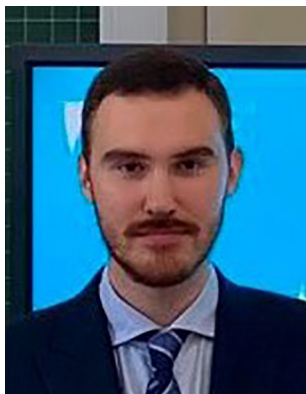
The article analyzes the role of formal and informal institutions in the editorial-publishing process of preparing socio-humanitarian academic journals by the example of joint activity of the Scientific Publications Department of the State Academic University for the Humanities and the editors of journals of the socio-humanitarian collection of the Russian Academy of Sciences. By describing the modernization of academic journals in accordance with the contemporary world standards and norms of academic periodicals, the author makes an attempt to explain in the most vivid and paradigmatic way the nature of interaction between a publishing house and members of formal and informal institutions involved in the aforementioned activity. The chosen approaches to the editorial and publishing process and the process of modernization of academic publications have allowed the Scientific Publications Department to achieve significant results in interaction with all the actors of formal and informal institutions involved in the work. Thus, over the past period the Scientific Publications Department has achieved successes in its interaction with the institute of scientific editor, the institute of authorship/co-authorship, the institute of reviewer, Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) and others. The author also concludes that the successful cooperation between publishers and editors and, as a consequence, the rapid development of journals depends not only on the effective activity of the actors of the editorial-publishing process in the field of formal relations and communications, but primarily on the productive creating of the informal interaction field that allows the exchange of experience and knowledge.

Keywords: socio-humanities academic journals, editorial and publishing process, formal and informal institutions, modern world standards of scientific periodicals, editorial policy.

УДК 316.3

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-253-260

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИНСТИТУЦИИ В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Артур Манвелович Саргсян

аспирант
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской
академии наук, ведущий специалист
Департамента научных изданий
Государственного академического
университета гуманитарных наук,
Москва, Россия;
e-mail: asargsian@gaugn.ru

В настоящей статье автор предпринимает попытку проанализировать роль и значение формальных и неформальных научных институций в формировании и реализации политики памяти, а также дать ответы на следующие вопросы: с какой именно памятью имеет дело политика памяти и что такое коллективная и историческая память?

Автор дает краткую характеристику формальным и неформальным научным институциям. Среди них: научно-исследовательские институты, научно-образовательные организации, музеи, архивы, конференции и круглые столы, научные школы, неформальные научные мероприятия (домашние семинары, встречи, лекции и т. д.).

Автор приходит к выводу, что формальные и неформальные научные институции принимают деятельное участие в процессах коммеморации, сохраняя и вырабатывая научное и ценностное отношение к историческому прошлому, помогают выработать конвенциональный взгляд на события, побуждающие ученых к дискуссиям и научным спорам. Тем самым наука как социальный институт может способствовать формированию и реализации политики памяти на общественном и структурном уровне, предоставляя для реализации этих целей и задач весь спектр научных подходов, методов и инструментов.

Ключевые слова: политика памяти, формальные и неформальные научные институции, коллективная память, историческая память, коммеморация.

Введение. Общие понятия

Политика памяти — социальный, культурный и политический феномен, являющийся результатом деятельности множества общественных институтов, таких как органы государственной власти, СМИ и т. д., воспроизводящих посредством политики памяти коллективную идентичность, базирующуюся на общем нарративе — коллективной и/или исторической памяти.

В настоящей статье мы сосредоточимся на рассмотрении феномена политики памяти и роли формальных и неформальных научных институций в ее формировании и реализации.

Прежде всего нам необходимо определить, с какой памятью имеет дело политика памяти и что такое коллективная и историческая память?

В своем труде «Коллективная и историческая память» Морис Хальбвакс — французский социолог, представитель социологической школы Э. Дюркгейма, — разграничивает понятия коллективной и исторической памяти.

Так, согласно М. Хальбваксу, «...под исторической памятью мы понимаем ряд событий, воспоминания о которых хранит национальная история...» (Хальбвакс, 2005). В то же время: «Коллективные рамки памяти не сводятся к датам, именам и формулам, а, напротив, представляют течения мысли и опыта, в которых мы находим наше прошлое только потому, что оно ими пропитано» (Хальбвакс, 2005).

Таким образом: «Из всего вышесказанного следует, что коллективная память не совпадает с историей и что выражение “историческая память” выбрано не очень удачно...» (Хальбвакс, 2005).

Исходя, из определений, предложенных М. Хальбваксом, можно допустить, что политика памяти имеет дело в первую

очередь с исторической памятью. Однако можно считать, что политика памяти может распространяться и на коллективную память в приведенном значении.

Не менее важно для нас понимать разницу между политикой памяти и исторической политикой, речь о которых, несомненно, возникает в предложенном контексте. Российский историк А.И. Миллер предлагает следующее понимание указанных терминов: «Термином “политика памяти” мы будем обозначать всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализацию, а также практики коммеморации и преподавания истории. Историческая политика является частным случаем политики памяти. Для нее характерны активное участие властных структур, конфронтационность и преследование партийных интересов» (Миллер, 2013: 114).

Также не менее распространенным и общеупотребимым для исследователей *Memory Studies* и важным для нас является термин «коммеморация», обозначающий социальные практики создания нарратива исторической памяти с целью сохранения в общественном сознании воспоминаний о значимых событиях прошлого.

Таким образом, коммеморативные практики можно считать инструментом политики памяти.

Коммеморативная функция научных институций позволяет нам отнести некоторые из них, в первую очередь музеи и архивы, к «местам памяти» (термин французского историка Пьера Нора): «Можно до бесконечности оттачивать классификации: противопоставлять места публичные и частные, места памяти в чистом виде, полностью исчерпываемые их коммеморативной функцией <...> и те, чье измерение памяти — лишь одно из многих в фасциях их символических значений...» (Нора, 1999: 48).

Наука принимает участие во множестве коммеморативных практик и, таким образом, участвует в формировании политики памяти.

Формальные и неформальные научные институции и политика памяти

Формальные и неформальные научные институции в первую очередь отличаются наличием или отсутствием формальных регуляторов своей деятельности, нормативных регламентов и актов, системы поощрений и взысканий и т. д.

Таким образом, в качестве формальных научных институций выступают научно-исследовательские институты, научно-образовательные организации, общественные научные организации, в том числе экспертные организации, музеи, архивы, конференции и круглые столы.

К неформальным научным институциям можно отнести коллективы ученых, объединенных общностью научных интересов и смежными областями научных исследований (в рамках междисциплинарных исследований), научные школы, неформальные научные мероприятия (домашние семинары, встречи, лекции и т. д.).

Так или иначе все эти научные институции принимают деятельное участие в практиках коммеморации и создании нарратива коллективной (культурной, исторической) памяти.

Дадим краткую характеристику некоторых из них с целью более ясного понимания их роли и значения в осуществлении политики памяти.

Научно-исследовательские институты играют важную роль в формировании смыслов для реализации политики памяти, так как в рамках своей деятельности они формулируют и транслируют положения, призванные оказывать воздействие на текущее состояние дел в исторической науке и формировать ее мейнстрим. Профильные научно-исследовательские институты ответственны за формирование конвенционального взгляда на исторические события и процессы, на историческое наследие.

Следующей формальной научной институцией, которую мы рассмотрим, выступают общественные научные, в том числе

экспертные и профессиональные, организации. Как отмечает А.И. Миллер: «Слабость институтов, в том числе НПО, — характерная черта российской жизни. Это полностью проявляется и в сфере политики памяти. За весь посткоммунистический период профессиональные объединения историков и учителей истории не создали сколько-нибудь сильных независимых структур, которые могли бы выступать в качестве влиятельных экспертных сообществ. <...> Впрочем, сам факт осознания властью необходимости такого опосредования важен и свидетельствует об усвоении некоторых базовых принципов политики памяти, которые игнорировались ею еще во второй половине «нулевых» годов» (Миллер, 2013: 124–125). Таким образом, можно отметить, что эта научная институция в настоящее время не оказывает широкомасштабного влияния на формирование и реализацию политики памяти в России. Однако нельзя исключать возможности создания в будущем независимых научных экспертных организаций и групп, которые укрепят позиции этой институции.

Роль ретрансляторов исторического мейнстрима и формирования ценностного отношения к изучаемым событиям берут на себя научно-образовательные институции (вузы, университеты и т. д.). Их роль заключается в доведении до обучающихся положений, которые в свою очередь приняты в научной академической среде и считаются наиболее объективными и научными.

Архивы и музеи выполняют роль сохранения исторического наследия и экспонирования исторических реликвий и артефактов, а также трансляции научных положений, взглядов и трактовок, в свою очередь выполняя научно-популяризаторскую и образовательную функции. Также музеи зачастую выступают в качестве научных центров и ведут самостоятельные исследования.

В качестве примера функционирования музеев, архивов и библиотек в поле политики памяти для нас может выступить опыт европейских государств: «Локальные начинания рассматриваются как неотъемлемая составляющая общеевропейского

поля памяти. Национальный уровень, напротив, до сих пор скорее выпадал из этого контекста, инициативы, продвигаемые от имени структур ЕС, чаще адресованы гражданам и местным сообществам, а в их продвижение вовлечены трансграничные сетевые институты.

Сетевая платформа EUROPEANA — пожалуй, самая заметная инициатива общеевропейского масштаба на этом направлении, была запущена под эгидой Европейской комиссии в 2008 г. Это виртуальная библиотека и архив, где оцифровываются и выкладываются для общего доступа документы, публикации и другие материалы по историческому и культурному наследию Европы и ее граждан. В том числе собираются свидетельства очевидцев, создается архив личных историй» (Семененко, 2020: 25–26).

Научные конференции и круглые столы предоставляют площадку для обсуждения и апробации результатов научных исследований, осуществляемых на базе научно-исследовательских институтов, научно-образовательных организаций и музеев. Таким образом научные конференции и круглые столы выполняют свою роль в коммеморации событий, процессов и явлений исторического процесса.

В свою очередь неформальные объединения ученых, домашние семинары и встречи, посвященные научным дискуссиям и обсуждению круга научных проблем, открывают для ученых возможность межличностного общения, свободной дискуссии, обмена опытом и мнениями.

Особенную роль в указанных процессах имеют научные школы, которые также представляют собой неформальные научные институты. Так научные школы берут на себя функцию аккумуляции научного опыта нескольких поколений ученых, сохранения преемственности идей, единого ценностного подхода к изучаемым событиям, процессам и явлениям.

Каждая из вышеуказанных научных институций принимает деятельное участие в процессах коммеморации, сохраняя и вырабатывая научное и ценностное отношения к историческому

прошлому, помогает выработать конвенциональный взгляд на события, побуждающие ученых к дискуссиям и научным спорам. Таким образом, наука как социальный институт может способствовать формированию и реализации политики памяти на общественном и структурном уровне, предоставляя для реализации данных целей и задач весь спектр научных подходов, методов и инструментов.

Однако не стоит забывать, что, несмотря на максимальную объективность научных институций в осуществлении своей деятельности, политика памяти тесным образом связана с эмоциональным и ценностным отношением ее субъектов к процессам и событиям, подлежащим коммеморации: «Коммеморация — это всегда процесс отбора того, что подлежит вспоминанию или забвению. «Вспоминается» то, что кажется важным с позиций настоящего. «Забывается» то, что представляется «деталью» или «случайностями». Логика «вспоминания» и «забвения» учитывает не только «правду» исторических фактов, но и связанные с ними эмоции» (Малинова, 2019: 302).

Список литературы

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285–312.

Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114–126.

Семененко И.С. Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 23–31.

Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память (дата размещения: 05.03.2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20140305090950/http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 03.10.2022).

FORMAL AND INFORMAL SCHOLARLY INSTITUTIONS IN CONTEXT OF POLITICS OF MEMORY

Arthur M. Sargsyan

Postgraduate student,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Leading specialist,
Scientific Publications Department
of the State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: asargsian@gaugn.ru

The article analyzes the role and significance of formal and informal scientific institutions in the formation and implementation of politics of memory, and makes an attempt to answer the questions: what kind of memory does the politics of memory deal with, and what is collective and historical memory?

The article gives a brief description of formal and informal scholarly institutions in order to better understand their role and significance in the implementation of the politics of memory. The author analyzes the following scientific institutions: research institutes, scientific and educational organizations, museums, archives, conferences and round tables, scholarly schools, and informal scholarly events (home seminars, meetings, lectures, etc.).

The author concludes that formal and informal scientific institutions are actively involved in the processes of commemoration, preserving and developing scientific and value attitudes to the historical past, helping to develop a conventional view of events, encouraging scientists to debate and scientific controversy. In this way, science as a social institution can contribute to the formation and realization of the policy of remembrance on social and structural level, providing a whole range of scientific approaches, methods and tools for the realization of these purposes and tasks.

Keywords: memory policy, formal and informal scientific institutions, collective memory, historical memory, commemoration.

ПАРАМЕТРЫ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Наталья Ивановна Кузнецова

доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: cap-cap@inbox.ru

При попытках дать точную дефиницию понятия «научная школа» возникают различного рода трудности. Науковедение и социология науки не имеют возможности разработать адекватный концепт, поскольку рассматривают формальные научные институты. Неправомерно использовать объективные (наукометрические) показатели для фиксации наличия школ, а также траекторий их развития или угасания по публикационной активности. Научная школа является неформальной группой исследователей, работающих не столько под руководством, сколько под «влиянием» своего учителя. Утверждается, что ключевым для анализа научных школ должно стать понятие «неявное знание», которое ввел М. Полани. Историография науки и техники постулирует, что в данном случае необходимо анализировать исторические источники личного происхождения (воспоминания, личные беседы, дневники, интервью и т. д.) и далее пытаться выявить специфику «неявного знания», которое объединяет профессиональное мастерство изучаемой группы, хотя участники школы зачастую работают по различным научным направлениям.

Ключевые слова: историография науки и техники, формальные институты, научная школа, наукометрические показатели, М. Полани, неявное знание, исторические источники личного происхождения.

Термин «научная школа» известен всем, кто занимается научными исследованиями или историографией науки и техники. Однако при попытках дать точную дефиницию этого понятия возникают различного рода трудности. Характерный пример — коллективная монография, подготовленная в рамках Института истории естествознания и техники АН СССР (Школы в науке, 1977). Разнообразный материал был представлен и обсуждался в этой книге, были указаны «проблемные точки» для дальнейших исследований. Перечислю некоторые из возникших спорных вопросов:

- 1) Научное сообщество уверенно постулирует, что такой феномен имеет место. Впрочем, никакой хорошей дефиниции концепта не было и не появилось.
- 2) Есть ли какие-то объективные методы для фиксации наличия «научной школы»?
- 3) Присутствует ли «научно-исследовательская программа» в школе как объединяющее звено?
- 4) Чему обучает «научная школа»? В чем разница между Учителем и Лидером исследовательского направления?
- 5) Следует ли сохранять и поддерживать «научные школы»? Не являются ли школы в науке сдерживающим фактором, не служат ли они порой тормозом для бурной, непредсказуемой динамики развития науки и технологий?

Академик А.А. Баев (1904–1994), выдающийся советский биохимик, высказался недвусмысленно остро: «Когда возникает вопрос о школах в современной науке, то в поисках ответа естественно обратиться к реальной ситуации. И тогда приходится сделать вывод, что трудно найти структуру, которая полностью обладала бы признаками научной школы, т. е. единством проблематики, методов исследования и истолкования научных результатов, и к тому же была бы связана с определенной личностью и географической точкой <...> Мне кажется, возникновение устойчивых структур в виде научных школ — событие необычное, и научная школа — вовсе не единственная

и не преобладающая форма развития науки <...> Школу можно рассматривать как завершение предшествующего спокойного развития, не изобилующего выдающимися результатами, но подготовившего условия для каких-то радикальных перестроек, для рывка вперед» (Школы в науке, 1977: 503) Далее, обращаясь к современной ему ситуации в молекулярной биологии, где собственные работы А.А. Баева играли важнейшую роль, автор заявляет: «В молекулярной биологии вместо локальных школ сформировалась глобального типа суперструктура, созданная развитием информации, обменом учеными и покоряющей силой идей. В будущем, когда исчерпается наступательный порыв, в молекулярной биологии, может быть, возникнут школы. Но какова будет их функция? Хранение традиций? Но они не возникнут в столь быстро развивающейся области знания, да и зачем их беречь? Эти школы будут скорее проявлением упадка, чем формой развития» (Школы в науке, 1977: 504).

Серьезное сомнение в продуктивности научных школ высказал Клаус Шрайбер, тогдашний директор Института биохимии растений ГДР: «Школа может оказывать субъективно обусловленное деструктивное влияние и в течение длительного времени препятствовать развитию соответствующих областей науки, хотя и всегда в ограниченной области» (Школы в науке, 1977: 504). Он признает, что школы необходимы для трансляции знаний и навыков, а также общественно значимого образа мысли и действия. По этой причине «в центре внимания учителя, руководителя научной школы, стоит вопрос не столько о результатах и успехах самих по себе, сколько о том, как они были достигнуты, иначе “know-how” научного успеха» (Школы в науке, 1977: 505). С последним трудно не согласиться.

Смелая попытка указать четкие критерии «научной школы» была предпринята молодым исследователем А.С. Пановой в 2022 г. В своей диссертации она утверждала, что «исследовательский коллектив можно назвать научной школой только тогда, когда он будет соответствовать не менее пяти из следующих

критериев: 1. Наличие руководителя-лидера; 2. Наличие учеников и преемственность поколений; 3. Единство проблематики; 4. Продолжительность существования во времени; 5. Признание вклада в науку со стороны других членов дисциплинарного научного сообщества; 6. Осознание сотрудниками своей принадлежности к научной школе» (Панова, 2022: 9–10). Ее работа была выполнена на материале исследований работы трех коллективов, работающих в области физиологии почек и водно-солевого обмена в Новосибирске, начиная с 1980-х гг. по настоящее время. На базе объективного наукометрического анализа (публикационной активности) были показаны периоды взлета, расцвета и угасания каждой из трех изучаемых школ. Картина выглядит яркой и убедительной.

Мне представляется, что при всей похвальной смелости попыток проследить судьбы школ, используя современные наукометрические (объективные) методы, необходимо полностью, что называется, «сменить парадигму» рецепции изучаемого феномена. Иначе говоря, необходимо воспользоваться совсем другими историографическими подходами и проводить анализ при помощи иных философско-методологических понятий.

Вероятно, самым важным параметром «научной школы» является «неявное знание» (*tacit knowledge*). Понятие было введено известным химиком и философом М. Полани (1891–1976), который обратил внимание на то, что любое знание представляет собой некий «айсберг», видимая часть которого состоит из явно сформулированных высказываний, однако подводная часть полна личностных навыков, умений, различного рода тонкостей профессионального мастерства — будь то искусство музыканта, художника, ремесленника или исследователя. Секреты и загадки высокого мастерства не могут быть полностью артикулированы и передаются исключительно путем подражания учителю учеником (Polanyi, 1966; Полани, 1985). Неуловимый феномен научной школы получает, таким образом, концептуальное выражение, и объясняется сама «невидимость» такого феномена.

Конечно, для историографа науки выявление *tacit knowledge* представляет трудоемкую работу «археолога», поскольку требует настоящих «раскопок» знаний и умений, не артикулированных в публикациях академического характера. Необходимо привлекать для реконструкции не наукометрические методы, способные показывать динамику публикационной активности, а проводить анализ источников так называемого «личного происхождения» (воспоминаний, дневников, записи бесед, интервью и т. п.). Именно здесь представлена рефлексия ученого о своей интеллектуальной автобиографии.

Из всего сказанного следует три существенных вывода. Во-первых, необходимо осознать, что не следует строить концепт «научной школы», используя в качестве критериев «объективные», в частности наукометрические, параметры. Во-вторых, надо признать, что «научная школа» как предмет изучения относится вовсе не к сфере науковедения или социологии науки. Феномен «научной школы» рассматривается в той области, которую именуют «антропологией науки», поскольку речь идет о сугубо человеческом измерении развития науки. В-третьих, следует признать закономерным «субъективизм» в оценке принадлежности к той или иной школе. Но «субъективное» вовсе не означает правомерность мнения историографа науки: критиковать и редактировать высказываемые оценки совершенно недопустимо. А выявить «неявное знание» — какую-то «изюминку» в проводимых когда-то экспериментах, полевой работе, систематизации эмпирического материала или, например, своеобразие используемого теоретического конструктора — было бы для историографа науки просто блестящим результатом. Ведь это и было бы реконструкцией *know-how* когда-то успешного направления исследований. Впрочем, не следует забывать и о том, что *tacit knowledge* может действительно обернуться тормозящим фактором развития при изменении общего контекста научно-исследовательской деятельности.

Список литературы

Панова А.С. Роль научных школ Новосибирска в развитии физиологии почек и водно-солевого обмена. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2022.

Полани М. Личностное знание / Пер. с англ. под ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Крёбера, Р. Штайнера. М.: Наука, 1977. 524 с.

Polanyi M. The Tacit Dimension. New York: Doubleday & Company, inc. Garden city, 1966. 108 p.

PARAMETERS OF A SCIENTIFIC SCHOOL: TOWARD A PROBLEM STATEMENT

Nataliya I. Kuznetsova

Doctor in Philosophy, Chief researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: cap-cap@mail.ru

The term “scientific school” is known to everyone involved in scientific research or in the historiography of science and technology. When, however, one attempts to give a precise definition of this concept, one runs into various difficulties. The science of science (science studies) and the sociology of science are unable to develop an adequate concept since they only consider formal scientific institutions. The objective (scientometric) indicators may not be used to capture the presence of scientific schools and the trajectories of their development or decline on the basis of their publication activity. A scientific school is an informal group of researchers working not so much under the guidance as under the ‘influence’ of their teacher. It is argued that the key concept in the analysis of scientific schools should be that of ‘tacit knowledge,’ introduced by M. Polanyi. The historiography of science and technology postulates that, in this case, it is necessary to analyze historical sources of personal origin (ego documents) such as memoirs, personal conversations, diaries, interviews, etc., and then try to understand the specifics of tacit knowledge that brings together professional skills of the group under study, although the members of a scientific school often work in different scientific areas.

Keywords: historiography of science and technology, formal institutions, scientific school, scientometric indicators, M. Polanyi, tacit knowledge, historical sources of personal origin.

УДК 001+316.344.3

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-268-277

НАУЧНАЯ ШКОЛА В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ

Алеся Петровна Соловей

научный сотрудник
Института социологии Национальной
академии наук Беларуси,
старший преподаватель
Университета Национальной
академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: alesia.salaviej@gmail.com

Актуализируется важность изучения научной школы в системе факторов профессионального развития ученых. Рассматривается кадровый потенциал академического сектора белорусской науки. По результатам социологического исследования, проведенного среди научных работников Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) в 2020 г., рассматривается наличие научной школы как одно из условий повышения творческой активности и эффективности научно-исследовательской деятельности ученых. Проанализирована важность научной школы для повышения эффективности научной деятельности ученых в зависимости от социально-демографических и профессионально-квалификационных показателей. На основе анализа эмпирических социологических данных были выявлены статистически значимые различия между наличием научной школы как фактором повышения эффективности научной деятельности и возрастом, занимаемой должностью, ученым званием и различными профессиональными аспектами ученых. Различия между двумя независимыми выборками оценивались при помощи статистического критерия «F-тест» (угловое преобразование Фишера). Важность социологического изучения мнения ученых о необходимости наличия научной школы заключается, с одной стороны, в приращении теоретического знания в области социологии науки и науковедения. С другой стороны, это позволяет целенаправленно вовлекать в научные школы заинтересованных исследователей, ориентированных на развитие квалификационной карьеры и получение нового научного знания.

Ключевые слова: ученый, кадровый потенциал, научная школа, творческая активность, эффективность научной деятельности.

На этапе современного развития науки различные аспекты изучения творчества ученых приобретают особую актуальность. Это обусловливается не только постоянным научно-техническим прогрессом, развитием цифровизации, дистанционных форм взаимодействия между субъектами научного знания. Значимым является трансформация профессиональных ориентаций ученых, иерархии трудовых и творческих ценностей, особенностей социально-коммуникационного взаимодействия между учеными в трудовых коллективах, в том числе между разными поколениями, которое осуществляется посредством научных школ.

На наш взгляд, научная школа — это, прежде всего, определенная система сформировавшихся устойчивых научных взглядов, которая включает в себя субъект-субъектные отношения (лидера-основателя и последователей) и функционирует посредством научной коммуникации. Как отмечает белорусский социолог С.В. Лапина, «научные коммуникации — это особого рода социальные отношения, складывающиеся между различными субъектами научной деятельности по поводу получения, хранения, трансляции и потребления (использования, внедрения в практику) научных знаний» (Лапина, 2018: 94–95). Исходя из ключевых аспектов научной коммуникации можно заключить, что именно научная коммуникация как форма взаимодействия между субъектами научной деятельности является одним из конституентов научной школы.

Наличие научной школы в научно-исследовательской организации является одним из факторов, который способствует повышению эффективности исследовательской деятельности ученых. Одним из возможных вариантов изучения влияния научной школы на продуктивность деятельности ученого является исследование значимости основных структурных компонентов научной школы посредством фиксации и измерения мнения

субъектов науки о данных компонентах. К примеру, с опорой на мнение российских исследовательниц И.Г. Дежиной и В.В. Киселевой, к существенным чертам научной школы, которые одновременно могут являться ее структурными компонентами, относятся следующие: наличие лидера, общность деятельности (онтологической, гносеологической и эпистемологической), кооперативность и обмен научным опытом, передача научного опыта как между коллегами, так и между научными лидерами и последователями — молодыми учениками, публичное признание результатов научной деятельности (Дежина, Киселева, 2009: 10). В данной работе будет проанализировано влияние научной школы на эффективность и творческую активность ученого с точки зрения фактического ее наличия в научном сообществе безотносительно детерминации составляющих ее компонентов на профессиональную деятельность ученого и развитие науки как таковой.

Актуальность изучения социологическими методами важности наличия научной школы в перечне факторов повышения творческой активности и эффективности научно-исследовательской деятельности ученых обусловливается необходимостью учета непосредственного мнения субъектов производства научного знания — ученых, которое отражает фактическую возможность влияния научной школы на их научную активность, с учетом профессионального опыта.

Прежде чем перейти к анализу значимости научной школы в профессиональной деятельности ученых НАН Беларуси, следует рассмотреть кадровый потенциал академического сектора белорусской науки. По состоянию на 2021 г. списочная численность работников НАН Беларуси составляла 14 024 чел. Более половины из них являются персоналом, занятым научными исследованиями и разработками, — 7 207 чел., или 51,4%. Исследователей в НАН Беларуси 4 872 чел., что составляет 34,7% от списочной численности работников и более половины (67,6%) от персонала, занятого научными исследованиями

и разработками. Кандидаты наук составляют 8,2% от списочной численности работников, 15,9% от персонала, занятого научными исследованиями и разработками, среди исследователей — это каждый третий, или 29,7% — 1 445 чел. Списочный состав докторов наук 335 чел., или 2,4% от списочной численности работников, 4,7% от персонала, занятого научными исследованиями и разработками, 6,9% от численности исследователей (Отчет, 2022: 338).

Доля мужчин и женщин среди исследователей практически равная: 50,9% и 49,1% соответственно. Среди кандидатов женщины составляют 46,0%, большинство кандидатов — мужчины (54,0%). Среди докторов наук — каждая пятая женщина (20,0%) (Отчет, 2022: 338). Несмотря на то, что среди исследователей мужчины и женщины представлены практически в равной степени, среди кандидатов наук незначительно преобладают мужчины, среди докторов наук наблюдается гендерный дисбаланс: женщины значительно уступают мужчинам.

По результатам социологического исследования, проведенного среди научных работников НАН Беларуси в марте-апреле 2020 г., рассмотрим мнение ученых о важности научной школы в целом и в зависимости от различных социально-демографических и профессиональных характеристик ученых. Выборочную совокупность исследования составил 501 респондент (в т. ч. 267 женщин), уровень погрешности не превысил 4,2%, при $\alpha = 0,05$.

Отвечая на вопрос: «Какие условия могут в наибольшей мере повлиять на повышение Вашей творческой активности и эффективности Вашей научно-исследовательской деятельности?», каждый пятый ученый — 19,7% отметил «наличие научной школы» (в т. ч. 21,2% мужчин-ученых и 18,9% женщин-ученых).

Если рассматривать выбор научной школы как одного из важных условий повышения научной эффективности ученых в зависимости от социально-демографических и профессионально-квалификационных характеристик ученых, то следует отметить,

что были выявлены статистически значимые различия между *возрастом, занимаемой должностью* научного работника, его *ученым званием* и важностью для него наличия научной школы для повышения эффективности его научной деятельности.

Доля тех, кто выбрал это условие, выше среди аспирантов и ведущих научных сотрудников, чем среди младших научных сотрудников, научных сотрудников, старших научных сотрудников: 33,3%, 30,6% и 17,7%, 18,2%, 17,6% соответственно. В зависимости от ученого звания, доля тех, кто выбрал это условие, почти в три с половиной раза выше среди профессоров, чем среди доцентов: 58,3% и 16,9%. Среди тех, кто отметил наличие научной школы, выше доля ученых в возрастной категории 41–50 лет, чем молодых ученых до 35 лет: 25,5% и 16,2%.

Не было выявлено различий между *наличием ученой степени* у научного сотрудника, *отделением наук*, в котором он работает, и важностью для него научной школы. Среди докторов наук это условие отметили 28,6%, среди кандидатов наук – 21,9%, среди научных сотрудников без ученой степени — 17,8%. Мнение о наличии научной школы в системе факторов повышения научной эффективности в зависимости от отделения наук, в котором работает ученый, распределилось следующим образом: отделение Физики, математики и информатики — 23,1%, Физико-технических наук — 16,7%, Химии и наук о Земле — 20,0%, Биологических наук — 19,7%, Медицинских наук — 21,4%, Гуманитарных наук и искусств — 17,6%, Аграрных наук — 22,8%.

Были выявлены статистически значимые различия между выбором научной школы как фактором, повышающим эффективность научно-исследовательской деятельности ученого, и различными *профессиональными аспектами* его труда (к примеру, профессиональное призвание: осознание научной деятельности как призвания; профессиональные карьерные ориентации; профессиональная самоидентификация, трудовая мобильность). Среди тех, кто считает научную деятельность своим призванием,

доля тех, для кого важно наличие научной школы, почти в два раза выше, чем среди тех, кто не считает научную деятельность таковой: 44,1% и 24,0% соответственно ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,090$, $\rho < 0,02$). Интерес представляют также различия в зависимости от профессиональных ориентаций ученых (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Наличие научной школы как фактора повышения эффективности в зависимости от профессиональных ориентаций ученых НАН Беларуси (в %)

Профессиональные ориентации	Наличие научной школы
Монетарная карьера	
Получать достойное вознаграждение за достигнутые результаты	21,2
Иметь максимальную заработную плату за свой труд	20,3
Квалификационная карьера	
Продвигать собственные исследовательские темы	21,8
Предлагать новые идеи, замыслы	24,1
Исполнительная карьера	
Делать все, что от Вас потребуют	21,4
Ответственно выполнять служебные обязанности	16,5
Статусная карьера	
Добиться признания среди профессионалов	25,8
Достичь высокого служебного положения	10,7

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет заключить, что доля тех, кто отметил наличие научной школы как фактора повышения своей эффективности, меньше в два раза среди тех, кто в своей научной деятельности ориентируется на достижение высокого служебного положения, чем среди тех, кто стремится предлагать новые идеи и замыслы и желает добиться признания среди профессионалов: 10,7% и 24,1%, 25,8% ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,811$, $\rho < 0,04$; $\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,967$, $\rho < 0,03$). Также доля тех, кто отметил наличие научной школы, меньше среди

тех, кто в своей научной деятельности ориентируется на ответственное выполнение служебных обязанностей, чем среди тех, кто желает добиться признания среди профессионалов и стремиться предлагать новые идеи и замыслы: 16,5% и 25,8%, 24,1% ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,278$, $\rho < 0,01$; $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,086$, $\rho < 0,05$).

Были выявлены различия между важностью наличия научной школы и причастностью ученых к различным структурным единицам научного сообщества (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Наличие научной школы как фактора повышения эффективности в зависимости от профессиональной самоидентификации ученых НАН Беларуси (в %)

Ощущение причастности ученых к структурным единицам научного сообщества	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Коллективу Вашего структурного подразделения	39,8	45,8	14,7
Коллективу Вашего института	38,6	44,6	15,4
Белорусскому научному сообществу	39,7	37,5	22,2
Международному сообществу ученых по Вашему научному направлению	47,2	34,1	17,6
Мировому научному сообществу	44,8	38,6	17,9

Среди тех, кто ощущает причастность к международному сообществу ученых по своему научному направлению, выше доля тех, для кого важно наличие научной школы в качестве условия, повышающего эффективность его научной деятельности, чем среди тех, кто не идентифицирует себя с этим сообществом: 47,2% и 34,1% соответственно ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,933$, $\rho < 0,03$).

В зависимости от профессионально-психологических ощущений ученых НАН Беларуси выбор наличия научной школы как фактора повышения эффективности распределился следующим образом. Среди тех, кто с постоянной и частой периодичностью испытывал за последний год «неудовлетворенность своей

научно-исследовательской деятельностью», выше доля тех, кто отметил наличие научной школы в качестве фактора, повышающего эффективность его научной деятельности, чем среди тех, кто аналогичным образом испытывал «сомнения в своем профессиональном выборе»: 49,0% и 30,7% ($\varphi_{\text{эм}}^* = 1,724$, $p < 0,05$).

Относительно трудовой мобильности ученых практически половина опрошенных (47,9%) не намерены уходить из Института в ближайшие пять лет. Каждый четвертый думает об уходе, но конкретных шагов пока не предпринимает (25,4%). Твердо решили уйти из Института только 2,8% ученых. Затруднился ответить на вопрос практически каждый пятый (22,1%). Среди тех, у кого нет планов в ближайшие пять лет уйти из Института, каждый пятый (20,0%) выбрал наличие научной школы в качестве фактора повышения эффективности своей научной деятельности. Среди тех, кто думает об уходе, но конкретных шагов пока не предпринимает, наличие научной школы отметил каждый четвертый (24,6%). В то время как среди тех, кто твердо решил уйти в ближайшие пять лет из Института, нет ни одного, для кого «наличие научной школы» является условием для повышения эффективности его научной деятельности.

Таким образом, по результатам анализа эмпирических социологических данных были выявлены статистически значимые различия между важностью наличия научной школы как фактора, оказывающего влияние на повышение творческой активности и эффективности и научно-исследовательской деятельности ученого, и такими социально-демографическими и профессиональными характеристиками ученого как возраст, занимаемая должность, ученое звание, профессиональное призвание, карьерные ориентации, профессиональная самоидентификация, профессионально-психологические показатели, трудовая мобильность. Не было зафиксировано различий между наличием ученой степени, отделением наук, в котором работает ученый, и значимостью для него научной школы. Важность социологического изучения мнения ученых о необходимости наличия научной школы

как одного из факторов повышения их творческой активности и эффективности их научно-исследовательской деятельности заключается в приращении теоретического знания, прежде всего, в таких областях как социология науки и науковедение. С практической точки зрения, выявленные статистически значимые различия между социально-демографическими, профессиональными характеристиками ученого и важностью для него научной школы позволяют целенаправленно вовлекать в научные школы именно заинтересованных исследователей, ориентированных на развитие квалификационной карьеры и получение нового научного знания.

Список литературы

Дежина И.Г., Киселева В.В. Тенденции развития научных школ в современной России. М.: ИЭПП, 2009. 164 с.

Лапина С.В. Научная школа как инновационная модель научных коммуникаций // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания. Минск: Ин-т философии НАН Беларуси, 2018. С. 93–96.

Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2021 году / Национальная академия наук Беларуси. Минск: Беларус. навука, 2022. 406 с.

SCIENTIFIC SCHOOL IN A SYSTEM OF FACTORS INCREASING THE EFFICIENCY OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF SCIENTISTS

Alesia P. Salavei

Researcher,
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,
Senior lecturer,
The University of the National Academy
of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: alesia.salaviej@gmail.com

The importance of studying a scientific school in the system of factors of professional development of scientists is actualized. The human capital potential of the academic sector of the Belarusian science is considered. According to the results of a sociological study conducted among scientists of the National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus) in 2020, the presence of a scientific school is considered as one of the conditions for increasing the creative activity and efficiency of research activities of scientists. The importance of the scientific school for increasing the efficiency of scientific activity of scientists is analyzed depending on socio-demographic and professional qualification indicators. Based on the analysis of empirical sociological data, statistically significant differences were revealed between the presence of a scientific school as a factor in increasing the efficiency of scientific activity and age, position, academic title and various professional aspects of scientists. Differences between two independent samples were assessed using the statistical test F-test (Fisher Angular Transform).

The importance of a sociological research of scientists' opinions about the need for a scientific school as one of the factors for increasing their creative activity and the effectiveness of their research activities lies in the increment of theoretical knowledge in such areas as the sociology of science and science of science. From a practical point of view, the revealed statistically significant differences between the socio-demographic, professional characteristics of a scientist and the importance of a scientific school for him make it possible to purposefully involve interested researchers in scientific schools focused on developing a qualifying career and obtaining new scientific knowledge.

Keywords: scientist, human capital potential, scientific school, creative activity, effectiveness of scientific activity.

УДК 27-45:57(410)(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-278-287

НАУЧНАЯ СЕМЬЯ КАК СРЕДОТОЧИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ: ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БРИТАНСКОГО НАТУРАЛИСТА Т.Э. НАЙТА (1841)

Юлия Сергеевна Шипицына

Лаборант-исследователь
Лаборатории эдиционной археографии
Уральского федерального университета,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: shipitsyna.phd@gmail.com

Британский натуралист и агроинженер Томас Эндрю Найт (1759–1838) внес значимый вклад в развитие селекции плодовых культур и овощей в Англии в конце XVIII–XIX вв. С 1811 по 1838 г. Найт являлся президентом Королевского сельскохозяйственного общества. Необходимость поддерживать обширные научные контакты и публичность должности, по воспоминаниям его семьи, шла в разрез с убеждениями Найта о занятиях прикладной наукой. Обстоятельства преодоления этого внутреннего конфликта ученого отражены в жизнеописании, составленном детьми Найта с использованием писем и воспоминаний его коллег и друзей. Характерной особенностью биографии Найта является акцентирование семейных ценностей. В статье транслация морально-ценностных установок посредством создания образцовой биографии ученого рассматривается в качестве одного из типичных проявлений общей для европейского сообщества этого времени тенденции натурализации морали. На примере жизнеописания Т.Э. Найта показано, как в указанный период источником ценностных представлений выступает не только природа и знание о природе, но и аккумуляция этого знания в личности ученого.

Ключевые слова: Томас Эндрю Найт, научная семья, эпистемическая добродетель, научный этос, натурализация.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

В 1793 г. Джозеф Бэнкс (1743–1820), ботаник, натуралист и президент Лондонского королевского общества, обратился к Ричарду Пейну Найту (1751–1824), знатоку живописи и античной культуры, с которым, вероятно, был знаком по Британскому музею, куда они оба передавали в дар ценные коллекции, с просьбой порекомендовать кого-либо сведущего в агрономических технологиях в родном графстве Найта — Херефордшире. Просьба была продиктована нехваткой информации об этом регионе в Сельскохозяйственном совете (англ. *Board of Agriculture*), только что созданном с целью развития британских агрокультурных технологий общественном объединении (просуществует до 1822 г.). Мистер Пейн Найт с готовностью ответил, что таким специалистом является его младший брат Томас Эндрю Найт (1759–1838), натуралист, живший в Херефордшире, в особняке Илтон Холл, где он разбил теплицы и парники, чтобы проводить различные опыты по селекции плодовых культур и овощей и изучению физических свойств растений. На момент знакомства с Бэнксом Т.Э. Найт имел семью, но на выдающегося администратора британской науки, виртуозно владевшего искусством находить и связывать между собой талантливых исследователей по всему миру, Найт произвел впечатление ученого-одиночки. В тот период жизни он редко покидал свой дом, не состоял ни в одном ученом обществе и даже избегал знакомства с новейшей научной литературой, полагая, что «изучая природу, не искаженную мнениями других, он с большей вероятностью познает истину» (*A Selection*, 1841: 11). Это любопытное замечание выдает высокомерие молодого исследователя.

О надменности и строгости натуралистов в Англии XIX в. писал Ян Джеймс Кидд. По его мнению, высокомерие становится характерной чертой английских исследователей природы в ответ на относительно длительную невозможность представить убедительные доказательства «натуралистической картины мира» (Kidd, 2017: 20–21). Глубокая убежденность в правильности методов и подходов к изучению мира, выработанных естествоиспытателями, вступала в противоречие с отсутствием строгих доказательств и очевидных примеров торжества естественной истории над физикой, математикой и даже философией и религией. Наиболее ярко этот «натуралистический снобизм» проявится позднее, в 1870–1890-е гг.

Столетием раньше, когда произошло знакомство Бэнкса с Найтом, второму пришлось изменить свое отношение к обмену опытом и результатами работы с коллегами. Причем изменить под влиянием Бэнкса, который получил развернутые ответы на свои вопросы и оценил Найта как высококлассного специалиста. Вот как в жизнеописании описан этот момент: «[Бэнкс] нашел, что он не только исключительно профессионально и быстро оценивает явленный перед ним объект, но затем, исходя из этой [первоначальной] оценки проводит развернутое наблюдение и выдвигает гипотезы, что в совокупности проливает свет на еще не вполне изученные области физиологии растений; и [поэтому] он настойчиво убеждал [Найта] представить результаты своих исследований публично» (A Selection, 1841: 10). С тех пор Найт стал частым гостем в лондонском особняке Бэнкса на Сохо сквер, где познакомился со многими выдающимися умами как науки, так и литературы.

30 апреля 1795 г. Найт прочел свой первый доклад в Лондонском королевском обществе, посвященный яблоням и грушевым деревьям в фруктовых рощах Херефордшира. Ученый заметил, что несмотря на различные мероприятия по мелиорации почвы, жизненный цикл этих кустарников (как и всех растений вообще) включает в себя период, когда они не плодоносят, и эти

наблюдения стоит учесть производителям сидра и грушовника (A Selection, 1841: 12). В 1797 г. текст доклада был опубликован в Философских изысканиях Лондонского королевского общества.

Прославили Найта не столько десятки новых сортов яблонь, вишни, клубники, сливы, персиков, нектаринов и картофеля, которые он выводил на протяжении всей жизни, сколько опыты по гравитропности — проверке гипотезы о способности корневой системы растений расти под действием силы тяжести к центру земного шара. В 1806 г. при помощи своего «старого плотника, пожелавшего остаться анонимным в силу своей скромности» сконструировал из дерева специальный механизм, подтверждавший гипотезу. В жизнеописании подчеркивается, что Найт смоделировал и сделал механизм «своими собственными руками» (A Selection, 1841: 15). Этот пассаж особенно интересен. Механическое подтверждение выдвинутой гипотезы, а также непосредственное участие в создании этого механизма коррелируют с таким типом научной самости, который Л. Дастон и П. Галисон определили как «механическая объективность». Этот режим вступает в свои права, по мнению историков, примерно в 1820-е гг. и активно продуцируется до 20-х гг. XX в., хотя полностью не изживает себя и по сей день. Для этого научного этоса характерен практик или «работник» как тип исследователя, «механический» образ его труда, партикулярные объекты исследования и практики автоматического переноса при осмыслении результатов (Дастон, Галисон, 2018: 527).

В 1811 г. Найт стал вторым по счету президентом Королевского сельскохозяйственного общества (англ. *Royal Horticultural Society of London*). В этой должности он активно способствовал практической реализации стратегии экономически выгодного для империи освоения природных ресурсов, зачинателем и проводником которой на уровне описательной ботаники и систематики ранее стал его соратник и покровитель Дж. Бэнкс. Найт возглавлял общества до момента своей смерти 11 мая 1838 г.

Помимо научного руководства и активной исследовательской деятельности в этой институции он вошел в состав еще двух десятков различных академий и обществ Англии, Германии, России, Швеции, Австралии, Португалии, Канады и США.

Сразу после смерти Т.Э. Найта начался громкий судебный процесс о разделе наследства, а именно семейного поместья Найтов Даунтаун Касл (англ. *Downtown Castle*), в которое Найт, его супруга Френсис, сын Томас Эндрю младший и дочери Фрэнсис, Элизабет и Шарлотта, переехали после смерти Ричарда Пейна Найта. О своем преимущественном праве на наследство заявил один из кузенов детей Найта Джон Найт из Ли Касла, графства Сомерсет.

Четырехлетнее судебное разбирательство «Найт против Найта» завершилось в пользу одной из дочерей Найта Шарлотты. Дело имело широкую огласку и стало прецедентом для многих других споров о наследстве. Мы считаем, именно поэтому жизнеописание Т.Э. Найта, напомним, вышедшее в 1841 г., начинается с пространного описания родословной и обстоятельств приобретения и обживания земель в Херефордшире — оно должно было еще раз закрепить в глазах общественности законных собственников в их правах (A Selection, 1841: 1–6.)

Практичность и прикладной характер трудов становится лейтмотивом описания исследовательской работы Найта: «на что он всегда обращал пристальное внимание [в работе], и что положено было целью всей его долгой жизни, так это польза» (A Selection, 1841: 14). Надо отметить, что характеристика научной повседневности Найта довольно статична. Как будто интересное, самое главное случилось с ним в детском и молодом возрасте, когда данный природой потенциал был проявлен, а его реализация — уже дело естественное: читайте доклады. По сути, из этой биографии мы узнаем не столько об ученом, сколько о человеке, жизнь которого была исполнена добродетели. Занятия наукой, естественной историей — лишний раз эту добродетель подтверждает.

Ученый, гражданин и примерный семьянин Т.Э. Найт в этом сочинении предстает как воплощение идеалов английской добродетели эпохи Регентства. Особое внимание уделено описанию детства и юности. Авторы — как полагает Джеймс Бриттен, дочь Найта (Britten, 1931: 77) — словно стремятся показать, что необходимые для карьеры ученого «эпистемические добродетели» проявляются уже в детском возрасте. Самые первые такие добродетели — активность и любознательность: «Неутомимый спортсмен и превосходный стрелок», мальчик много времени проводит на улице, изучая природу, и именно эти «ранние впечатления и наблюдения закладывают фундамент для всех его будущих открытий» (A Selection, 1841: 7). В юности эти качества требуют тренировки: «болезненно застенчивый, ему трудно было выразить свои чувства», но уже в юношеском возрасте «заметной чертой его характера становится упорство, которым сопровождаются все его старания в университете» (A Selection, 1841: 7). Каникулы молодой Найт обычно проводит с братом в Лондоне или с матерью, которая жила одна после смерти мужа и дочерей. Привязанность Найта к матери описывается как трогательная и достойная похвалы (A Selection, 1841: 8–9). Возможно, акцент на детстве обусловлен именно тем, что его писали дети ученого. Старшая и младшая дочери, Фрэнсис и Шарлотта, пошли по стопам отца и занимались агротехнологиями. В семье Найта все было подчинено его работе, девочки оказывали посильную помощь, например, выполняя агроботанические иллюстрации (Britten, 1931: 77). Возможно, отчасти они проецировали собственный ранний профессиональный опыт на своего отца.

Однокурсник Найта по Оксфорду и близкий товарищ, декан Эксетера доктор Ландон, описывает склонности и способности Найта: «читающий понемногу, одаренный экстраординарной памятью и исключительными природными способностями (англ. *great natural talents*), он далеко продвинулся в совершенствовании возможностей своего разума (англ. *powers of mind*)» (A Selection, 1841: 9). А также значительное внимание уделено любви

к сельской жизни: «По вечерам мы обычно имели дискуссию на философские темы, в которых, однако ни он, ни я не были достаточно сильны <...> но мы имели удовольствие познакомиться с авторами, которые стали нашими проводниками в мир минералогии и химии, ботаники, сельского хозяйства и различных ветвей естественной и экспериментальной философии» (A Selection, 1841: 9).

Во многом определили исследовательский интерес Найта ландшафт Херефордшира, в котором Найт проводил свое детство и юность: «холмы, равнины, реки, урожай, геологические породы и смена сезонов стали его объектами для изучения и пищей для философских рассуждений» (A Selection, 1841: 9).

Трансляция морально-ценностных установок посредством создания образцовой биографии ученого представляется одним из типичных проявлений общей для европейского сообщества этого времени тенденции натурализации морали.

О натурализации как стратегии аргументации при обсуждении моральных и законодательных норм замечательно писала Лоррейн Дастон в работе «Против природы» (Daston, 2019). Натурализация может быть определена как перенос культурных ценностей на мир природы, чей авторитет при этом провозглашается моральным основанием. Властные отношения, равно как и семейные подвергаются «оестествлению», а социальные порядки устанавливаются с продуманной дискурсивной опорой на природное устройство. По мнению Дастон, мы обращаемся к природе не за ответами, а за примерами — иллюстрациями наших собственных умозаключений. Природа выступает доступной и наглядной площадкой для демонстрации рационального. В отличие от всех видов материального искусства и стройных математических построений, она не требует столь больших временных и интеллектуальных затрат. Достаточно лишь выявить в ходе наблюдения те эмпирические факты, что подтверждают нашу теорию, или еще проще — воспользоваться уже готовыми описаниями природы (Daston, 2019: 59). Один из самых известных

(и спорных) примеров такой манипуляции с натуралистическим знанием — аргументация Джона Локка в пользу права собственности колонистов на землю, приведенная во «Втором трактате о правлении» (1690). Так называемый принцип гомстеда, согласно которому человек имеет тем больше прав на землю, чем больше усилий он приложил к ее возделыванию, в основании своем имеет убеждение в несомненном благе освоения природных ресурсов и широко известных натуралистических познаниях доктора Локка.

Стивен Шейпин в своей работе «Научная жизнь: моральная история призвания в позднее новое время» выделяет три подхода к пониманию личности ученого: через непосредственное знание о природе, «добытое» субъектом; через метод, которым пользовался субъект; через тщательное исследование, к какому типу людей относится ученый и в каких обстоятельствах он работает (Shapin, 2008: 24). Само издание как сборник текстов докладов, которым предпосылается описание жизни ученого, состоящий в основном из воспоминаний его детей, друзей и цитат писем, представляет собой некую смешанную форму представления личности Т.Э. Найта. Опираясь на концепцию натурализации, мы попытались дать анализ биографического очерка натуралиста.

На примере жизнеописания Т.Э. Найта мы видим, как в указанный период источником ценностных представлений выступает не только природа и знание о природе, но и аккумуляция этого знания в личности ученого-экспериментатора. Одаренный «природными талантами», любознательный, скромный, склонный к созерцательности той природной среды, в которой он рос, Найт становится примерным семьянином (в браке с супругой они счастливо прожили 46 лет), трудящимся на пользу общества гражданином и, конечно, неутомимым исследователем, уверенным в том, что возможно не только постичь природу, но и подчинить ее человеку. Из текста жизнеописания мы не узнаем ни об одном человеческом недостатке (кроме некоторого

высокомерия, что впоследствии преодолевается), ни о семейных разногласиях. Его «научная семья» предстает средоточием добродетели, которая в свою очередь формирует разные эпистемические добродетели — качества, способствовавшие его активной и эффективной научной карьере.

Список литературы

Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.

A Selection from the Physiological and Horticultural papers, published in the Transactions of the Royal and Horticultural Societies by the late Thomas Andrew Knight, to which is prefixed a sketch of his life. London, 1841. 379 p.

Britten J. Thomas Andrew Knight (1759–1838) // The Journal of Botany. 1931. Vol. LXIX. P. 77.

Daston L. Against nature. Cambridge, MA: MIT Press, 2019. 96 p.

Kidd I.J. Confidence, Humility, and Hubris in Victorian Scientific Naturalism // Epistemic Virtues in the Sciences and Humanities / Eds. Jeroen van Dongen, Hernan Paul. Boston: Springer, 2017. P. 11–25.

Shapin S. The scientific life: a moral history of a late modern vocation. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2008. 468 p.

**A SCIENTIFIC FAMILY
AS CENTER OF VIRTUE:
THE BIOGRAPHY OF BRITISH NATURALIST
THOMAS ANDREW KNIGHT (1841)**

Yulia S. Shipitsyna

Laboratory researcher,
Laboratory for Studying Primary Sources
of Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia;
e-mail: shipitsyna.phd@gmail.com

British naturalist and agriculturalist Thomas Andrew Knight (1759–1838) contributed to developing of selection of horticultural crops and vegetables in England in the end of 18th century and the 19th century. Since 1811 to 1838, Knight was president of the Royal Horticultural society. As his family remembered, the need to communicate excessively and publicity of his post controverted with Knight' opinions about scientific practices. The circumstances of coping with this inner conflict of scientist were illustrated in his biography, written by his children using letters and memoir of his colleges and friends. The prominent nature of Knight' biography has an emphasis of family values. In the article the exposure of ethical values through making the ideal scientist' biography is analyzed as one of typical traits common for European community. This trait was manifested in the tendency of naturalization of morality. Through the example of Knight' biography it is demonstrated how in that time the source of ethical ideas was located not only in the knowledge of nature, but also in the accumulation of this knowledge in a personality of scientist. The special attention was paid to the case of Knight' meeting with Joseph Banks and his influence on the agriculturist. The methodological base of the research were the works of Lorraine Daston, Peter Galison, Steven Shapin and Yan James Kidd.

Keywords: Thomas Andrew Knight, scientific family, epistemic virtue, scientific ethos, naturalization.

УДК 930.2:55-057.4(092)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-288-295

ДИНАСТИЯ ГЕОЛОГОВ ЧЕРНОВЫХ КАК ПРИМЕР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В НАУКЕ

Анастасия Григорьевна Оседах

младший научный сотрудник
Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»,
Сыктывкар, Россия;
e-mail: nastya_osedah@mail.ru

В статье на основе архивных документов и опубликованных материалов рассматривается династия профессиональных геологов Черновых, их роль в науке. Автором прослеживается история семьи ученых с XIX в. до настоящего времени, выявляется внутрисемейное научное взаимодействие, определяются важнейшие результаты их научно-исследовательской деятельности. Династии как неформальный институт представляют определенный интерес при изучении биографий ученых, их генеалогии. В семье Черновых насчитывается шесть поколений геологов. Основоположник династии — Н.И. Чернов (1811–1874), выпускник Санкт-Петербургской горнозаводской школы, горный инженер, управляющий на Кизеловском железоплавильном заводе. Последующие четыре поколения окончили в разное время геологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Три представителя династии — Александр Александрович (1877–1963), Георгий Александрович (1906–2009) и Вадим Александрович (1932–1990) — доктора геолого-минералогических наук. Научные изыскания семьи Черновых способствовали геологическому изучению северных территорий России, открытию крупных месторождений полезных ископаемых, формированию новых научных направлений.

Ключевые слова: Чернов, династия, геолог, ученый, история науки.

Династии в науке явление нередкое. Вероятно, в каждом научном или образовательном учреждении имеются профессиональные династии, представители которых продолжают и развивают дело семьи. В литературе понятие «научные династии» определяют как достаточно устойчивые образования, основанные на семейном родстве, члены которого на протяжении нескольких поколений последовательно связывают свою профессиональную деятельность с научными изысканиями (Сапрыкина, 2020: 140). Внутри династийных семей осуществляется формирование новых научных кадров, передача научной культуры, традиций среды, сохраняется преемственность научного знания, опыта, приверженность к профессии. Изучение этого явления позволяет проследить генеалогию ученых, выявить семейные достижения для отечественной и мировой науки, также их ценность для профессионального сообщества.

В истории науки известны многие династии ученых, чья деятельность способствовала становлению новых направлений, развитию учреждений, регионов, с которыми они связывали свою жизнь. К одним из таких относится семья потомственных геологов Черновых, насчитывающая шесть поколений. В статье мы обратимся к истории этой династии ученых, проследим научное взаимодействие внутри семьи, основные результаты их профессиональной деятельности.

Основоположником династии является Николай Иванович Чернов (1811–1874). Он окончил горнозаводскую школу в Санкт-Петербурге, служил управляющим на Кизеловском железоплавильном заводе, принадлежащем князьям Абамелек-Лазаревым в Пермской губернии. Он изучал геологическое строение окрестностей Кизеловского завода, выяснил условия залегания железных руд и каменных углей кизеловских месторождений, составил планы, иллюстрирующие расположение пластов (Чернов, 1995: 159–160). Его сын, Александр Николаевич (1838–1897), окончил Уральское горное училище в Екатеринбурге, служил на солеваренных заводах промышленников Дубровиных в Соликамске,

купец 2-й гильдии. А.Н. Чернов проводил геологические исследования в окрестностях Соликамска. Результаты изысканий были опубликованы в брошюре «Очерк геологического строения окрестностей города Соликамска» в 1888 г. Одним из видов работ было изучение отходов солеваренного производства и возможностей их использования в кожевенном и мыльном производствах (Богданов, 2014: 184–185). Кроме этого, Александр Николаевич проследил род Черновых с XVII в. от Андрея Черного, родившегося в 1680 г. Согласно семейным преданиям, предки Черновых были уральскими углежогами, занимались выжигом древесного угля. Георгий Александрович (1906–2009), представитель четвертого поколения семьи Черновых, объяснял происхождение фамилии ремеслом этих людей, так как оно «было связано с черным чадом, дымом, или, как в древности говорили сибирские заводчики, с курением» (Чернов, 1995: 158).

Александр Николаевич Чернов сыграл значительную роль в выборе профессии своего сына, Александра (1877–1963), в будущем известного ученого. Под руководством отца он учился читать, считать, писать. Будучи ребенком, летние дни он обычно проводил в лесу на р. Усолка, занимаясь рыбной ловлей и сбором разноцветных камешков. Отец поддерживал эти занятия. Часто они вместе проводили время на охоте и рыбалке. Александр Николаевич брал с собою сына и в экспедиции по Уралу, способствуя развитию его интереса к природе и геологии. Особенно несколько поездок с отцом запомнились Александру Александровичу и повлияли на выбор его будущей профессии. В одной из них он впервые побывал в Печорском крае. Это была поездка в верховье р. Печора на р. Унья. В 1895 г. А.Н. Чернов по поручению владельца Соликамского солеваренного завода В.А. Рязанцева должен был произвести осмотр Усть-Бердышевского месторождения бурого железняка, выяснить запасы и качество руд (Научный архив (НА) ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 234. Л. 5). Отец не только брал его в поездки, но также приобщал его к исследовательской работе, делился профессиональным опытом. Так,

обойдя все месторождение, они собрали образцы, и по возвращении домой отец сказал ему, что нужно медные сланцы поместить в уксусную кислоту, а потом положить гвозди, которые покрылись медью. Это произвело сильное впечатление на Александра, так как еще весь процесс был проделан им самостоятельно (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 234. Л. 5).

После окончания классической Пермской мужской гимназии в 1896 г. с серебряной медалью А.А. Чернов поступил на естественное отделение Императорского Московского университета по специальности «геология и палеонтология». Влияние отца, их совместные поездки, увлечения, интерес к природе повлияли на выбор его профессии. Как в дальнейшем он вспоминал: «Я поступил в Московский университет с целью сделаться геологом, но имея очень смутное представление о геологии» (Архив РАН (АРАН). Ф. 48. Оп. 1а. Д. 155. Л. 11). Во время учебы он близко познакомился с известным геологом, палеонтологом, руководителем Московской школы геологов А.П. Павловым, принимал участие в его экспедициях на Тимане. В 1904 г. А.А. Чернов был оставлен при Московском Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре геологии. Он участвовал в экспедициях на р. Печора, в Монголо-Сычуаньской, в работах, связанных с геологическим исследованием проектируемых железнодорожных линий, туннелей, поиском полезных ископаемых в Ферганской области, на Тимане в бассейнах рек Цильма и Пижма Печорская. За исследования в Центральной Азии А.А. Чернов получил премию имени Н.М. Пржевальского от Императорского русского географического общества, был награжден большой серебряной медалью Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. За время преподавания на Московских высших женских курсах он подготовил группу талантливых геологов и палеонтологов, известную в истории науки как «черновская женская школа», в которую входили В.А. Варсанюфьева, Т.А. Добролюбова, Д.М. Раузер-Черноусова, Е.Д. Сошкина, М.И. Шутьга-Нестеренко и другие.

С именем А.А. Чернова связано начало геологических исследований на Европейском Северо-Востоке России, открытие Печорского угольного бассейна. С 1921 г. он проводил изучение северных территорий России в составе экспедиционных отрядов Северной научно-промысловой экспедиции НТО ВСНХ, Геологического комитета и др. В одной из экспедиций, в 1924 г., принял участие сын Александра Александровича Георгий, будучи еще школьником. По просьбе супруги отец взял его в экспедицию, так как, по ее мнению, Георгий попусту тратил время, играя целыми днями в футбол, и не был послушным. Он был определен в отряд Е.Д. Сошкиной, которая вела работы в сложном районе на р. Б. Инта. Г.А. Чернов считал, что это был обдуманный выбор отца, так как он мог направить его в более благоприятный южный район, например, в партию В.А. Варсановьевой, отличавшейся к тому же более мягким характером (Чернов, 1995: 183–184). Поездка оставила у Г.А. Чернова незабываемые воспоминания, желание вновь побывать в Печорском крае, определила его будущую профессию. В следующем году он поступил в МГУ на геолого-географическое отделение. Необходимо отметить, что в экспедиции 1924 г. А.А. Чернов выдвинул предположение, что в бассейне р. Косью и ее притоках представлен крупный каменноугольный бассейн. Дальнейшие его исследования были направлены на подтверждение этого тезиса.

Научное взаимодействие отца и сына началось во время учебы последнего. С 1926 по 1929 г. он участвовал в экспедициях А.А. Чернова на гряде Чернышева и Приполярном Урале в качестве коллектора. По его поручению сын выполнял поиски и сбор окаменелых остатков флоры и фауны. В 1928 г. А.А. Чернов впервые доверил сыну провести самостоятельно осмотр разреза на р. Заостренная, притока р. Уса. В ходе работ им был обнаружен угольный пласт. В экспедициях отца Георгий Александрович развивал профессиональные навыки, приобретал опыт полевой и исследовательской работы, формировался как ученый. В 1930 г. в Усинской геологической экспедиции на р. Уса Г.А. Чернов

обнаружил на р. Воркута выходы пятиугольных пластов. Это открытие стало поворотным в исследовании и освоении Печорского угольного бассейна. Их совместные исследования способствовали открытию крупных месторождений, картированию изучаемой территории, геологическому описанию. За выдающиеся геологические работы по изучению Северного Урала А.А. Чернову в 1936 г. была присуждена степень доктора геологических наук без защиты диссертации.

В 1937 г. А.А. и Г.А. Черновы проводили изыскания на Северном Тимане. Это была их последняя совместная экспедиция. С 1939 г. Георгий Александрович начал геологические исследования Большеземельской тундры, перспективы ее нефтеносности, в 1944 г. защитил кандидатскую диссертацию. Их профессиональное взаимодействие вновь произошло в 1957 г. В этот год Г.А. Чернов пришел работать в отдел геологии Коми филиала АН СССР, которым заведовал Александр Александрович с 1944 г. Георгий Александрович изучал палеозойские отложения Большеземельской тундры, выявил особенности ее тектонического развития, выделил наиболее перспективные районы в отношении нефтегазоносности. В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию.

Сын Георгия Вадим (1932–1990) и внук Вадим (р. 1974) продолжили профессиональный путь семьи. В.Г. Чернов во время учебы в школе принимал участие в геологических экспедициях отца и В.А. Варсанофьевой на Полярном Урале, в Большеземельской тундре. С 1957 по 1962 г. он по семейной традиции обучался на геологическом факультете МГУ. Продолжил обучение в аспирантуре. В 1965 г. он начал работать на кафедре динамической геологии МГУ. С кафедрой связана вся его трудовая жизнь: он прошел путь от ассистента до профессора кафедры. В 1966 г. В.Г. Чернов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Меловые отложения Мармарошского массива Восточных Карпат». Минвуз СССР командировал его в Республику Афганистан для преподавания с 1973 по 1976 г. в Кабульском политехническом институте. В 1981 г. им была защищена докторская диссертация

на тему «Псефиты в геологической истории Земли». Он выделил самостоятельное научное направление — псефитологию, (о грубообломочной горной породе, состоящей из крупных обломков размером не менее 1 мм в поперечнике), разработал методику их изучения на региональном и глобальном уровнях (Чернов, 1989: 254).

О последнем представителе династии Черновых, Вадиме Вадимовиче, не удалось найти много информации. Известно, что он выпускник геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1997), в 2000 г. окончил аспирантуру, по специальности геофизик. До 2010 г. он работал в Научно-производственном центре «Геонефтегаз», занимался вопросами электро-разведочных технологий поиска новых месторождений нефти, газа и других полезных ископаемых.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что наличие в одной семье на протяжении двух веков такой профессиональной преемственности — крайне редкое явление в научной среде. Начиная с Александра Александровича, все они выпускники одного факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора наук. Династия Черновых своей научно-исследовательской деятельностью сыграла значительную роль в изучении геологии Европейского Северо-Востока России, открытии угольных месторождений и других полезных ископаемых, которые способствовали становлению и развитию экономики Коми АССР (Республики Коми), формированию новых научных направлений.

Список литературы

- Богданов М.В. История солеварения Соликамска. Соликамск, 2014. 272 с.
- Сапрыкина Е.В. Роль научных династий в социокультурном развитии региона // Манускрипт. 2020. № 8. С. 139–143.
- Чернов Вадим Георгиевич // Чернов В.Г. Геологи Московского университета: Биографический справочник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 253–255.
- Чернов Г.А. Об отце и учителе и совместных геологических исследованиях в Печорском крае // Александр Александрович Чернов. СПб.: Наука, 1995. С. 157–211.

CHERNOV GEOLOGICAL DYNASTY AS AN EXAMPLE OF THE SUCCESSION OF GENERATIONS IN SCIENCE

Anastasiia G. Osedakh

Junior researcher,
Federal Research Centre “Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”,
Syktyvkar, Russia;
e-mail: nastya_osedah@mail.ru

The article represents Chernov dynasty of professional geologists, their role in science on the basis of archival documents and published works. The author explores the history of a family of scientists from the 19th century to the present time, reveals scientific interaction inside the family, and determines the most important results of their research activity. Dynasties as an informal institution are of particular interest in the study of the biographies of scientists and their genealogy. There are six generations of geologists in the Chernov family. The founder of the dynasty was N.I. Chernov (1811–1874). He was a graduate of the St. Petersburg mining school, a mining engineer, a manager at the Kizelovsky iron-smelting plant. The next four generations graduated from the Geological Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov at different times. Three representatives of the dynasty — Alexander Alexandrovich (1877–1963), Georgy Alexandrovich (1906–2009) and Vadim Alexandrovich (1932–1990) — were doctors of geological and mineralogical sciences. The scientific research of the Chernov family contributed to the geological study of the northern territories of Russia, the discovery of large and important mineral resources deposits, and the formation of new scientific directions.

Keywords: Chernov, dynasty, geologist, scientist, history of science.

УДК 001.32

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-296-305

ОПЫТ РАБОТЫ «КРУЖКА С.О. ШМИДТА» В ОТЗЫВАХ ЕГО КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ

Светлана Андреевна Лиманова

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
начальник Отдела истории Академии наук
Архива Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: serovasvetlana@mail.ru

В год 100-летия со дня рождения выдающегося историка, источниковеда, краеведа С.О. Шмидта представляется важным рассказать об опыте работы руководимого им Кружка источниковедения отечественной истории, особенностях его создания и функционирования (в Историко-архивном институте, ныне — Российский государственный гуманитарный университет). Выходцами этого Кружка, просуществовавшего более 50 лет, стали многие современные исследователи исторической науки и вспомогательных исторических дисциплин. Разнообразные документальные свидетельства работы «Кружка С.О. Шмидта» в настоящее время переданы на постоянное хранение в Архив Российской академии наук.

Ключевые слова: С.О. Шмидт, Архив РАН, научная школа, историк, юбилей.

В 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного историка, источниковеда, археографа, культуролога, краеведа Сигурда Оттовича Шмидта. К этой дате приурочен целый комплекс научных мероприятий: круглый стол «Научное и культурное наследие С.О. Шмидта» с историко-документальной выставкой

«Историк и учитель: К 100-летию С.О. Шмидта» в Государственной публичной исторической библиотеке; международная научная конференция «Сигурд Оттович Шмидт: Педагог. Ученый. Просветитель» в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ); всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение и краеведческое движение в Советском Союзе: история, опыт наследие» в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева; круглый стол «С.О. Шмидт — основатель современного отечественного краеведения» в Омском государственном историко-краеведческом музее; научная конференция в Государственном музее А.С. Пушкина; открытие памятной доски с изображением С.О. Шмидта на здании Историко-архивного института (РГГУ) и др.

Наследие С.О. Шмидта как никогда актуально и находит живое воплощение в многочисленных научно-исследовательских трудах его учеников по самым разным направлениям исторического знания. Школа Шмидта сформировалась благодаря многолетней работе Кружка источниковедения при кафедре вспомогательных исторических дисциплин в Московском государственном историко-архивном институте (ГИАИ; ныне — РГГУ), о котором всегда с большой теплотой отзывались его участники. В статье речь пойдет о «Кружке С.О. Шмидта» как о явлении в научно-педагогической жизни второй половины XX в. Проследивая создание и особенности функционирования Кружка, мы попытаемся ответить на главный вопрос: каким образом удалось реализовать столь эффективную модель обучения новых научных кадров?

«Первая лекция ошеломила. В читавшем ее преподавателе было все — увлеченность, эрудиция, блеск. Это был молодой доцент Сигурд Оттович Шмидт. Лекции, семинары, снова лекции... И все неизменно талантливо, и всегда преподавателю удавалось буквально зажигать аудиторию» (Киницкая и др., 1994: 445), — вспоминали очарованные первокурсницы. «Мои личные

впечатления от лекции Сигурда Оттовича относятся к 1956 г. Он обычно не стоял на трибуне, а прохаживался между рядами с небольшим листочком-конспектом в руке. Некоторая внешняя театральность только подчеркивала яркость изложения, свободу владения материалом, живую связь лекции с волновавшими нас проблемами современности» (Станиславский, 1994: 391), — писал о раннем периоде работы С.О. Шмидта другой его ученик.

Выпускник Московского государственного университета (МГУ), Сигурд Оттович пришел работать в Историко-архивный институт в феврале 1949 г. Вскоре хорошо зарекомендовавший себя преподаватель стал читать курс «Введение в специальность» и вести собственный Кружок источниковедения (датой его основания официально считается 13 апреля 1950 г., когда была сделана первая «историческая» фотография). В первую очередь именно личность и располагающая манера общения привлекали студентов. Многие отмечали, что Сигурд Оттович с большим уважением относился к своим собеседникам, позволял почувствовать себя на равных, вне зависимости от широты их кругозора; умел на простых примерах объяснять сложные явления. «Шмидт вводил нас в прекрасный и свободный мир истории, где он был гостеприимным хозяином, который предлагал своим новым знакомым чувствовать себя здесь “как дома”» (Каштанов, 1994: 427), — отмечал С.М. Каштанов, «официальный историограф» Кружка.

Смысл своей педагогической деятельности С.О. Шмидт видел в развитии творческих способностей студентов. При этом исследовательская и преподавательская работа были неотделимы для него одна от другой. Это был человек эрудированный, интеллигентный, вовлеченный в процесс, готовый совместно искать ответы на самые сложные вопросы и остающийся честным с самим собой. «Я всегда избегал тем, не позволявших мне по условиям времени высказываться искренне, использовать полностью известный мне материал» (О редактуре, 1994: 421), — признавался Сигурд Оттович в одном из интервью. Постепенно

вокруг неординарной личности сложился круг единомышленников.

«Кружок С.О. Шмидта» являлся вполне определенной институцией в структуре Историко-архивного института. Сам Шмидт писал об этом: «Являясь частью СНО (Студенческого научного общества. — С.Л.), кружок имеет четкую организацию. Он заседает по средам в вечерние часы (чтобы сюда могли прийти после работы и ветераны кружка), в одной и той же аудитории (в старинном “теремке”); заседания ведет постоянный председатель (обычно студент IV–V курса), а протоколирует — постоянный секретарь. Здесь обычно задают много (несколько десятков) вопросов и возникает оживленная дискуссия. Заседание завершается заключительным словом научного руководителя» (Шмидт, 1975: 41). План работы Кружка составлялся в начале каждого учебного года (хотя мог корректироваться в дальнейшем) и согласовывался с кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Традиционными формами работы были научные доклады студентов и аспирантов, обсуждение новейшей научной литературы. Кроме того, в рамках работы Кружка происходили встречи с крупными исследователями и практиками архивного дела; осуществлялись экскурсии в библиотеки и музеи; организовывались поездки по «историческим местам». Главной задачей было научить студентов приемам исследования, прежде всего — источниковедческого анализа. Однако большинство «выпускников» Кружка оценивали его значение и роль в своей жизни гораздо шире, чем формальную институцию. Он представлял «не просто сообщество единомышленников, овладевающих определенной методой исторического познания, а круг друзей с основным связующим звеном» (Новохатский, 1994: 461).

О трудностях типологизации этого объединения («научного организма») рассуждали и сами его участники. Например, в статье, посвященной 30-летию деятельности Кружка, было написано: «Объединяя, помимо студентов Историко-архивного института, большой коллектив выпускников разных лет, среди

которых ряд видных ученых, кружок не является студенческим в строгом смысле слова. Организационно оформленный как подразделение Студенческого научного общества, кружок не обязателен для посещения и представляет коллектив неформальный. Определенное ядро кружковцев, испытавших сильное влияние того типа научной культуры, к которому принадлежит руководитель кружка, придает этой общности некоторые черты научной школы» (Чирков, 1980: 158). Чем больше времени проходило с момента создания Кружка, тем более легендарным и мифологизированным становился его образ. Вместе с тем его непосредственная работа строилась весьма четко и была продуктивной.

«Кружок С.О. Шмидта» позволял выстраивать коммуникативное поле, в котором происходил взаимовыгодный обмен. Начинающие исследователи могли выступить со своими наработками, получив экспертную оценку или дружеский совет; слушали выступления маститых ученых; делились знаниями и мнениями; завязывали новые знакомства. Здесь особо чувствовалась связь поколений. Сигурд Оттович охотно делился своими научными контактами, особенно когда недавним студентам приходилось ехать работать в другие города. В результате сеть контактов расширялась еще больше.

В Кружке происходила «проба пера» и в плане первых научных публикаций. С.О. Шмидт работал в самых разных жанрах — писал заметки, статьи, эссе, рецензии, предисловия; готовил археографические издания, сборники, коллективные труды и т. д. Помногу занимался трудоемкой редакторской работой. И никогда не забывал о своих учениках. Напротив, поощрял их создавать научные тексты, учил оттачивать мастерство. Первые публикации многих известных впоследствии ученых были сделаны как раз на основе докладов, подготовленных для Кружка.

Таким образом, в «Кружке С.О. Шмидта» каждый мог найти что-то свое. С одной стороны, его атмосфера отличалась «культурной и научной преемственностью» (Афиани, Зайцев, 1994: 432), с другой — ее определяли как «удивительно доброжелательную

и раскованную» (Киницкая и др., 1994: 445). «Кружок Сигурда Оттовича неизменно давал нам радость творческого общения, вдохновение, духовное обогащение. И, наконец, здесь мы нашли друзей на всю жизнь» (Киницкая и др., 1994: 447), — вспоминали его участники. В то же время Шмидт определял его значение с точки зрения учителя: «это стимулятор творчества уже не только для вступающих в науку молодых людей, но и для научного руководителя и некоторых других преподавателей, также “ветеранов” кружка» (Шмидт, 1975: 43). Филолог и культуролог академик Д.С. Лихачев, высоко ценивший научно-педагогическую и просветительскую деятельность Шмидта, подчеркивал, что Кружок для многих его учеников стал «школой не только науки, но и гражданского поведения» (Лихачев, 1994: 9). Обо-значение нравственных ориентиров, знакомство с «культурным кодом» также происходило в процессе работы Кружка.

Складывалось впечатление, что «в кружок каким-то естественным образом “отбирались” те люди, для которых наука, интерес к истории и человеку в самом широком смысле стали стержнем личности, жизни, судьбы» (Кулешова, 1994: 451). Впрочем, сам Сигурд Оттович полагал, что «не только ученик выбирает учителя, но и учитель ученика» (Мельников, Лиманова, 2022: 69). Он же объяснял, что «Наш кружок» — это не столько «Кружок Шмидта», а «прежде всего коллектив и коллективный наставник» (Шмидт, 1980: 155). Передачу знаний и их постоянное пополнение С.О. Шмидт считал неотъемлемой частью научного процесса. Несмотря на разностороннюю деятельность, занимавшую все больше времени, в его жизни всегда оставалось место неугасимой любознательности и заботе о других людях.

На примере «Кружка С.О. Шмидта» можно проследить формирование «творческой лаборатории» ученого, тем более что источников для этого более чем достаточно. Помимо уже опубликованных заметок, воспоминаний, эссе, по завещанию С.О. Шмидта в Архив РАН был передан его огромный личный фонд, примерно треть объема которого составляют документы

Кружка. Занимающийся предварительным разбором материалов ученик Шмидта А.В. Мельников в недавнем интервью так охарактеризовал имеющийся корпус источников: «На самом деле это “шкатулка”, архив в архиве. Архив Кружка очень разнообразный — и по хронологии, и по составу источников, и по разновидности источников (официальные, неофициальные, личного происхождения и т. д.). Есть протоколы (дело-производственные источники), переписка (переписка “кружковцев” друг с другом, с научным руководителем), периодика (стенгазеты Кружка), обширная юбилейно-поздравительная документация. Записи самого Сигурда Оттовича на заседаниях Кружка (около 1 000 листов!). Имеется также колоссальный фотоархив Кружка с начала 50-х гг. XX в., особенно обширный за 1970–1980-е гг., звукозаписи юбилейных и обычных заседаний. Некоторые из таких заседаний мы можем реконструировать до мелочей» (Мельников, Лиманова, 2022: 76). Весьма информативным источником, основанным на саморефлексии участников, представляется также «юбилейное анкетирование» — заполнение анкет «выпускниками» на юбилейных мероприятиях Кружка. К сожалению, серьезными ограничителями в получении всех этих данных могут выступить как минимум два фактора — обилие документов, на обработку которых уйдет трудно прогнозируемое пока количество времени, и проблемы с разбором почерка С.О. Шмидта.

К моменту создания «Кружка С.О. Шмидта» традиции студенческих научных кружков имелись и в МГУ, и в МГИАИ. Что же позволяет выделить его среди прочих? Главный объект изучения — исторический источник, вокруг которого выстраивалось все, включая методику научного поиска и ее специфику (не от периода или личности, не от дисциплины или явления отталкивались «кружковцы», а именно от источника). Поражает регулярность заседаний Кружка (каждую неделю, по средам, практически без пропусков) и общая продолжительность его работы (более 50 лет!). Практическую ценность для начинающих

исследователей представляла возможность публиковать результаты «кружковских» обсуждений. Благодаря неумемной энергии С.О. Шмидта и его ораторским способностям заседания Кружка широко освещались в периодике и даже на телевидении. Основополагающим было умение руководителя Кружка формировать и — главное — поддерживать формальные и неформальные связи (это стало особенно заметно после ухода из жизни С.О. Шмидта). Наконец, удивительный феномен: Кружок источниковедения постепенно сам превратился в целый комплекс источников, поскольку происходила документальная фиксация всей его деятельности. Из вышесказанного следует один принципиальный вывод: полноценное изучение «шмидтоведения» — еще впереди.

Список литературы

Афиани В.Ю., Зайцев А.Д. Преемственность (О сборниках статей, посвященных С.О. Шмидту) // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 432–436.

Каштанов С.М. С.О. Шмидт как зеркало историко-архивного института // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 424–432.

Киницкая С.В., Маматова Е.П., Покровская И.М. Кружок в нашей судьбе // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 445–447.

Кулешова В.В. «Гамбургский счет» кружка // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 450–452.

Лихачев Д.С. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности С.О. Шмидта // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 7–9.

Мельников А.В., Лиманова С.А. «Это была радость общения и приобщения к науке»: интервью А.В. Мельникова о С.О. Шмидте // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций / Гл. ред. С.А. Лиманова. Вып. 5. М.: Архив РАН, 2022. С. 57–84.

Новохатский К.Е. Три года и вся жизнь // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 461–462.

О редакции и не только о ней. Беседа с С.О. Шмидтом А.Д. Зайцева // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 416–424.

Станиславский А.Л. Сигурд Оттович Шмидт как педагог // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: ИАИ, 1994. С. 390–395.

Чирков С.В. Научная работа Кружка источниковедения истории СССР (1950–1980 гг.) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. Сборник статей / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: [б.и.], 1980. С. 158–171.

Шмидт С.О. Вовлекая в творчество // Вестник высшей школы. 1975. № 4. С. 41–43.

Шмидт С.О. Наш кружок // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. Сборник статей / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: [б.и.], 1980. С. 137–157.

**WORK EXPERIENCE OF THE CIRCLE
OF SOURCE STUDIES OF RUSSIAN HISTORY
("KRUSHOK OF S.O. SCHMIDT")
IN THE MEMORIES OF HIS COLLEAGUES
AND STUDENTS**

Svetlana A. Limanova

PhD in History, Senior researcher,
Head of the Department of History of the Academy of Sciences,
Archive of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: serovasvetlana@mail.ru

In the year of the 100-th anniversary of the birth of S.O. Schmidt, an outstanding historian, source specialist, local historian, it seems important to talk about the experience of the Circle of Source Studies of Russian History (scientific school) led by him, the features of its creation and functioning. It was founded at the Historical and Archival Institute (in our time — the Russian State University for the Humanities). Many contemporary researchers of historical science and auxiliary historical disciplines became the natives of this Circle, which existed for more than 50 years. A variety of documentary evidence of the work of this Circle (or "Kruzhok of S.O. Schmidt") have now been transferred for permanent storage to the Archives of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: S.O. Schmidt, Archive of the RAS, scientific school, historian, anniversary.

УДК 669:001(091)

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-306-315

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИЙ В СОЗДАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКО- ТЕХНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИИ 1825–1917 ГГ.

Полина Александровна Захарчук

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: polina_zah@bk.ru

В статье на примере отечественных региональных исторических исследований по истории металлургии мануфактурного периода анализируются предпосылки зарождения историко-технической научной мысли и влияние на этот процесс деятельности неформальных институтов. Первой металлургической мануфактурой в России стал пущенный в действие в 1636 г. доменный Городищенский завод. В дальнейшем металлургическое мануфактурное производство сосредоточилось в трех регионах страны: Тульско-Каширском (Подмосковном), Олонецком и Уральском. Региональная историография истории металлургии в XIX в. также развивалась в этих трех районах: Тульской, Олонецкой и Пермской губерниях. Однако в каждом из этих районов имелись свои особенности формирования историко-технической мысли. Основной задачей статьи является выделение факторов, повлиявших на развитие региональных историко-технических исследований. Отдельное внимание уделяется рассмотрению историко-технической информации, представленной в опубликованных текстах.

Ключевые слова: история металлургии; история техники; историография истории металлургии; региональная историография; Ученый горный комитет.

Формирование истории техники в России как самостоятельной научной и образовательной дисциплины относится к первой

половине XX в. Одним из факторов, повлиявших на развитие историко-технических исследований, стало изменение политического строя в стране. Однако интерес к истории техники существовал в научном сообществе на протяжении, без преувеличения, столетий. Отдельную роль в проведении историко-технических исследований сыграли неформальные институты, такие как научные и краеведческие общества. Особенно ярко их деятельность отразилась на развитии региональных исследований. На примере изучения истории черной металлургии мануфактурного периода в России мы постараемся проанализировать процесс зарождения отечественной историко-технической мысли. Отметим, что под мануфактурой мы будем понимать крупное промышленное производство, основанное на разделении труда и сочетании ручного труда с работой технических агрегатов. Первой металлургической мануфактурой в России стал пущенный в действие в 1636 г. доменный Городищенский завод А.Д. Винуса (1605–1656/57). В дальнейшем металлургическое мануфактурное производство сосредоточилось в трех регионах страны: Тульско-Каширском (Подмосковном), Олонецком и Уральском. Окончание мануфактурного периода связано с внедрением в металлургическое производство парового двигателя и относится примерно к 30-м гг. XIX в.

Отметим также, что предметом исследования являются отечественные научные труды по истории черной металлургии, в которых рассматривались вопросы, связанные с техникой и технологией производства, а именно: технологии добычи руды и углехожение, доменный процесс, кричное производство, устройство гидротехники и технического оборудования завода.

В первой половине XIX в. региональные историко-технические исследования инициировались и публиковались во многом благодаря деятельности крупных всероссийских научных объединений.

Первым обществом, в планы работы которого было внесено изучение истории металлургии, стал созданный по инициативе

Александра I Ученый горный комитет. Однако здесь необходимо внести несколько уточнений. Изначально комитет должен был решить проблему с недостаточным распространением новых технологических знаний на горно-металлургических предприятиях Российской империи. Для достижения поставленной цели было принято решение издавать «Горный журнал» (Миронос, 2000: 152). И уже с самого первого выпуска этого издания наряду со статьями о передовых достижениях науки и техники появились рубрики «Горная история» и «Биография», в которых размещались публикации, в том числе и по истории черной металлургии. Их можно разделить на три вида: археография, биографии и исторические исследования. Отметим также, что с учреждением Ученого горного комитета в каждом казенном горном округе должно было быть создано горное научное общество под председательством горного начальника или управляющего соляными промыслами (Балашев, 2010: 110). Одной из функций, возлагаемых на эти общества, стало составление описаний заводов и рудников, которые должны были публиковаться в «Горном журнале». При удачной реализации данной идеи в каждом горном округе должно было образоваться свое региональное отделение Ученого горного комитета. Однако уже к следующему, 1826 г., большинство из них, прекратило свое существование. Сохранившиеся объединения сосредоточились на решении технических и технологических задач, а не на изучении истории отрасли. Основной причиной неудачи стал недостаток квалифицированных специалистов, способных параллельно с основными техническими обязанностями заниматься историческими исследованиями.

Во второй половине XIX в. наблюдается рост публикаций региональных историко-технических обществ, во многом связанный с либеральными реформами Александра II. Однако в трех исторических районах расположения металлургической промышленности изучение истории отрасли развивалось по-разному. Рассмотрим каждый из этих районов в отдельности.

Анализ историографии опубликованных работ по истории Тульско-Каширского района развития металлургии позволяет сделать вывод о том, что горнозаводское краеведение в Тульской губернии не сложилось. Можно выделить две основные причины неудачи. Во-первых, металлургические заводы в регионе были окончательно остановлены в соответствии с указом Сената (1754) о закрытии заводов, расположенных ближе 200 верст от Москвы. Если учесть, что в других регионах горнозаводским краеведением занимались горные инженеры, работавшие на предприятиях, то в Тульской губернии XIX в. таких специалистов просто не было. Во-вторых, существовала проблема источниковой базы исследований. Многие архивы с документами, относившимися к истории первых металлургических Тульских заводов, были безвозвратно утеряны, а сохранившиеся документы медленно тлели в сыром помещении (Арсеньев, 1888: 1–2). Местные краеведческие общества историей металлургии не интересовались. Губернский статистический комитет интереса к этой теме также не проявлял. Поэтому историю металлургических заводов рассматривали либо краеведы широкого профиля (Андреев, 1855), либо специалисты, интересовавшиеся историей оружейного дела (Арсеньев, 1888; Бранденбург, 1875).

В первой половине XIX в. история Олонецких заводов входила в состав описаний губерний, созданных и опубликованных при поддержке Статистического отделения Министерства внутренних дел (см., например: Дашков, 1842). Существовали также и краеведческие работы, которые до 1838 г. чаще всего не издавались и до сих пор находятся в состоянии рукописей (см. подробнее: Пашков, 2007). Одно из первых опубликованных специальных сочинений по истории Олонецких заводов написано историком, статистиком, географом К.И. Арсеньевым (1789–1865). Оно называется: «Описание Олонецких заводов, с самого их основания, до последних времен, с кратким обозрением Олонецкой Губернии» (Арсеньев, 1830). В 1835 г.

в Олонецкой губернии был образован Олонецкий губернский статистический комитет, а в 1838 г. налажена публикация первой официальной газеты — «Олонецкие губернские ведомости». Члены статистического комитета принимали активное участие в этом издании, в том числе размещали в нем свои статьи в специальных выпусках, например, по истории края; Статистический комитет также публиковал ежегодно приложение к газете — «Указатель статей и заметок». Хотя надо отметить, что подготовка неофициальной части газеты в Олонецкой губернии официально не входила в число обязанностей Статистического комитета, как это, например, было в Пермской губернии. Редакция «Олонецких губернских ведомостей» при поддержке Олонецкого губернского статистического комитета публиковала также собственное издание — «Памятную книжку Олонецкой губернии», выходившую в свет с 1856 по 1916 г. В обоих периодических изданиях публиковались статьи по истории металлургии: горного инженера, геолога и историка Н.Ф. Бутенева (1803–1871) (псевдоним — Ми Г.И.) (Ми Г.И., 1843), горного инженера В.Ф. Полякова (1837–1894) (Поляков, 1860), горного инженера и чиновника Главного горного управления Б.Н. Михайлова (даты жизни неизвестны) (Михайлов, 1909). С 1870-х гг. публиковались отдельные книги по истории Олонецких заводов горного инженера П.Е. Холостова (1841–1884) (Холостов, 1874) и историка и краеведа В.П. Мегорского (1871–1940) (Мегорский, 1904; 1905). В 1910 г. в Петрозаводске был выпущен сборник «Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края» («Материалы по статистико-экономическому описанию», 1910), в состав которого вошли два очерка по истории Олонецких металлургических заводов. Первый из них называется «История горного дела» («Материалы по статистико-экономическому описанию», 1910: 60–73), он написан ученым-геологом П.А. Борисовым (1878–1963); второй очерк — «Горнозаводская промышленность и горный промысел» («Материалы по статистико-экономическому описанию», 1910: 192–240) — составлен

горным инженером Е.К. Яковлевым. Составители намеренно поместили в свой сборник два близких по тематике очерка. В предисловии к изданию, написанном Л. Чермаком, говорилось: «Быть может не лишним будет пояснить, что повторения, встречающиеся в работах Борисова и Яковлева, являлись неизбежным последствием того, что оба они касались одного и того же предмета, и хотя один из них, Борисов, трактовал его с чисто научной стороны, а Яковлев с технической и экономической, тем не менее им приходилось немного сталкиваться» («Материалы по статистико-экономическому описанию», 1910: 3). 18 апреля 1913 г. создано Общество изучения Олонецкой губернии. На торжественном открытии с докладом на тему: «Очерк Горнозаводского дела в Олонецком крае», выступил упоминавшийся нами выше Б.Н. Михайлов. Текст доклада был издан в том же году (Михайлов, 1913).

На Урале существовала своя традиция изучения промышленного наследия, уходящая корнями еще в начало XIX в. Первым крупным научным сочинением, в котором, помимо прочего, исследовалась история металлургических заводов Урала, стало «Хозяйственное описание Пермской губернии», впервые опубликованное в 1804 и переизданное в 1811 г. («Хозяйственное описание», 1811). Во второй половине XIX в. несколько крупных уральских краеведов занимались изучением истории металлургической промышленности мануфактурного периода, среди них: Н.К. Чупин (1824–1882) (Чупин, 1861; 1873; 1882) и Н.Н. Новокрещенных (1842–1902) (Новокрещенных, 1892), а также экономист В.Д. Белов (?–1910) (Белов, 1891; 1896; 1910). Изучение истории металлургии было одним из важнейших направлений работы Уральского общества любителей естествознания (1870–1929). Статьи по истории отрасли публиковались на страницах Памятных книг Пермской губернии и Пермских губернских ведомостей.

Таким образом, в начале XIX в. произошел естественный и закономерный процесс исчезновения ведомственной

историографии, и знания, в том числе и по истории отрасли, перестали быть эксклюзивными и труднодоступными для широких масс читателей. Характерным признаком времени стало создание отраслевого журнала. С самого его основания в «Горном журнале» стали помещаться статьи исторического и библиографического характера. Постепенное изменение претерпевал и контингент авторов историко-технических сочинений. Если в первой четверти XIX в. ими являлись горные инженеры, то позднее историей отрасли стали интересоваться историки, краеведы и оружейники. Развитие региональных исследований, однако, проходило неравномерно. Горнозаводское краеведение полноценно сложилось только в Олонецкой и Пермской губерниях. Другие губернии даже Уральского региона не проявили себя в изучении истории черной металлургии мануфактурного периода. Не сложилось горнозаводского краеведения и в Тульской губернии, главной причиной чего было отсутствие сообщества горных инженеров, так как уничтожение металлургических предприятий здесь произошло еще в середине XVIII в. В целом техника и технология черной металлургии на протяжении всего периода 1825–1917 гг. не становилась предметом специального исследования. Основной причиной этому было отсутствие научной дисциплины — истории техники. Однако в изучаемый период активно исследовалась история отдельных предприятий с описанием техники и технологии производства, реже делались попытки анализа исторического развития всей отрасли. Также происходило пополнение источниковой базы за счет издания археографических публикаций. Авторы при написании работ также использовали археологические данные в виде первичного осмотра местности и свидетельства устной истории в форме местных приданий. Все это оказало значительное влияние на дальнейшее развитие историографии техники и технологии черной металлургии.

Список литературы

Андреев Н.Ф. Биографические справки о Виниусе //Москвитянин. 1855. № 9. С. 152–163.

Арсеньев К.И. Описание Олонецких заводов, с самого их основания, до последних времен, с кратким обозрением Олонецкой Губернии // Труды минералогического общества высочайшим его императорского величества соизволением учрежденного в Санкт-Петербурге. СПб.: Типография Н. Греча, 1830. С. 281–332.

Арсеньев Ю.В. К древнейшей истории тульских железных заводов. Тула: Тип. Губернского правления. 1888. 40 с.

Бакшаев А.А. Горный ученый комитет и горные научные общества на Урале в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 108–116.

Белов В.Д. Кризис Уральских горных заводов. СПб.: Паровая скоропечатня М.М. Гутзаца. 1910. 82 с.

Белов В.Д. Исторический очерк Уральских горных заводов. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1896. 45 с.

Белов В.Д. Петр Великий как основатель Русской промышленности. СПб.: Знаменская Типолитография С.Ф. Яздовского и Ко, 1891. 28 с.

Бранденбург Н.Е. Железные заводы в Тульском, Каширском, Алексинском уездах в XVIII столетии // Оружейный сборник. 1875. № 1. С. 1–18 (смесь); 1875. № 2. С. 1–6 (смесь); 1875. № 3. С. 21–52 (смесь).

Дашков В.А. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1842. 222 с.

К.К. Гаскойн (биография) // ОГВ. 1843. № 13. С. 55–57.

Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб.: Изд-е Олонецкого Губернского земства, 1910. 428 с.

Мегорский В.П. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом. Петрозаводск: Олонецкая губернская тип., 1905. 25 с.

Мегорский В.П. Начальные лица в Олонецком крае в царствование Петра Великого. Петрозаводск: Олонецкая губернская тип., 1904. 26 с.

Ми Г.И. Краткое известие о жизни обер-берггаутмана 4-класса А.В. Армстронга // Прибавление к Олонецким ведомостям. 1843. № 26–27. С. 3–4.; Ми Г.И. Краткое известие о жизни обер-берггаутмана 4-класса А.В. Армстронга // Прибавление к Олонецким ведомостям. 1843. № 28. С. 3–5.

Миронос А.А. Ученые комитеты и Советы министерств и ведомств в XIX в.: Задачи, структура, эволюция. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2000. 255 с.

Михайлов Б. Из горнозаводской жизни Олонецкого края // ОГВ. 1909. № 45. С. 1–2; 1909. № 46. С. 1–2; 1909. № 47. С. 1–2; 1909. № 48. С. 2; 1909. № 48. С. 2; 1909. № 50. С. 2.; 1909. № 52. С. 2.

Михайлов Б.Н. Очерк Горнозаводского дела в Олонецком крае. Петрозаводск: Олонецкая губернская тип., 1913. 19 с

Новокрещенных Н.Н. Постройка Кизеловского завода И.Л. Лазарева. Уфа: Типо-литография Н.А. Безобородовой, 1892. 92 с.

Пашков А.М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Издательство КГПУ, 2007. 302 с.

Поляков В.Ф. Очерк Олонецких заводов в историческом, гносеологическом и статистическом отношениях // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 год. Петрозаводск: Издание редакции Олонецких губернских ведомостей, 1860. С. 21–215.

Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1. СПб: Императорская тип., 1811. 396 с.

Холостов П.Е. Краткий исторический очерк горнозаводского дела в Олонецком крае и обзор деятельности Александровского пушечно-литейного завода, в продолжение его существования (1774–1874 гг.). Петрозаводск: Губернская тип., 1874. 28 с.

Чупин Н.К. Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. 1861. Кн. 6. С. 551–591.

Чупин Н.К. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале // Горный журнал. 1873. Кн. 4. С. 88–108.

Чупин Н.К. Василий Никитич Татищев и первое его управление уральскими заводами // Сб. статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь: Тип. Губернского правления, 1882. Вып. 1. С. 47–68.

THE ROLE OF INFORMAL INSTITUTIONS IN THE CREATION OF REGIONAL HISTORICAL AND TECHNICAL RESEARCH ON THE HISTORY OF METALLURGY. 1825–1917

Polina A. Zakharchuk

PhD in History, Researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: polina_zah@bk.ru

The paper analyses the preconditions for the emergence of studies on the history of technology and the impact of informal institutions on this process, as exemplified by the Russian regional studies on the history of metallurgy during the period of manufactures. The first metallurgical manufacture in Russia was the Gorodishchi blast-furnace plant set into operation in 1636. Afterwards metallurgical manufactures were concentrated in three regions of Russia: the Tula–Kashira (Moscow) region, the Olonets region, and the Ural region. In the 19th century, regional historiography of the history of metallurgy was also developing in these three regions: the Tula, the Olonets, and the Perm Governorates. The development of the history of technology, however, differed in these three regions. The paper aims to identify the factors that affected the development of regional studies in the history of technology. Particular attention is given to information on the history of technology found in the published texts.

Keywords: history of metallurgy; history of technology; historiography of the history of metallurgy; regional historiography; the Learned Mining Committee.

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-316-326

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ДО 1917 Г.

Сухова Олеся Константиновна

аспирант

Самарского государственного
социально-педагогического университета,
Самара, Россия;

e-mail: Olespisareva@yandex.ru

В статье представлены результаты изучения начального периода институционализации археологии в Среднем и Нижнем Поволжье (Симбирская, Самарская, Пензенская, Саратовская, Астраханская губернии) с середины XIX в. до 1917 г. В архивах Самары, Ульяновска, Пензы и Астрахани были выявлены делопроизводственные и эпистолярные материалы из фондов канцелярий губернаторов, статистических комитетов, губернских ученых архивных комиссий. Рассмотрены примеры взаимодействия власти и общества в вопросах находок кладов, проведения исследований, образовании музеев, в первых попытках учреждения научных обществ. Описывается, как губернаторы отправляли находки для изучения в Императорскую Археологическую комиссию в Санкт-Петербург. В 1870–1880-х гг. столичными научными обществами был организован масштабный поиск памятников археологии по всей стране с помощью анкетирования. На местах сбором информации занимались чиновники, учителя и священники, которые не всегда добросовестно выполняли свою задачу. Появляются первые краеведческие общества, учрежденные в рассматриваемых губерниях с 1870 по 1914 г. Отмечается, что коммуникативные связи властных структур и научных организаций до 1917 г. формировались эпизодически в случаях обнаружения кладов, а развитие науки в большинстве губерний отставало от городов с университетской культурой.

Ключевые слова: история археологии, Среднее Поволжье, Нижнее Поволжье, XIX–XX в., губернатор.

В России интерес к археологическим памятникам отмечается еще с XVIII в., но тогда он был направлен на места распространения курганов с наличием золотых вещей и античные города Северного Причерноморья. С середины XIX в. отдельные исследователи, а затем научные организации начинают появляться и в провинции.

Историография вопроса становления провинциальной российской археологии на рубеже XIX–XX вв. достаточно обширна, и наиболее полно она раскрыта для территорий Волго-Камья (Бердинских, 2003), Центрального Черноземья (Захарова, 2015), Южного Приуралья (Евгеньев, 2018) и др.

Территориальные рамки нашего исследования очерчиваются дореволюционными границами Симбирской, Самарской, Пензенской, Саратовской и Астраханской губерниями, то есть включают в себя территории современных Самарской, Ульяновской, Саратовской, Пензенской, Волгоградской и Астраханской областей, отдельные районы Оренбургской и Ростовской областей, Ставропольского края, Республик Татарстана, Дагестана и Калмыкии, а также Атыраускую область Республики Казахстан.

Работы, посвященные изучению отдельных аспектов дореволюционной истории археологии в Среднем и Нижнем Поволжье, принадлежат Г.Н. Белорыбкину, В.А. Волкову, М.Р. Гисматулину, Б.А. Дорошину, В.Н. Зименкову, П.В. Казакову, И.Н. Кареву, А.Ф. Кочкиной, В.Г. Миронову, Л.Ф. Недашковскому, В.И. Первушкину, М.Р. Полесских, К.А. Руденко, Д.В. Серых, Д.А. Сташенкову и другим.

Настоящее исследование опирается на неопубликованные архивные источники, хранящиеся в государственных архивах Астраханской, Пензенской, Ульяновской и Самарской областей. Источники представляют собой материалы делопроизводства губернских, уездных и земских администраций; переписку губернаторов.

Благодаря архивным материалам возможно составить схемы коммуникативных цепочек, эпизодически возникавших между государственными органами власти, научным сообществом, представителями различных социальных слоев.

В 1859 г. для регистрации и изучения древностей в Санкт-Петербурге учреждается Императорская Археологическая комиссия (ИАК), в которую со всей страны поступают обнаруженные клады и артефакты. По инициативе ИАК издавались циркуляры МВД, запрещающие кладоискательство и разрушение памятников на казенных землях. В 1889 г. Комиссия получает уникальное право выдачи Открытых листов (разрешений) на археологические исследования на государственных землях.

Находчики древностей (в основном крестьяне) по-разному ими распоряжались: продавали, переплавляли, кости пускали на удобрения, топили самовары углями из курганов, выкидывали. Производились грабительские раскопки курганов, землю с валов увозили на огороды... Лишь некоторые находчики для получения награды от ИАК передавали случайно найденные предметы местному начальству (Писарева, 2018: 155–162). Губернаторам о находках докладывали уездные исправники, полицеймейстеры, мещане, купцы. Далее артефакты и клады поступали в ИАК.

По поручению губернатора уездный исправник (или другой чиновник) проверял и уточнял обстоятельства обнаружения древности. Такой человек мог не обладать знаниями и навыками археолога и действовал по инструкции: осматривал место, собирал находки и сведения о них, допрашивал причастных к инциденту лиц, составлял опись предметов.

ИАК определяла судьбу полученных артефактов и монетных кладов, передавала их в научные общества, музеи, на переплавку или возвращала находчикам.

В 1880 г. крестьянин Самарской губернии Михай Антонов был награжден серебряной медалью «За усердие» за передачу найденного им черепа *Elasmotherium fisheries* в Музей Горного института. Череп был передан горному инженеру Кузнецову годом

ранее при посредничестве самарского губернатора А.Д. Свербеева. Эту же находку в 1881 г. для Геологического кабинета Санкт-Петербургского университета хотел получить профессор А.А. Иностранцев, но она уже была доставлена в Горный институт (Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 97. Д. 11. Л. 16–17).

В 1886 г. председатель ИАК А.А. Бобринский узнает из газет, что в окрестностях Черного Яра Астраханской губернии производились раскопки и найденные предметы поступают в Радищевский музей в Саратове. Об этом он пишет астраханскому губернатору Н.М. Цеймерну, отмечая, что Комиссия не давала на это разрешение. Губернатор дважды направляет запрос исправнику и получает ответ, что никаких археологических раскопок не было (Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 435. Л. 24, 26).

Летом 1914 г. полицейский урядник г. Царева отправил в Астраханское губернское правление части сустава лопатки древнего животного, выловленные крестьянином из Волги. Вице-губернатор Н.Н. Максимов направил ИАК фотографический снимок костей, а та передала его в Императорскую Академию наук (ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Т. 37. Д. 55834). В сентябре 1914 г. директор Зоологического музея Н.В. Насонов просит астраханского губернатора о присылке находки на безвозмездной основе. В декабре кости доставили в Петроград.

Важным этапом исследования памятников археологии в губерниях явилась постановка задачи по созданию археологической карты России.

В феврале 1820 г. попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий предписывает пензенскому директору училищ А. Данилевскому собрать сведения о городищах Пензенской губернии. Последний обратился за помощью к губернатору Ф.П. Лубяновскому, а тот поручает сбор данных уездным исправникам. Частый ответ — «городищ не имеется» (Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 783).

С момента образования Московского археологического общества (МАО) в 1864 г. начинается масштабная работа в этом направлении.

В 1873 г. Д.Я. Самоквасовым через Центральный статистический комитет была разослана анкета с вопросами о наличии в губерниях памятников старины. В Саратовский ГСК вопросник поступил в 1874 г. (Миронов, 1998: 148–149). За заполнение вопросных листов отвечали статистические комитеты, поручавшие сбор сведений уездным исправникам, волостным старшинам, в Астрахани действовали еще мировые посредники и атаман астраханского казачьего войска (ГААО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 211). В большинстве случаев встречается ответ, что памятников старины на территории волости или уезда «не имеется».

В рапортах, где есть информация о находках, курганах, городках и валах, иногда описываются и легенды о древностях, сохранившиеся в народе. В одной анкете из Симбирской губернии приводится рассказ крестьянина о кладе в виде «серого барашка», который снился двум женщинам и просил отыскать его в одном из курганов (Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 354. Л. 26 об.).

В 1880-х гг. свой вариант анкеты рассылает МАО. Астраханский губернатор Н.М. Цеймерн получил «Вопросные листы» в феврале 1886 г., остальные — в 1888 г.

В феврале 1889 г. МАО обращается в Петровское общество исследователей Астраханского края (создано в 1872 г.) с просьбой о регулярном предоставлении информации, обещая оказывать методическую помощь (Волков, 2009: 159–175). Члены Петровского общества время от времени будут консультировать губернское правление на предмет ценности находок (ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Т. 37. Д. 55600).

С 1880-х гг. в регионах, где не было университетов, центрами формирования исторических знаний становятся губернские ученые архивные комиссии (ГУАК). Одной из первых в регионе в 1886 г. открылась Саратовская ГУАК, в 1895 — Симбирская

ГУАК. На рубеже XIX–XX вв. они продолжают практику рассылки вопросных листов по губерниям (Первушкин, 2008: 128–131). Губернаторы активно способствовали комиссиям и были их непрерывными попечителями. В июне 1899 г. симбирский губернатор В.Н. Акинфов участвовал в раскопках вместе с председателем Симбирской ГУАК — В.Н. Поливановым (ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 19. Л. 13).

Не только светская власть помогала накапливать сведения о древностях. В 1888 г. МАО просит епископа Самарского и Ставропольского Преосвященного Серафима помочь при анкетировании (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 209). Вопросы публикуются в «Самарских Епархиальных ведомостях» (Епархиальные ведомости, 1888: 375–377), копии анкет заполняются приходскими священниками, а вместе с рапортами епископу в некоторых случаях присылают артефакты (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 209). Часть ответов в Самаре и Симбирске подготовлена приставами и исправниками для губернаторов (ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 46. Л. 38).

Созданием археологической карты в Симбирске практически с момента своего открытия в 1895 г. озаботилась Симбирская ГУАК (ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 439. Л. 8). В феврале 1896 г. она обратилась к земским начальникам, священникам и учителям сельских школ с анкетой, идентичной вопросным листам МАО 1888 г. Археологическая карта Симбирской губернии была опубликована В.Н. Поливановым в 1900 г. (Поливанов, 1900).

В своей деятельности Симбирская ГУАК была вполне самостоятельна: производила археологические раскопки, в том числе и в Самарской губернии, собирала древности для своего музея. В 1904 г. подарила часть предметов из Муранского могильника «естественно-историческому кабинету и археологическому музею» Сенгилеевского добровольного пожарного общества, создание которого одобрил симбирский губернатор (ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1442. Л. 1–8).

В 1901 г. открылась Пензенская губернская ученая архивная комиссия (ПУАК). Из-за отсутствия денежных средств

и специальной подготовки сотрудников собственных исследований по археологии она проводила мало. Единственные раскопки от ПУАК в 1903 г. производил священник А.И. Любимов, который вскрыл погребение в окрестностях Саранска и курган близ деревни Александровка при содействии старшины Саранской волости П.М. Рыкова (Первушкин, 2008: 133).

Все рапорты об обнаружении древностей регистрировались канцелярией губернатора и Комиссией. ПУАК принимала участие в организационных вопросах, собирала экспонаты для своего музея, издала три тома «Трудов», вместе с губернатором участвовала в переписке с ИАК.

Член ПУАК С.Н. Мартынов в апреле 1902 г. сообщает, что в Наровчатском уезде крестьянин нашел 50 серебряных слитков новгородского типа. Комиссией слитки отправлены губернатору, далее переданы в ИАК. Часть гривен была продана, другая поступила в Эрмитаж, Российский исторический музей и Пензенский музей. Крестьянину назначили вознаграждение в сумме 500 руб. (ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 9. Л. 26–28; Известия Императорской археологической комиссии, 1903: 51; Отчет Императорской археологической комиссии, 1904: 126, 168; Спицын, 1925: 12).

В 1908 г. два крестьянина села Салмы на частной земле нашли глиняный горшок с серебряными монетами (129 шт., первая половина XIX в.). Монеты через пензенского губернатора поступили в ИАК для определения ценности (ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 14., Л. 48–54, 56–57, 59, 61–64; Отчет Императорской археологической комиссии, 1912: 175, 205). Но владелица земли Н.Н. Мердер, узнав о находке, обращается в пензенский ГСК и требует вернуть клад в ее распоряжение. Все монеты, включая возвращенные из ИАК 10 экземпляров, ПУАК поручает саранскому уездному исправнику вернуть вдове (ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 14., Л. 62).

В феврале 1915 г. Саратовская ГУАК просит Пензенскую приостановить отправку клада серебряных монет в Петербург

и направить его для изучения в Саратов. Исполняющий должность губернатора, А.А. Евреинов, удовлетворяет просьбу. Описание более чем тысячи монет можно найти в труде А.А. Кротова «Никольский и Керенский клад джучидских монет» (ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 41. Л. 16–16 об.; Труды Саратовской ученой архивной комиссии, 1915: 134).

В Пензенской губернии на основе сведений из неопубликованных и опубликованных источников нами было выявлено минимум 148 свидетельств XIX – начала XX вв. о случайно найденных древностях. Для сравнения — в Самарской губернии зафиксировано приблизительно столько же свидетельств (минимум 142) за аналогичный период (Писарева, 2018: 160).

Самарский музей, созданный в 1886 г. П.В. Алабиным, формировал фонды за счет случайных находок. В Самаре в 1890-х гг. попытались создать «Общество любителей наук и искусств», которое по уставу планировало вести и археологическую деятельность. Однако министр народного просвещения И.Д. Делянов не поддержал эту инициативу (ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 47).

Организационное собрание Самарской ГУАК состоялось только в 1914 г. в квартире губернатора (Волжское слово, [19]14). Комиссия занималась главным образом перепиской с различными историческими обществами и пополнением библиотеки (ЦГАСО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 5).

Членами Самарской ГУАК в 1916 г. создано Самарское археологическое общество. Был заказан Открытый лист на производство раскопок в 1917 г., но предпринять планомерных исследований ни Комиссии, ни Обществу не удалось.

Археологические изыскания на территории Самаро-Симбирского Поволжья на рубеже веков проводились членами Саратовской, Симбирской ГУАК и изредка деятелями из столичных или университетских городов. В Самарской губернии зафиксировано минимум 27 выездов с целью сбора, описания и изучения памятников археологии (Писарева, 2017: 20).

На основании вышесказанного мы делаем следующие выводы:

1. Со второй половины XIX в. посредником между находчиками кладов и ведущими археологами выступал губернатор.
2. Масштабное выявление свидетельств о памятниках старины происходило во время всероссийских анкетирований 1870–1880-х гг., результаты и опыт которых в дальнейшем использовались местными научными учреждениями для создания археологических карт губерний.
3. Коммуникативные цепочки властных структур и научных организаций формировались эпизодически в случаях обнаружения кладов. Развитие науки в большинстве губерний сильно отставало от городов с университетской культурой, где во второй половине XIX в. сформировались научные традиции в области археологии.

Список литературы

Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 522 с.

Волжское слово. [19]14. 3 мая. № 1970.

Волков В.А. Археологическое картографирование в Нижнем Поволжье в досоветский период // Археологическое наследие Саратовского края. 2009. Вып. 9. С. 159–175.

Евгеньев А.А. История Оренбургской археологии. Т. 1: XVIII век – начало XX века. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 363 с.

Епархиальные ведомости. 1888. 1 июля. № 13. С. 375–377.

Захарова Е.Ю. История археологии Центрального Черноземья России (последняя четверть XVIII в. – 1970-е гг.): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Воронеж, 2015. 39 с.

Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 5. Приб. СПб., 1903. С. 51.

Миронов В.Г. У истоков саратовской археологии // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М.: ИА РАН, 1998. С. 147–153.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 г. СПб., 1904. 199 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г. СПб., 1912. 226 с.

Первушкин В.И. «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...»: История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий. Пенза: ПГПУ, 2008. 191 с.

Писарева О.К. Охрана археологических древностей в Самарской губернии в последней четверти XIX в. // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2017. № 1 (10). С. 16–22.

Писарева О.К. Случайные находки древностей на территории Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 155–162.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-лит. А.Т. Токарева, 1900. 71 с.

Спицын А.А. Древности Пензенской губернии // Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения. Вып. VII. Пенза: [б. и.], 1925. С. 12.

Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Тип. Союза печатного дела, 1915. С. 134.

INTERACTION OF POWER AND SOCIETY IN THE FIELD OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES IN THE MIDDLE AND LOWER VOLGA REGIONS UNTIL 1917

Olesya K. Sukhova

Postgraduate student,
Samara State Social and Pedagogical University,
Samara, Russia;
e-mail: Olespisareva@yandex.ru

The report presents the results of a study of the initial period of the institutionalization of archeology in the Middle and Lower Volga regions (Simbirsk (Ulyanovsk), Samara, Penza, Saratov, Astrakhan provinces) from the middle of the nineteenth century until 1917. We have identified and studied clerical and epistolary materials from the funds of the offices of governors, statistical committees, provincial scientists of archival commissions in the archives of Samara, Ulyanovsk, Penza, and Astrakhan. Examples of interaction between the authorities and society in matters of discovering treasures, conducting scientific research, creating museums, and the first attempts to create scientific societies are considered. It is described how, from provincial cities where there were no universities, the governors sent materials for their study to the Imperial Archaeological Commission in St. Petersburg. Each time the commission decided the further fate of the artifacts: they were sent for remelting, transferred to museums, and returned to the finders. In the 1870s–1880s, the metropolitan scientific societies organized large-scale searches for archaeological sites throughout the country with the help of questionnaires. Officials, teachers, and priests collected information in the regions, but did not always conscientiously fulfill their task. The first local history societies, museums and scientific archival commissions appeared; they were created in the provinces from 1870 to 1914. It is noted that until 1917 the communication links between power structures and scientific organizations were formed episodically in cases of discovery of treasures, and the development of science in most provinces lagged cities with university culture.

Keywords: history of archeology, Middle Volga region, Lower Volga region, 19th–20th centuries, governor.

УДК 930.2:001.32:908(470.13)«1922/1931»

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-327-335

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КОМИ КРАЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ В АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КОМИ. 1922–1931 ГГ.

Ксения Игоревна Чупрова

аспирант
Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»,
Сыктывкар, Россия
e-mail: kshelginskaya@mail.ru

Статья акцентирует внимание на проблеме становления советской государственной системы управления наукой в 1920-е гг. На примере деятельности Общества изучения Коми края, организованного в Автономной области Коми в 1922 г., рассматриваются проблемы взаимоотношения органов советской власти и науки. Хронологические рамки исследования обусловлены периодом деятельности Общества в 1922–1931 гг. Исследование основано на архивных источниках, сохранившихся в Национальном архиве Республики Коми. На основе анализа документов проанализированы цели и принципы функционирования Общества. Определены его ключевые задачи, поставленные перед Обществом органами власти области, которые были обусловлены государственными приоритетными направлениями в развитии экономики страны. Особое внимание уделено взаимоотношениям государственных органов и Общества по финансовому вопросу, который являлся одним из рычагов давления властных структур на деятельность организации. Рассматривается работа партийных работников в рамках Общества. Определено, что она являлась основным транслятором государственных задач, поставленных перед научным обществом. В статье также показан процесс ликвидации Общества,

в котором четко прослеживается участие органов власти: от отстранения членов Общества от редакторской деятельности в краеведческом журнале «Коми Му» до самороспуска организации в 1931 г.

Ключевые слова: Автономная область Коми, Общество изучения Коми Края, наука, власть, 1920-е гг.

После революционных событий 1917 г. в России начала создаваться новая система организации научной деятельности, формировалась новая модель взаимодействия науки и властных структур. Советским правительством научно-техническому знанию отводилась значительная роль в развитии социалистического государства и подъеме экономики страны. Наряду с сохранявшимися дореволюционными формами организации науки в стране в первые годы советской власти создавались новые научные учреждения, университеты, открывались научные издания. Однако применительно ко всей территории страны единого шаблона не было, в некоторых районах приходилось фактически организовывать научную работу «с нуля».

Сегодня проблема становления научной политики советского государства в 1920-е гг. является востребованной темой среди исследователей (Берлявский, 1996; Кривоносов, 2007), однако процессы строительства научной жизни в отдельных регионах страны в начальный советский период затрагивались мало.

В 1920-е гг. закладывались основы Советского государства в федеративной и административно-территориальной сферах, шел процесс образования автономных областей, республик, областей. 22 августа 1921 г. из восточных частей Архангельской и Северо-Двинской губерний РСФСР была образована Автономная область Коми (Зырян) (административный центр — г. Усть-Сысольск). К этому моменту обозначенная территория была малоисследованной, ее изучение проходило в рамках экспедиций научных учреждений страны (Академии наук, Русского географического общества, Геологического комитета и др.).

В 1921 г. в г. Усть-Сысольске прошел первый Всезырянский съезд Российской коммунистической партии, на котором был

поставлен вопрос «об отсутствии у властей достаточных сведений о территории Коми Автономии» (Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК НАРК). Ф 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). Одной из приоритетных задач, поставленных перед местными органами власти области, стала организация научных исследований.

В 1920-е гг. в стране произошел мощный подъем краеведческого движения, которое стало заметным явлением в культурной жизни СССР. Создавались кружки, общества, ячейки, которые развернули активную исследовательскую работу в регионах. Новое правительство способствовало развитию этого направления. Автономная область Коми не стала исключением.

В 1922 г. было образовано Общества изучения Коми края (ОИКК), которое стало первой организационной формой консолидации научной интеллигенции в Автономной области Коми. Деятельность этого Общества хорошо знакома исследователям, его деятельности посвящено немало работ. В работах ученых подробно освещены вехи его истории (Жеребцов, Мацук, 2002; Рощевская, 2012), изучены биографии видных членов Общества (Жеребцов, 2016). Данная работа предлагает обратиться к малоизученному аспекту, который практически не затрагивался в опубликованных работах, — к взаимодействию общества с государственными структурами. Исследовать эту проблематику позволяют документы фондов Коми областного исполнительного комитета, Областного комитета Коми РКП(б), Плановой комиссии Коми АО, Общества изучения Коми края, хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми.

Уставом Общества изучения Коми края провозглашались его задачи, принципы создания и его структура. Согласно документу ОИКК создавалось на добровольных началах. В его деятельности сочеталась научно-исследовательская и просветительская работа. Члены-учредители считали основными задачами Общества всестороннее изучение области, распространение этих знаний среди учащихся, выступления с научными докладами, печать

собственных работ. Согласно Уставу, Общество состояло из двух основных отделов: историко-этнографического и экономического (ГУ РК НАРК. Ф. 710. Оп. 1. Д. 63).

В правление ОИКК входили семь человек, первым председателем был избран историк А.Н. Грен. Интересен тот факт, что членами общества, наряду с научными деятелями, такими как лингвист А.С. Сидоров, педагог (?) А.Ф. Богданов, были ведущие политические фигуры Автономной области Коми. Среди них: секретарь Коми ОК РКП(б) Я.Ф. Потапов, сотрудник облстатбюро Н.А. Соснин, заведующий Зырянским отделом Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР Д.А. Батиев и др. Последний был одним из активных инициаторов создания Автономной области Коми. Мечтой Д.А. Батиева было превращение территории Коми в индустриально развитый регион. Он разрабатывал проект экономического развития региона, но через властные органы воплотить его в жизнь не удалось, и с 1922 г. Д.А. Батиев становится активным членом Общества изучения Коми Края, а с 1924 г. — его Председателем. С этого времени он начинает продвигать свои идеи экономического развития области через работу Общества, выступая с докладами и публикуя статьи. При его содействии в свет стал выходить краеведческий журнал «Коми Му».

Работа научного общества проходила под пристальным контролем органов власти. В 1925 г. на заседании ОИКК председатель Коми Облисполкома Е.М. Мишарин четко обозначил приоритетные задачи краеведческой работы в области: «Основной целью всей нашей работы, в том числе и краеведческой, является скорейшее поднятие хозяйственной жизни. <...> С этой целью нужно выяснить реальное наличие производительных сил края и на этой основе построить реальный, осуществимый план последовательных экономических мероприятий, которые повели бы к скорейшему подъему экономики края» (ГУ РК НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 34. Л. 25). Первоочередными обозначались экономические задачи, которые должны были превалировать

над проблемами изучения истории и культуры региона, считавшимися, по мнению властей, второстепенным.

Власти области ставили перед Обществом не только научные задачи. Организацию зачастую привлекали к мероприятиям, проводимым государством. Так, в 1926 г. члены Общества, по решению власти, приняли участие в процедуре переписи населения области. Кроме этого, ОИКК регулярно привлекалось и к агитационной работе (ГУ РК НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 35. Л. 3).

Главным рычагом давления на деятельность Общества со стороны власти стал вопрос финансов. Согласно Уставу в списке источников финансирования Общества под номером один значились субсидии правительственных и общественных учреждений (ГУ РК НАРК. Ф. 710. Оп. 1. Д. 63. Л. 2). Члены ОИКК часто обращались в Коми Облисполком с просьбой о выделении средств на те или иные нужды (покупка мебели, отправка представителей Общества в командировку, проведение экспедиций и краеведческих конференций, закупка музейных экспонатов и т. д.). (ГУ РК НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1904. Л. 38). Однако подавляющее большинство просьб получало отказ, что было связано с нехваткой средств в бюджете области. Исключением становились ассигнования на научные экспедиции и оборудование для них (ГУ РК НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 35. Л. 6), что было связано с необходимостью скорейшего изучения ресурсной базы Автономной области Коми и проведения краеведческих конференций (ГУ РК НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 39. Л. 84), которые были значимыми событиями общественной жизни региона. Члены ОИКК неоднократно подчеркивали нехватку средств для полноценной работы организации. Из выступления 1927 г. Председателя Общества Д.А. Батиева: «Средства, отпускаемые Обществу, ничтожны, а потребности его, если поставить работу так, как следует, наоборот, значительны». Такая ситуация стала причиной стремления Общества получить средства любыми способами, иногда обманывая государственные органы. Это становилось причиной

неоднократного обвинения Общества в нецелевом расходовании средств (ГУ РК НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2289), что обуславливало, в свою очередь, частые проверки деятельности организации со стороны Коми облизполкома (ГУ РК НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1891. Л. 179). Согласно протоколам проверок, финансовая отчетность в Обществе велась недолжным образом, отчеты о расходовании средств зачастую не предоставлялись, запросы представления отчета игнорировались, средства использовались не по назначению.

Недостаточность финансов для работы Общества изучения Коми края приводила к значительным трудностям и в подготовке журнала «Коми Му». Издание было главным печатным органом Общества в 1924–1929 гг. Статьи в журнале делились на два отдела: экономический и краеведческий. В первом отделе печатались статьи, посвященные развитию промышленности, кооперации, агрокультуры, лесной отрасли. Краеведческий отел был посвящен истории, культурному развитию, языку Коми народа. Запросам государственных органов, очевидно, отвечал первый отдел. Сами же члены Общества делали упор на историко-филологическое направление. Этот факт доказывает и тематика научных работ членов Общества, которые сохранились в фонде организации в Национальном архиве РК, а также содержание самого журнала «Коми Му». Видимо, такая ситуация не устраивала государственные органы. Со временем Коми Облизполкому, покрывавшему долги Общества, накопившиеся в процессе подготовки журнала, удалось полностью подчинить «Коми Му» себе. Члены Общества были исключены из редакционной коллегии журнала, на страницах издания начала публиковаться в основном общественно-политическая информация (ГУ РК НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 35. Л. 17). В 1928 г. на заседании ОИКК было принято решение о создании нового журнала — «Записки Общества изучения Коми края».

Эти события стали началом заката деятельности Общества. На рубеже 1920–1930-х гг. в развитии краеведения в СССР

наблюдается спад. Под предлогом борьбы с национализмом работа краеведческих организаций была отнесена к неактуальным и даже вредным научным направлениям. В 1930 г. журнал «Коми Му» был закрыт, в следующем году была приостановлена и деятельность издания «Записки ОИКК». В Постановлении Бюро ОК ВКП(б) от 3 августа 1931 г. «О записках Общества изучения Коми края» отмечалось: «Записки Общества изучения Коми Края исходили из совершенно чуждой пролетариату установки на пассивность и созерцание и являются открытой пропагандой мирного сожительства с кулачеством» (ГУ РК НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 39. Л. 95). Многие члены ОИКК были обвинены в контрреволюции и арестованы (Д.А. Батиев, А.С. Сидоров, А.А. Чеусов и др.). В таких условиях члены Общества приняли решение о роспуске организации.

Деятельность Общества изучения Коми края стала первым опытом взаимодействия научной интеллигенции и государственной власти в Автономной области Коми. На Общество были возложены значительные задачи по изучению территории области, которые в большинстве своем осуществлялись в рамках ограниченного государственного финансирования. Но у государственных органов и членов Общества был разный взгляд на задачи научной деятельности. В то время как государственные структуры стремились направить работу Общества на решение насущных хозяйственных проблем области, сами члены Общества тяготели к изучению прошлого Коми народа, его культуры и языка. Отсюда в их взаимодействии постоянно возникало недопонимание, что в конечном итоге привело к прекращению деятельности Общества изучения Коми Края. Но, тем не менее, опыт функционирования Общества стал подготовительной ступенью для формирования системы научных учреждений и дальнейшего оформления государственной системы управления наукой в регионе.

Список литературы

Берлявский Л.Г. Отечественная наука и политика в 1920-е – 1930-е гг. Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «Логос», 1996. 144 с.

Жеребцов И.Л., Мацук М.А. Общество изучения Коми Края: основные вехи истории (1922–2002). Сыктывкар, 2002. 27 с.

Жеребцов И.Л. Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми Автономии, «враг народа», почетный гражданин. К 95-летию Республики Коми. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 64 с.

Кривоносов Ю.И. Партия и наука в первые годы советской власти // Наука и техника в первые десятилетия советской власти: социокультурное измерение (1917–1940). М.: Academia, 2007. С. 13–32.

Рощевская Л.П. Установление контактов Коми Автономной области с Академией Наук СССР (1927–1930 гг.) (дата размещения: 2012). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naukarus.com/ustanovlenie-kontaktov-komi-avtonomnoy-oblasti-s-akademiej-nauk-sssr-1927-1930-gg> (дата обращения: 12.10.2022).

**THE ACTIVITIES OF THE SOCIETY
FOR THE STUDY OF KOMI TERRITORY
IN THE CONTEXT OF THE FORMATION
OF THE STATE SYSTEM OF SCIENCE
MANAGEMENT IN THE AUTONOMOUS
REGION OF KOMI. 1922–1931.**

Kseniya I. Chuprova

Postgraduate student,
Federal Research Centre “Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”,
Syktyvkar, Russia;
e-mail: kshelginskaya@mail.ru

The article presents the results of a study of the initial period of the institutionalization of archeology in the Middle and Lower Volga regions (Simbirsk (Ulyanovsk), Samara, Penza, Saratov, Astrakhan provinces) from the middle of the nineteenth century until 1917. We have identified and studied clerical and epistolary materials from the funds of the offices of governors, statistical committees, provincial scientists of archival commissions in the archives of Samara, Ulyanovsk, Penza, and Astrakhan. Examples of interaction between the authorities and society in matters of discovering treasures, conducting scientific research, creating museums, and the first attempts to create scientific societies are considered. It is described how, from provincial cities where there were no universities, the governors sent materials for their study to the Imperial Archaeological Commission in St. Petersburg. Each time the commission decided the further fate of the artifacts: they were sent for remelting, transferred to museums, and returned to the finders. In the 1870s–1880s, the metropolitan scientific societies organized large-scale searches for archaeological sites throughout the country with the help of questionnaires. Officials, teachers, and priests collected information in the regions, but did not always conscientiously fulfill their task. The first local history societies, museums and scientific archival commissions appeared; they were created in the provinces from 1870 to 1914. It is noted that until 1917 the communication links between power structures and scientific organizations were formed episodically in cases of discovery of treasures, and the development of science in most provinces lagged cities with university culture.

Keywords: Autonomous region of Komi, Society of Komi Krai study, science, power, 1920s.

УДК 910.4. 006.065.3«18»

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-336-348

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИЙ В ПРОДВИЖЕНИИ «НАУЧНОЙ ПРОДУКЦИИ» О.Б. ЛЕПЕШИНСКОЙ

Иван Владимирович Созинов

научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова Российской
академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: ivan-sozinov@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы институционализации лженаучных учений в советской биологии и роль неформальных институций в их продвижении. В качестве примера выбрана деятельность О.Б. Лепешинской и ее учение о живом веществе, которое в 1950 г. на совещании в Академии наук СССР было признано достоверным, а его противники подверглись гонениям. Выделяется пять основных этапов в продвижении учения Лепешинской: формирование (1919–1926), институционализация (1926–1936), маргинализация (1936–1940), признание (1943–1953) и маргинализация (1953–1963). В каждом из этих периодов действовали свои неформальные институции, сложившиеся вокруг Лепешинской: начиная со студенческого кружка в Московском университете и заканчивая группами научных работников, среди которых были А.И. Абрикосов, Б.И. Лаврентьев, Т.Д. Лысенко, Г.К. Хрущов, Н.Н. Жуков-Вережников и др.

На основании широкого круга проанализированных источников делается вывод, что феномен сложившихся вокруг Лепешинской неформальных институций позволял ей, в отличие от других персонажей из истории лженауки, которые для утверждения своих идей привлекали фигуры давно умерших И.В. Мичурина, И.П. Павлова, К.А. Тимирязева, не приходилось обращаться к подобным методам, и вся «научная продукция» была «завязана» исключительно на ее имя. Отмечается, что история с продвижением «научной продукции» О.Б. Лепешинской, продолжавшаяся не одно десятилетие, является уникальным примером в институционализации лженаучных учений в советской науке и интересным образцом взаимодействия с ней неформальных

научных институций, сложившихся вокруг Лепешинской и поддерживавших ее учение о живом веществе достаточно продолжительное время.

Ключевые слова: советская наука, лженаука, неформальные научные институции, О.Б. Лепешинская, живое вещество, новая клеточная теория.

«В 1950 г. было официальное признание моих работ.
Частично это произошло за счет того, что меня
поддержали сверху...»¹

Имя Ольги Борисовны Лепешинской (1871–1963), связанное с одной из самых сложных и трагичных страниц в истории советской науки, сегодня практически забыто и известно преимущественно историкам науки и небольшой группе биологов старшего поколения. Однако в начале 1950-х гг. имя Лепешинской в буквальном смысле гремело на всю страну: доктор биологических наук, профессор, академик Академии медицинских наук, Лауреат Сталинской премии — это неполный список научных регалий, имевшихся у нее к 80-летию. О.Б. Лепешинская была известна современникам, прежде всего, как активный деятель революционного движения и соратница В.И. Ленина, авторитет которой в кругах революционеров-большевиков был непререкаем. Это во многом обусловило тот факт, что вокруг Лепешинской сложился ряд неформальных институций, продвигавших ее «научную продукцию» в формальных научных институциях (термин «научная продукция» принадлежит самой Ольге Борисовне: его она использовала в своем письме в Комиссию партийного контроля, о котором мы еще будем говорить).

В ряде публикаций, посвященных О.Б. Лепешинской, авторы, как нам представляется, пытались приуменьшить размах, которого достигла ее «научная» деятельность, при этом Президент АМН СССР А.Н. Бакулев в официальном письме

¹ Из письма О.Б. Лепешинской секретарю ЦК КПСС Д.Т. Шепилову 10 июня 1957 г. (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 52. Л. 73)

К.Е. Ворошилову отмечал, что отдел развития живого вещества в Институте экспериментальной биологии в 1955 г. имел штат из 33 сотрудников (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 142. Л. 114), а в записке заместителя заведующего Отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС Н. Глаголева имеются сведения, что лаборатории отдела Лепешинской в ВИЭБе занимали 18 комнат, и даже имелась отдельная биологическая станция (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 52. Л. 76)!

Говоря о развитии и институционализации учения О.Б. Лепешинской о живом веществе и формировании вокруг него неформальных институций, мы выделим следующие этапы:

- 1) формирование (1919–1926);
- 2) институционализация (1926–1936);
- 3) маргинализация (1936–1940);
- 4) признание (1943–1953);
- 5) маргинализация (1953–1963).

Формирование

Путь в науку О.Б. Лепешинской начинается в декабре 1919 г., когда ее мужа — П.Н. Лепешинского назначили заместителем Народного Комиссара просвещения в Ташкенте. Там его супруга, по ее собственному признанию, «занялась организацией гистологического института и университета», где «преподавала гистологию на двух факультетах» (Лепешинская, 1957: 101). В это же время в Ташкенте работал отец Г.К. Хрущева, сыгравшего позднее одну из ключевых ролей в становлении Лепешинской. В настоящий момент у нас отсутствуют источники, подтверждающие их знакомство и общение в Ташкенте, однако, в своих воспоминаниях о работе в Московском университете она напишет: «никто (кроме Г.К. Хрущева) не протянул мне руки, никто не ответил на мое приветствие хотя бы даже простым кивком головы» (Лепешинская, 1929: 34).

Именно в Московском университете вокруг Лепешинской сложится первая неформальная институция — гистологический кружок материалистов, просуществовавший, по воспоминаниям Лепешинской, три года. Сначала он собирался в квартире Лепешинской, затем в клубе Общества старых большевиков, а в конце получил официальный статус и помещение в университете. Численность кружка достигала 30 чел. (Лепешинская, 1929: 38).

Институционализация

В 1926 г. О.Б. Лепешинская начинает работать в Биологическом институте им. К.А. Тимирязева, где происходит институционализация ее учения о живом веществе. Здесь она не ассистент, как это было в Московском университете, а заведующая цитологическим отделом (Государственный центральный музей современной истории России. Номер по КП (ГИК) (ГЦМСИР ГИК) 45133/31). Именно в это время в институтских брошюрах, научных и политических журналах Лепешинская публикует первые работы, посвященные живому веществу. В тот период, положительно о них отзывался директор Института Б.П. Токин, подготовивший в октябре 1933 г. комплиментарную рецензию на ее работы в Культпроп при ЦК ВКП(б). Отметим, что в конце рецензии Токиным называются основные сторонники Лепешинской — Абрикосов, Щеголев, Кренке (Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1588. Оп. 1. Д. 248. Л. 26).

Действительно, А.И. Абрикосов поддерживал Лепешинскую в разные периоды ее научного (псевдонаучного) творчества: в 1933 г. он положительно оценил работу «Происхождение клеток и кровяных островков из желточных шаров куриного эмбриона» (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 248. Л. 1), а позднее — «Оболочки животных клеток и их биологическое значение» (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 248. Л. 3), правда сделав оговорку, что «вопрос об оболочках клеток до сих пор остается спорным и работа О.Б. Лепешинской, хотя и имеет свое начало 20 лет тому назад, все же

сохраняет актуальное значение и в настоящее время» (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 248. Л. 5). Именно А.И. Абрикосов станет одним из тех, кто поддержал в 1935 г. присуждение Лепешинской степени доктора биологических наук без защиты диссертации (ГЦМСИР ГИК 45133/9). Много лет спустя, в сентябре 1950 г., Абрикосов будет в числе экспертов, приглашенных Комитетом по Сталинским премиям в области науки и изобретательства, для вынесения решения о присуждении Лепешинской Сталинской премии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Д. 22. Л. 135).

Еще один биолог, поддержавший решение о присвоении Лепешинской степени доктора биологических наук, — профессор Б.И. Лаврентьев (ВИЭМ), который отмечал, что «Ольга Борисовна Лепешинская <...> является высококвалифицированным исследователем <...> Под руководством О.Б. Лепешинской выросла целая школа гистологов, давших работы первоклассного значения...» (ГЦМСИР ГИК 45133/8). Позднее Лаврентьев будет подчеркивать: «...[приведенный Лепешинской материал] не дает по-моему ей никакого права декларировать ниспровержение Вирхивианского тезиса “всякая клетка из клетки”» (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 248. Л. 18); при этом он подчеркивал необходимость издания книги Лепешинской «Живое вещество и клетка», указывая, что, во-первых, материалы Лепешинской послужат толчком расследования вопросов дробления птичьего яйца и яйца севрюги, во-вторых, возбудит интерес биологов к вопросам о происхождении жизни, в-третьих, имеется желание Ольги Борисовны найти критиков своей работы (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 248. Л. 19-20).

11 ноября 1935 г. решением Высшей Аттестационной Комиссии О.Б. Лепешинской была присуждена ученая степень доктора биологических наук (без защиты диссертации) (ГЦМСИР ГИК 45133/18). Таким образом, мы видим, что к середине 1930-х гг. завершается институционализация учения О.Б. Лепешинской, выразившаяся в появлении первых монографических трудов и статей, учеников (соратников), а также, как результат, в присуждении Лепешинской звания доктора биологических наук.

Одновременно с тем мы видим возникновение вокруг Лепешинской неформального сообщества в лице, прежде всего, А.И. Абрикосова и Б.И. Лаврентьева, к авторитету которых она будет часто прибегать в своих выступлениях.

Маргинализация

Одновременно с описываемыми событиями, Лепешинская, будучи членом партии с 1898 г., играла значительную роль в принятии ряда административных решений, и Борис Петрович Токин в этот период становится одним из главных объектов критики с ее стороны: в конце 1934 г. на заседании парткома она обвинила его в «двурушнической политике (на словах одно, на деле другое, с партийцами одни речи, с беспартийными другие, сейчас говорит одно, завтра по этому же вопросу совершенно другое)» (ГЦМСИР ГИК 45133/7), после чего последовало заявление в Комиссию партийного контроля, в котором она просит назначить следственную комиссию и «сделать соответствующие выводы...» (ГЦМСИР ГИК 45133/7). Лепешинская жаловалась на занижение сметы для ее лаборатории, установление ей самого низкого оклада, дискредитацию ее научной продукции, а также говорила о «целом ряде мелких и крупных издевательствах», упоминая «трепку нервов» (ГЦМСИР ГИК 45133/7). Отметим, что Б.П. Токин в 1936 г. был назначен на должность ректора Томского университета, затем арестован и год провел в заключении, после чего был реабилитирован и продолжил работу в Томском университете. В 1945 г. Лепешинская продолжала критиковать Токина, на этот раз в письме в медицинскую секцию Комитета по Сталинским премиям, где отмечала, что знает Токина «как весьма легкомысленного и невыдержанного в методологическом отношении научного работника...» (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 81. Л. 120).

После расформирования в 1936 г. Биологического института им. К.А. Тимирязева Лепешинская возглавляет цитологическую лабораторию Всесоюзного института экспериментальной

медицины им. А.М. Горького (ВИЭМа), где продолжает развивать свое учение и активно критиковать оппонентов, число которых постепенно увеличивается. Наиболее ярким конфликтом этого периода, безусловно, стала дискуссия Лепешинской с ленинградскими учеными во главе с профессором Алексеем Алексеевичем Заварзиным, также пришедшим в ВИЭМ в 1936 г. Заварзин в этот период был, одним из главных критиков Лепешинской, который не боялся заявлять об этом открыто. В личном фонде О.Б. Лепешинской в Архиве РАН хранится письмо Заварзина в редакцию многотиражки «ВИЭМ», в котором он писал, что опубликованная в многотиражке статья Лепешинской насыщена аргументами, «во-первых, весьма дискуссионного свойства, а во-вторых, часто значительно устаревшими и много раз уже опровергнутыми новейшими исследованиями» (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 248. Л. 9). При этом Лепешинская высказывала заинтересованность в выступлении в Ленинграде у Заварзина.

Дискуссия Лепешинской и Заварзина продолжилась на страницах журнала «Архив биологических наук», врио редактора которого был упоминаемый уже Б.И. Лаврентьев. Именно там вышла статья А. Заварзина, Д. Насонова и Н. Хлопина «Об одном “направлении” в цитологии», где работы Лепешинской были подвергнуты критике: «Нам кажется, что все эти ученые действительно должны сознаться в одной большой вине, а именно: что своим попустительством способствовали тому, что О.Б. Лепешинская могла развить свою ненаучную деятельность столько времени, и не сумели направить ее энергию по руслу какой-нибудь другой действительно научной проблемы» (Архив, 1939: 95–96), — писали авторы.

В 1940 г. 69-летняя Лепешинская получает тяжелую травму — перелом шейки бедра, после чего три месяца она пролежала в больнице, а в скором времени началась война. Лепешинская уехала в эвакуацию на Южный Урал, ее лаборатория фактически прекратила существование (Сафонов, 1952: 374), а дискуссия с Заварзиным также практически угасла. В 1943 г. А.А. Заварзин был

избран академиком АН СССР, а в следующем году — академиком АМН, против чего активно выступала Лепешинская, рассылая письма с критикой Алексея Алексеевича; в 1945 г. А.А. Заварзин умер. Таким образом, период маргинализации Лепешинской был завершен с одной стороны фактическим разорением ее лаборатории в ВИЭМе, с другой стороны, 11 марта 1939 г. решением ВАК О.Б. Лепешинская была утверждена в ученом звании профессора по специальности «биология» (ГЦМСИР ГИК 45133/17). Признание учения о живом веществе только начиналось.

Признание

В 1943 г. Лепешинские возвращаются из эвакуации в Москву, где Ольга Борисовна начинает восстановление своей лаборатории и, прежде всего, подготовку к изданию монографии «Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме». Именно в это время формируется новый круг людей, который складывается вокруг Лепешинской и продвигает ее учение о живом веществе. Главные фигуры здесь — Трофим Денисович Лысенко, подготовивший предисловие к упомянутой монографии, отмечавший «большой вклад в теоретические основы <...> нашей советской биологии» учения Лепешинской, а также выражавший уверенность, что «научно-практическая значимость работы О.Б. Лепешинской будет с годами только возрастать» (Лепешинская, 1950: V), и Федор Николаевич Петров — руководитель издательства Академии наук СССР, где должна была выйти книга Ольги Борисовны (одновременно Петров был соседом Лепешинской в Доме Правительства на улице Серафимовича). А.Е. Гайсинович пишет о неудачной попытке Лепешинской в 1946 г. выдвинуть свою книгу на соискание Сталинской премии (Гайсинович, 1989), которую поддержал Ф.Н. Петров, подготовивший рецензию (ГЦМСИР ГИК 40713/2220). Также отметим, что Лепешинская в 1949 г. в одном из текстов писала, что ее поддерживают доктор философских наук В.М. Познер

и Т.Д. Лысенко» (АРАН. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 81. Л. 44) (В.М. Познер был хорошо знаком с Лепешинской и ее семьей, так как сразу после революции работал в Наркомпросе вместе с П.Н. Лепешинским).

В ряду упомянутых событий, мы считаем отметить еще одно, произошедшее в 1943 г. и, как мы полагаем, давшее определенный толчок к дальнейшему развитию событий по признанию живого вещества, — звонок И.В. Сталина. Лепешинская описывала это так: «И вот однажды вечером в моей затемненной квартире раздался телефонный звонок. Звонил Сталин. Я сразу узнала его дорогой всем нам, спокойный голос. Он говорил о рукописи моей книги, о важности изучаемой мною проблемы, ободрял, советовал продолжать работу» (Лепешинская, 1952: 94).

7 июня 1948 г. в газете «Медицинский работник» была опубликована статья «Об одной ненаучной концепции», где 13 ученых (Н.Г. Хлопин, Д.Н. Насонов, Б.П. Токин, Ю.И. Полянский, П.В. Макаров, Н.Л. Гербильский, В.А. Догель, П.Г. Светлов, З.С. Кацнельсон, В.Я. Александров, Ш.Д. Галустян, А.Г. Кнорре, В.П. Михайлов) выступили с критикой ее книги. В.Н. Сойфер называет результатом этой публикации — увольнение Лепешинской и ВИЭМа и переход в 1949 г. в Институт экспериментальной биологии (Сойфер, 1998: 63). Сама же Лепешинская не придавала «письму 13» — так традиционно называют рецензию на ее книгу в «Медицинском работнике», большого значения. Отметим, что текст 13 биологов был помещен в газете за два с небольшим месяца до печально известной сессии ВАСХНИЛ, которая, естественно, поменяла расклад в пользу Лепешинской.

22–24 мая 1950 г. в Москве в Отделении биологических наук Академии наук СССР проходило Совещание по проблеме живого вещества и развития клеток, в рамках которого состоялось пять заседаний, в которых приняли участие около 130–140 чел. и выступили 28 ученых-биологов, признавших правильность выводов Лепешинской (Совещание, 1951: 177). Наиболее яркими учеными, особенно активно поддерживающими Лепешинскую

в этот период и на Совещании в частности, помимо уже упомянутого Лысенко, стали Г.К. Хрущов и Н.Н. Жуков-Вережников.

24 августа 1950 г. на имя И.В. Сталина было направлено письмо, подписанное президентом АН СССР С.И. Вавиловым, в котором сообщались результаты майского совещания и отмечалось, что до его начала с работой лаборатории О.Б. Лепешинской ознакомилась специальная комиссия, в которую входили А.И. Опарин, Г.К. Хрущов, Н.Н. Жуков-Вережников, С.Е. Северин, И.Е. Глущенко, О.П. Лепешинская и М.Ф. Женихова (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Д. 22. Л. 144); также Вавиловым было оглашено решение Президиума АН СССР, который «констатировал, что работы профессора О.Б. Лепешинской и ее сотрудников являются крупным открытием в биологии» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Д. 22. Л. 148).

9 сентября на имя Сталина последовало резюмирующее письмо М.А. Суслова (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Д. 22. Л. 134–135) о поддержке присуждения Сталинской премии Лепешинской отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в котором Суслов называет имена основных ученых, привлекавшихся к обсуждению работ Лепешинской, — Опарин, Абрикосов, Сперанский, Лысенко, Северин. 15 сентября на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) принято решение о присуждении О.Б. Лепешинской Сталинской премии 1 степени (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Д. 22. Л. 132) (Постановление Совмина вышло 15 октября), а в скором времени О.Б. Лепешинская была избрана академиком Академии медицинских наук СССР.

Таким образом, выделенный нами период признания характеризуется появлением новых членов неформальной институции, сложившейся вокруг Лепешинской и продвигавшей ее идеи, — это Т.Д. Лысенко, Г.К. Хрущов, Н.Н. Жуков-Вережников, Ф.Н. Петров, В.М. Познер, И.Н. Майский; также отметим поддержку Лепешинской в этот период И.В. Сталиным. Именно в это время, подобно птице Феникс, возродилось учение Ольги Борисовны, угасшее было вследствие ее тяжелой травмы и фактической ликвидации ее лаборатории после начала Великой Отечественной войны, а враги Лепешинской, писавшие против нее

письма в 1939 и 1948 гг., либо были повержены, либо умерли. Триумф Ольги Борисовны, которой на момент присуждения Сталинской премии было 79 лет, продолжался до смерти Сталина в 1953 г., после чего вновь начинается этап маргинализации.

Маргинализация

В 1955 г. в научном журнале «Успехи современной биологии» выходит статья Л.Н. Жинкина и В.П. Михайлова, в которой разбирались работы Лепешинской и ее последователей. Авторы отмечали, что широко пропагандируемая теория «фактически не обоснована и ни в какой мере не является передовой» (Гайсинович, 1989: 100). В это же время в Президиум ЦК КПСС было направлено знаменитое «письмо трехсот» против с критикой состояния биологии в СССР (11 октября 1955 г.). О.Б. Лепешинская, в отличие от того же Лысенко, находилась в более привилегированном положении как один из старейших членов партии, имевший определенный иммунитет к прямой критике и прямой выход на руководство страны, которым Ольга Борисовна регулярно пользовалась.

Надо отметить, что разоблачение «новой клеточной теории» — именно так звучало название учения Лепешинской о живом веществе в 1950-е гг. — не состоялось, во-первых, по причине солидного возраста Ольги Борисовны, во-вторых, из-за ее солидного партстажа и факта дружбы с В.И. Лениным, в-третьих, при рассмотрении вопроса о новой клеточной теории непременно всплыли бы материалы Совещания 1950 г., где в поддержку Лепешинской выступили биологи, критиковавшие ее в конце 1950-х гг., и дискуссия перешла бы в политическую плоскость, что было в тот момент невозможно. В очередном письме на имя Н.С. Хрущева, дочь Ольги Борисовны писала: «...они сами несколько лет тому назад столь же беспринципно перевозносили работы Лепешинской, насколько беспринципно сейчас охаивают» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 52. Л. 59). Поэтому «новая

клеточная теория» Лепешинской постепенно ушла в забвение вместе со своим автором, которая скончалась в 1963 г. в солидном возрасте 92 лет.

Заключение

Таким образом, история с продвижением «научной продукции» Ольги Борисовны Лепешинской, продолжавшаяся не одно десятилетие, является уникальным примером в институционализации лженаучных учений в советской науке и интересным образцом взаимодействия с ней неформальных научных институций, сложившихся вокруг Лепешинской и поддерживавших ее учение о живом веществе достаточно продолжительное время. Феномен этих неформальных институций заключается в том, что Лепешинской, в отличие от других персонажей из истории лженауки, которые для утверждения своих идей привлекали фигуры давно умерших И.В. Мичурина, И.П. Павлова, К.А. Тимирязева, не приходилось обращаться к подобным методам и вся «научная продукция» была «завязана» исключительно на ее имя.

Список литературы

- Архив Биологических наук. 1939. Т. 56. Вып. 1. С. 84–96.
- Гайсинович А.Е., Музрукова Е.Б. «Отрыжка» клеточной теории // Природа. 1989. № 11. С. 92–101.
- Лепешинская О.Б. Во вражеском стане. Страничка из воспоминаний о работе в 1 МГУ // Красное студенчество. 1928–1929. № 3–4. С. 34–38.
- Лепешинская О.Б. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. М.:Изд-во АМН СССР, 1950. 304 с.
- Лепешинская О.Б. У истоков жизни. М.; Л.: Детгиз, 1952. 96 с.
- Лепешинская О.Б. Мои воспоминания. Абакан: Хаккнигоиздат, 1957. 102 с.
- Сафонов В. Первооткрыватели. М.: Молодая гвардия, 1952. 383 с.
- Совещание по проблеме живого вещества и развития клеток. 22–24 мая 1950 г. Стенографический отчет. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 180 с.
- Сойфер В.Н. Красная биология. Псевдонаука в СССР / 2-е изд., перераб. и доп.. М.: Флинта, 1998. 264 с.

THE ROLE OF INFORMAL INSTITUTIONS IN THE PROMOTION OF O.B. LEPESHINSKAYA'S "SCIENTIFIC PRODUCTS"

Ivan V. Sozinov

Researcher,

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia;

e-mail: ivan-sozinov@mail.ru

The paper is devoted to the institutionalisation of pseudoscientific theories in Soviet biology and the role of informal institutions in promoting these theories, as exemplified by O.B. Lepeshinskaya's activities and her doctrine of living matter. This doctrine was deemed valid at a meeting in the USSR Academy of Sciences in 1950 and her opponents were persecuted. We have identified five main stages in the promotion of Lepeshinskaya's doctrine: formation (1919–1926), institutionalisation (1926–1936), marginalisation (1936–1940), recognition (1943–1953), and marginalisation (1953–1963). In each of these periods, there were informal institutions that developed around Lepeshinskaya, beginning with a student circle at Moscow University and ending with the groups of researchers including A.I. Abrikosov, B.I. Lavrentiev, T.D. Lysenko, G.K. Khrushchov, N.N. Zhukov-Verezhnikov, and others.

It is concluded on the basis of a wide range of sources that the phenomenon of informal institutions that have developed around her allowed Lepeshinskaya (unlike other actors in the history of pseudoscience who referred to the figures of the long-dead I.V. Michurin, I.P. Pavlov, and K.A. Timiryazev to assert their ideas) to do without resorting to such methods and her 'scientific production' as she called it herself was tied to her name only. The story of the promotion of Lepeshinskaya's 'scientific production' that continued for several decades is a unique case of institutionalisation of pseudoscientific doctrines in Soviet science and an interesting example of her interaction with informal scientific institutions that have developed around Lepeshinskaya and supported her doctrine of living matter for a long time.

Keywords: Soviet science, pseudoscience, informal scientific institutions, O.B. Lepeshinskaya, living matter, new cellular theory.

УДК 930.85

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-349-358

ТРИЗ И ИНСТИТУТЫ: ШКОЛА АЛЬТШУЛЛЕРА**Елена Вивич**

аспирант

Школы культурологии Национального
исследовательского университета «Высшая
школа экономики»,

стажер-исследователь

Института гуманитарных историко-
теоретических исследований

им. А.В. Полетаева,

Москва, Россия;

e-mail: evivich@hse.ru

Теория решения изобретательских задач (ТРИЗ) авторства Г.С. Альтшуллера была широко известна в инженерной среде в 1980–1990-х гг. С 1960 и вплоть до 1990 г. вокруг нее формировались профессиональные сообщества, открывались школы, проводились семинары. Статья содержит результаты историографического и концептуального анализа развития ТРИЗ в 1950–2000-е гг. Акцент сделан на взаимоотношении сообществ ТРИЗ и существующих институтов. Поставлен вопрос о том, почему ТРИЗ так и не институционализировалась ни в советский, ни в постсоветский периоды. Рассматриваются также способы организации сообщества ТРИЗ и ее собственные институциональные формы. Исследование проведено на корпусе разнообразных источников 1950–2020-х гг., среди которых как публикации Альтшуллера и его учеников по ТРИЗ, видеоматериалы, журнальные заметки и проч., так и сторонние источники, отражающие научно-техническую политику СССР: книги, брошюры, результаты конференций и проч.

Ключевые слова: ТРИЗ, теория решения изобретательских задач, СССР, научно-техническая политика, изобретательство.

Теория решения изобретательских задач — это теория советского инженера Г.С. Альтшуллера о развитии технических систем и изобретательстве, которая была весьма популярна в кругах научно-технических работников в советское время. Практические методы, основанные на ТРИЗ, широко использовали в работе,

но в ней было и философско-теоретическое ядро. Хотя научно-технические работники составляли заметную часть населения СССР, их культура и интеллектуальные тренды в их среде остаются исследованы крайне мало. ТРИЗ во многом отразила мировоззренческие ориентиры советского инженера, и ее исследование может дать новый взгляд на советское общество.

Первые наработки по ТРИЗ появились примерно в 1946–1949 гг., первая публикация датируется 1956 г.: это статья «О психологии изобретательского творчества», написанная Альтшуллером в соавторстве с Рафаэлем Шапиро (Альтшуллер, Шапиро, 1956; Souchkov, 2008: 1). Статья содержит критику существующих психологических подходов к изобретательскому творчеству, основанных на трактовке творчества через понятия «озарения», «просветления», «догадки». По мнению авторов, такой подход сводит творческий процесс к перебору вариантов, поиску решения «путем проб и ошибок» (Альтшуллер, Шапиро, 1956). Поскольку изобретатель имеет дело с «с изменением техники, развивающейся по определенным законам», пишут они, исследовать психологию изобретательского творчества можно только «при глубоком знании основных закономерностей развития техники» (Альтшуллер, Шапиро, 1956). Таким образом, авторы переносят внимание с психологии изобретателя на «объективные законы развития» технических систем. Об этих законах они судят по масштабному анализу патентной информации, а также основываясь на представлении о диалектической природе любого развития вообще. Свой подход они считают научным и подразумевают, что изучение закономерностей развития техники позволит заниматься изобретательством массово, обучать изобретательству, стандартизировать его (Альтшуллер, Шапиро, 1956).

Описанные в первой статье Альтшуллера и Шапиро идеи лягут позже в основу ТРИЗ. В 1961 г. Альтшуллер собирает наработки в «алгоритм решения изобретательских задач» — АРИЗ (Souchkov, 2008: 2). Он издает несколько книг об изобретательском творчестве, устраивает семинары, на которых обучает

желающих изобретательству. В 1969 г. в Азербайджане открывается первый центр изучения ТРИЗ АзОИИТ (Азербайджанский общественный институт изобретательского творчества) (Souchkov, 2008; Петров, 2008). В 1970-х гг. к семинарам Альтшуллера присоединяется первое «поколение» его учеников: среди них Борис Злотин, Семен Литвин, Вадим Канер, Владимир Герасимов (Митрофанов, 1995: 7–8). В это же время появляется аббревиатура ТРИЗ: теория решения изобретательских задач, по сути, представляет собой расширенное обоснование метода АРИЗ (Альтшуллер, 1961: 43; 1979: 14). Обоснование включает в себя теорию развития (или «эволюции») технических систем, которая может считаться фундаментальной частью ТРИЗ (Альтшуллер, 1979: 15). Основная идея Альтшуллера заключалась в том, чтобы создать универсальные методы решения изобретательских задач, которые могли бы сделать изобретательство массовым и способствовать ускорению научно-технического прогресса (Альтшуллер, 1961: 10–11). Им также разрабатывалась теория развития творческой личности (ТРТЛ), известная в инженерных кругах. Специалисты по ТРИЗ подчеркивают, что ТРИЗ дорабатывается коллективно, многие ученики и слушатели вносят свой вклад в развитие теории (Кудрявцев, 2021; Рантален, 1995: 18). Открываются школы ТРИЗ в разных городах СССР, к 1979 г. их существует уже около ста (Альтшуллер, 1979: 16). В конце концов ТРИЗ становится достаточно широко известна в кругах инженеров.

В статье хотелось бы сосредоточить внимание на том, как ТРИЗ взаимодействовала с существующими институтами и поставить вопрос о том, почему же она все-таки не институционализировалась — ни в основной период развития в 1970–1980-х гг., ни после распада СССР. Работа основана на результатах двухэтапного исследования. На первом этапе был проведен историографический анализ развития ТРИЗ, в ходе которого ее содержание сопоставлялось с изменениями научно-технической политики СССР. Были рассмотрены источники, посвященные

проблеме изобретательства и технического прогресса книги, сборники тезисов конференций, монографии и статьи, в которых нашел отражение публичный дискурс о научно-техническом прогрессе и изобретательстве того времени, публикации Альтшуллера, шесть выпусков «Журнала ТРИЗ» 1990-х гг., публичные интервью с учениками Альтшуллера, видео-лекции учеников Альтшуллера, материалы публичных сайтов по ТРИЗ. Второй этап исследования был посвящен непосредственно анализу идейной основы ТРИЗ здесь рассматриваться не будет.

В советское время мероприятия по ТРИЗ в основном спонсируются обществом «Знание» и Всероссийским обществом изобретателей и рационализаторов (ВОИР), но большую часть работы по популяризации совершают энтузиасты. Альтшуллер сам вкладывает много сил в то, чтобы увеличить охват семинаров и открыть «филиалы» в союзных республиках. Хотя ТРИЗ действительно становится широко известна, упоминания о ней в научных и официальных изданиях практически не встречаются. ТРИЗ появляется на университетских кафедрах в качестве спецкурса только в 1980-х гг., но уже в 1990-х оттуда пропадает. Авторы докладов в сборниках конференций по вопросам изобретательства и научно-технического прогресса обходят вниманием ТРИЗ. Скажем, в сборнике «Пути повышения эффективности научного, инженерного и управленческого труда в условиях интенсификации производства» (1986), как минимум, три доклада посвящены новому на тот момент методу функционально-стоимостного анализа (ФСА), который был успешно интегрирован в ТРИЗ в 1985 г. (Souchkov, 2008: 4), но лишь один раз, в списке различных методов творческого поиска, упомянут АРИЗ (Лашенко, Голибардов, 1986: 19).

В 1980-х гг. содержание ТРИЗ не меняется вслед за изменениями научно-технической политики, из-за чего происходит «кризис». Разворачивается конфликт между Альтшуллером и более прогрессивно настроенными учениками, которые возмущаются, что у них нет возможности печатать и распространять

собственные версии ТРИЗ (Злотин, Зусман, 1992: 41; Злотин, 2021). В 1989 г. ученики, сговорившись, решают действовать по-своему и осуществляют первые попытки вывести ТРИЗ на международный рынок, обычно в виде собственных версий (Злотин, Зусман, 1992: 41). Это приводит, с одной стороны, к широкому распространению ТРИЗ и многочисленным достижениям: ТРИЗ используют крупные промышленные компании, процветает бизнес учеников Альтшуллера, по всему миру открываются академические программы по ТРИЗ, Ассоциации ТРИЗ и проч. (Souchkov, 2016: 3–4). С другой стороны, многие отмечают, что для того, чтобы встроиться в рыночную экономику, приходится отказаться от философской составляющей ТРИЗ и превратить ее в такой инструмент, использованию которого можно научиться за пару дней (Souchkov, 2016: 3–4; Меерович, 1992: 70–72). В основном на рынок выходят «усеченные» версии: продают отдельные приемы, консалтинговые услуги. Именно поэтому больше всего преуспевает программное обеспечение на основе ТРИЗ, для использования которого не нужно особо погружаться в теорию, а также консалтинговые компании, сотрудники которых берут заказы на изобретения и выполняют работу сами, не обучая заказчика методу (Souchkov, 2016). Экзистенциальные ответы, привлекавшие советских инженеров, оказываются невостребованными. Лишаясь философской составляющей, ТРИЗ превращается в один из многих похожих инструментов развития «креативности» на рынке. Академические программы привлекают только тех людей, которые «находятся на самой-самой вершине пирамиды Маслоу, — то есть тех, кто заинтересован в самоактуализации, в самореализации, у кого есть амбиции создать что-то для этого мира». Это «ничтожная доля процента» от всех инженеров, говорит Сушков (Сушков, 2020). В конце концов продвижение ТРИЗ в университетах замедляется, потому что научность ТРИЗ — «спорная точка зрения» из-за лежащих в ее основе эвристического метода и диалектики (Сушков, 2020). В статье 2016 г. Сушков также пишет, что ТРИЗ

западноевропейской наукой не признается (Souchkov, 2016: 14). В результате к 2010 г. популярность ТРИЗ оставляет желать лучшего, и ряд тризовцев с сожалением говорят о неудовлетворительных результатах популяризации ТРИЗ на Западе (Абрамов, 2016: 232; Souchkov, 2016: 3).

Историографический анализ ТРИЗ заставляет предположить, что причина этого, по-видимому, в неактуальности заложенных в ядро ТРИЗ представлений о мире и роли инженера в нем. Смысловое ядро ТРИЗ было полностью сформировано контекстом научно-технической политики СССР 1950–1960-х гг., благодаря чему отдельные понятия и представления имели смысл только в соответствующем контексте. Понимание «изобретения» как «инновации», а «развития творческой личности» как «развития предпринимательской/дизайнерской креативности» в 1990–2000-е гг. не сделало ТРИЗ современной теорией, поскольку понятия «изобретение», «творчество» и т. д. получали смысл в связи с целостной картиной мира, разложенной в ТРИЗ и в 1990-е гг. ставшей неактуальной. Это была картина мира, подразумевающая контекст плановой экономики, отсутствие индивидуальных экономических агентов, подразумевающая коллективизм и т.д.

Начало формирования научно-технической политики времен Холодной войны связывают с принятым 28 мая 1955 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР и Пленумом ЦК 4–12 июля того же года (Бодрова, Калинов, 2017: 72). С 1959 по 1970 г. научно-техническая политика СССР определяется решениями XXII и XXIII съездов КПСС (Смирнов, 1976: 19). Судя по имеющимся источникам, к середине 1950-х – началу 1960-х гг. научно-техническая политика формулирует следующие задачи: 1) сделать изобретательство массовым; 2) публиковать больше материалов об изобретательстве; 3) стимулировать изучение патентных фондов и самообразование у инженеров; 4) преодолеть массовое отклонение заявок патентными бюро и улучшить внедрение изобретений. К концу 1960-х появляются следующие формулировки: 1) внедрить в работу инженеров «новые,

научные» методы; 2) организовать коллективную работу инженеров; 3) найти способы систематизировать и анализировать большие объемы патентной и научной информации; 3) «творчески» использовать научную и патентную информацию; 4) рационализировать и стандартизировать творческий процесс. В 1970 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают постановление «О повышении роли стандартов в улучшении качества продукции. Некоторые авторы пишут об обязательной стандартизации и «сциентификации» инженерных методов. Все эти меры должны вызвать, как обычно писали, «ускорение прогресса».

В ряде источников упоминается противоречие между планированием изобретательского творчества и внедрением изобретений, которое сохраняется вплоть до 1990-х гг. Несмотря на положительные результаты кампании по массовизации изобретательства, сложный административный аппарат задерживает внедрение изобретений. На протяжении всего периода времени в ответ на это предлагается улучшить государственное планирование. Успешность планирования контролируется через административные органы, поэтому улучшение планирования подразумевает создание новых административных органов, из-за чего возникает замкнутый круг. Противоречие планирования и внедрения в публичном дискурсе, тем не менее, оказывается представлено как абстрактная задача установления правильной взаимосвязи между действиями инженера и ходом прогресса: для этого инженеров нужно обучать, организовывать их коллективную работу, систематизировать имеющуюся научную и патентную информацию и т. д. Решение противоречия означало бы получение системы «управления научно-техническим прогрессом».

ТРИЗ является ответом на все поставленные задачи научно-технической политики, а ее задумка является своего рода решением противоречия планирования и внедрения: если инженеры будут знать направление технического прогресса, исходя из данных, заложенных в технических объектах самих по себе,

административный аппарат им больше не будет нужен для планирования изобретательского творчества. Понятие «изобретательская задача» как таковое было произведением научно-технической и идеологической политики своего времени. Решение задачи из инженерного «темника» в 1960-х гг. диктовалось только ее формулировкой, которая, как подразумевалось, была изначально составлена исходя из глобальных потребностей советского общества. Условия конкуренции, состояние рынка, целевая аудитория и размеры прибыли не играли никакой роли: советское понятие «изобретение» в корне отличалось от капиталистической «инновации». Инженер имел дело лишь с техническим объектом самим по себе и ни с какими более широкомасштабными системами. Превращение «изобретения» в «инновацию» требовало отказа от большей части специфической семантики этого понятия и превращения его в «продукт», параметр социально-экономических отношений. Романтические представления Альтшуллера о профессии изобретателя в некотором смысле помогали инженеру найти экзистенциальный смысл в своей работе: они сочетались с повседневной практикой, социально-экономическими обстоятельствами, публичным научно-техническим дискурсом и объясняли многие вещи. Тем не менее, с распадом СССР условия работы инженеров изменились и ТРИЗ не смогла как следует встроиться в новую реальность.

Список литературы

Souchkov V.A Brief History of TRIZ. 2008. Available at: <http://xtriz.com/BriefHistoryOfTRIZ.pdf> (date accessed: 12.09.2022).

Souchkov V. TRIZ in the World: History, Current Status, and Issues of Concern // 8th International Conference “TRIZ: Application Practices and Development Issues”. 2016. Available at: <http://www.xtriz.com/publications/ValeriSouchkov-TRIZ-in-the-World.pdf> (date accessed: 12.09.2022).

Абрамов О.Ю. Тревожный звонок: ТРИЗ теряет популярность // Сборник научно-исследовательских трудов. Библиотека Саммита разработчиков ТРИЗ. Вып/ 8. СПб.: ТРИЗ Саммит, 2016. С. 232–248.

Альтшуллер Г.С. Как научиться изобретать. Тамбов: Тамбовское книжное изд-во, 1961. 128 с.

Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. Теория решения изобретательских задач: Кибернетика. М.: Сов. радио, 1979. 103 с.

Альтшуллер Г.С., Шапиро Р.Б. О психологии изобретательского творчества // Вопросы психологии. 1956. № 6. С. 37–49.

Злотин Б.Л. Презентация Формулятора ТРИЗ // siberai. 2021. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=e3ghR7ILVmQ> (дата обращения: 12.09.2022).

Злотин Б.Л., Зусман А.В. Проблемы развития АРИЗ // Журнал ТРИЗ. Международная ассоциация ТРИЗ. 1992. Т. 3. № 1. С. 41–50.

Злотин Б.Л., Зусман А.В. Эволюция нелинейных систем. 2010. 90 с.

Кудрявцев А. «Секта, шарлатанство и 40 приемов». Разоблачаем ТРИЗ. Мастер ТРИЗ Александр Кудрявцев // Trizofication, 2021. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fFyc6JEtPqI&t=1021s> (дата обращения: 12.09.2022).

Лашенко Г.И., Голибардов Е.И. ФСА — творческая система повышения эффективности инженерного труда // Республиканская научно-техническая конференция «Пути повышения эффективности научного, инженерного и управленческого труда в условиях интенсификации производства». Вып. 3: Повышение творческой активности научных и инженерно-технических работников. Киев: [б.и.], 1986. С. 19–20.

Митрофанов В.В. К истории Ленинградского народного университета научно-технического творчества // Журнал ТРИЗ. Санкт-Петербургская школа ТРИЗ. 1995. Т. 1. № 10. С. 6–9.

Петров В. История развития ТРИЗ. 2008. Режим доступа: <https://triz-summit.ru/triz/history/history-2016/> (дата обращения: 12.09.2022)

Рантален К. ТРИЗ, Санкт-Петербург и Финляндия // Журнал ТРИЗ. Санкт-Петербургская школа ТРИЗ. 1995. Т. 1. № 10. С. 7–19.

Смирнов П.В. Научно-техническая политика Советского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1976. 74 с.

Сушков В. Куда идет ТРИЗ? // Trizofication. 2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vLpgLkx57ts> (дата обращения: 12.09.2022).

TRIZ AND INSTITUTES: ALTSHULLER'S SCHOOL

Elena Vivich

Postgraduate student,
School of Philosophy and Culturology,
National Research University "Higher School of Economics",
Research assistant,
Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: evivich@hse.ru

The theory of inventive problem solving (TRIZ) by G.S. Altshuller was widely known in the Soviet engineering community in the 1980s–1990s. From 1960 until 1990, TRIZ specialists conducted seminars all around the country, there was a spread of professional communities and schools for learning TRIZ. The report contains the results of a historiographical and conceptual analysis of the development of TRIZ in the 1950s–2000s. The focus is on the relationship between TRIZ communities and existing institutions. In the report we put the question why TRIZ was never institutionalized, neither in the Soviet nor in the post-Soviet periods. The organization of the TRIZ community and its own institutional forms are also considered. The study was carried out on a corpus of various sources of the 1950s–2020s, including both publications by Altshuller and his students on TRIZ, video materials, journal notes, etc., and third-party sources reflecting the scientific and technological policy of the USSR: books, brochures, conference papers, etc. Our research demonstrated that the theoretical core of TRIZ was formed as a response on basic problems formulated by science and technology policy of USSR. This background as well as specific socio-economic conditions of USSR influenced the understanding of TRIZ. When these conditions disappeared, TRIZ had to get rid of the most important part of its philosophical core. As a result, it became one of the less popular instruments of creativity on the Western market, and could not be institutionalized in Western academy.

Keywords: TRIZ, theory of inventive problem solving, USSR, science and technology policy, invention.

УДК 316.74+316.46

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-359-370

РОЛЬ НАСТАВНИЧЕСТВА В АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Евгений Валерьевич Шухно

научный сотрудник
Института социологии Национальной
академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: eshuhno@mail.ru

В статье рассматривается роль института научного наставничества в адаптации молодых ученых к научному коллективу и их интеграции в систему горизонтальной и вертикальной коммуникации научной организации. Репрезентируется проблематика изучения научного наставничества в современном исследовательском поле социологии науки и науковедения. На основании результатов социологических исследований, проведенных в Национальной академии наук Беларуси методами анкетного опроса и экспертного интервью, представлено функционирование отдельных аспектов института наставничества в современной академической науке Республики Беларусь. Отмечается необходимость дальнейшего целенаправленного изучения института научного наставничества на современном этапе развития науки.

Ключевые слова: наставничество, наука, научные кадры, научный работник, научное руководство, аспирантура, докторантура, науковедение, социология науки.

Наставничество получило широкое распространение во всех отраслях народного хозяйства бывшего Советского Союза, став важным фактором адаптации, интеграции и закрепления кадров (прежде всего молодежи) в организациях и на предприятиях, инструментом трансляции профессионального опыта. Распад СССР, изменение социально-экономических, политических и культурных условий, трансформационные процессы,

охватившие белорусское общество, обусловили значительное снижение распространения, развития и эффективности наставничества в различных отраслях деятельности, в том числе в науке. Проблематика наставничества как социального феномена, его возрождение, выявление форм наставничества в современном обществе и различных его сферах являются актуальной исследовательской и практической задачей, что подтверждается корпусом литературы, вышедшей в последние годы на постсоветском научном пространстве по этой тематике.

Значение феномена наставничества подчеркивается и закрепляется в нормативно-правовых документах национального уровня. Так, согласно Закону Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики»: «В целях содействия подготовке кадров и адаптации в трудовом коллективе работающих молодых граждан может реализовываться система наставничества как форма обеспечения профессионального становления работника. Порядок и условия организации наставничества регулируются локальными нормативными правовыми актами» (Закон Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики»).

В соответствии с Программой совершенствования научной сферы Республики Беларусь институт научного наставничества должен стать важным компонентом деятельности по созданию и развитию научных школ.

Федерацией профсоюзов Беларуси разработано Типовое положение о наставничестве, согласно которому наставничество — «форма профессионального становления и воспитания молодых работников (специалистов) под наблюдением наставника, направленная на совершенствование качества персональной подготовки и практических навыков, надлежащее выполнение профессиональных функций, адаптацию в трудовом коллективе» (Типовое положение о наставничестве).

В то же время в зарубежном науковедении под наставничеством понимается «деятельность, в ходе которой специалисты

в области науки, технологии, инженерии, математики и медицины содействуют развитию следующего поколения специалистов STEMМ» (Byars-Winston, Dahlberg, 2019: 33).

Среди тематических направлений в изучении наставничества в науке выделяются следующие: концептуализация, содержание, формы научного наставничества, его роль и перспективы в научной и образовательной практике (А. Byars-Winston, M.L. Dahlberg, Л.А. Кочемасова, Д.Ю. Большаков, О.Н. Мамонова, О.В. Юрченко); влияние наставничества на эффективность деятельности учеников (R. Malmgren, J. Ottino, L. Nunes Amaral, Y. Ma, S. Mukherjee, B. Uzzi); наставнический подход среди теоретико-методологических оснований изучения научного руководства аспирантами (А.В. Григорьева, Е.А. Терентьев); наставничество как составной элемент аспирантуры и фактор поддержки молодых ученых (Н.Г. Малошонок, Е.В. Биричева, З.А. Фаттахова, И.Е. Ильина, Е.Н. Жарова, Н.Н. Королева); наставничество в контексте подготовки кадрового резерва (А.В. Ярашева, Е.В. Аксенова); этика научного руководства и академического наставничества (А.В. Прокофьев); влияние наставничества на активизацию научно-исследовательской работы студентов (Н.Н. Антонова, А.А. Артемьева); восприятие наставничества представителями научных династий (Д.П. Исаев).

Успешная деятельность любой организации в значительной мере определяется работой с новыми сотрудниками, что особенно важно в случае молодых работников. Наставничество обеспечивает адаптацию новых сотрудников к должностным обязанностям и их специфике, к коллективу структурного подразделения и коллективу научной организации, к сложившейся организационной культуре, способствует интеграции в систему горизонтальной и вертикальной коммуникации, передаче профессионального и организационного опыта.

В белорусской вузовской, академической и отраслевой науке не проводилось исследований, посвященных непосредственно институту научного наставничества. В то же время отдельные

аспекты этой проблематики изучались в ряде других социологических исследований.

В ходе социологического исследования, которое было посвящено изучению карьеры молодых ученых и проведено Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси при поддержке гранта «Наука-М» Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в апреле 2017 г., ряд вопросов был направлен на изучение наличия и форм наставничества. Генеральную совокупность составили молодые ученые НАН Беларуси, выборка включала 316 респондентов, уровень погрешности не превысил 4,2% при $\alpha = 0,05$.

Для целей исследования использовалось определение молодых ученых, содержащееся в Положении о Совете молодых ученых НАН Беларуси: «*молодыми учеными признаются научные работники, магистранты, аспиранты, соискатели и докторанты организаций НАН Беларуси, не достигшие 35 лет*» (Положение о Совете молодых ученых, с. 1).

В рамках авторского социологического исследования «Организационная культура научной организации как фактор повышения эффективности ее деятельности: социологический анализ», проведенного методами анкетного опроса и экспертного интервью, наставничество рассматривалось в контексте традиций первичных структурных подразделений. Исследование осуществлено в период с декабря 2018 по март 2019 г., объем выборочной совокупности анкетного опроса составил 670 научных работников НАН Беларуси, в том числе 236 молодых ученых, уровень погрешности не превышает 3,6% при $\alpha = 0,05$, выборочная совокупность экспертов — 37 руководителей научных организаций (директоров, заместителей директоров и ученых секретарей).

В исследовании 2017 г. 39% молодых ученых отметили, что в их институтах существуют те или иные формы наставничества, лишь каждый восьмой (12%) указал, что подобной формы передачи опыта нет, однако практически половина (49%) респондентов не смогли ответить на этот вопрос (рис. 1).

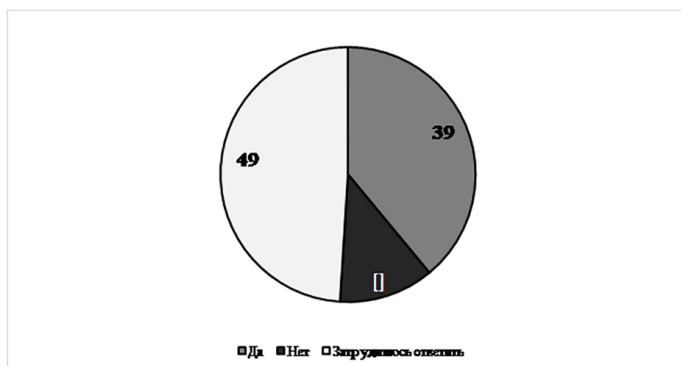

Рис. 1. Существуют ли в Вашем институте какие-либо формы наставничества и передачи опыта? (2017 г, в %)

Такое количество затруднившихся с ответом может свидетельствовать не только о незнании о существовании института наставничества в научной организации (что может объясняться невключенностью в систему организационной коммуникации), но и об отсутствии рассматриваемой формы профессиональной адаптации, а также о сложностях интерпретации понятия «наставничества» современным поколением молодых ученых, о его неинституционализированном, неформальном характере.

Согласно опросу научных сотрудников научных организаций Национальной академии наук Беларуси 2019 г. наставничество в качестве традиции первичного структурного подразделения назвал каждый четвертый опрошенный — 27%.

На открытый вопрос о том, какие формы наставничества используются в научных учреждениях Академии наук, в 2017 г. чаще других назывались: передача опыта от более старших коллег; научное руководство аспирантами; лекции, семинары, круглые столы для молодых ученых. Достаточно широкая вариация ответов, полученных на открытый вопрос, свидетельствует не только о многообразии форм наставничества, но и об отсутствии относительно единого понимания этого института среди

респондентов, а также, вероятно, об отсутствии единой концептуализации и формализации наставничества на уровне как Академии наук, так и научных организаций, входящих в ее состав.

Среди форм наставничества были названы:

- 1) наставничество руководителя структурного подразделения над сотрудниками;
- 2) научное руководство аспирантами;
- 3) передача опыта от более старших коллег;
- 4) индивидуальная, групповая, коллективная формы наставничества;
- 5) передача опыта только от руководителя отдела в личных практических примерах;
- 6) личные беседы на научные темы;
- 7) научная школа;
- 8) консультирование;
- 9) совместные исследования;
- 10) обучение практическим навыкам;
- 11) лекции, семинары, круглые столы для молодых ученых;
- 12) кафедра от университета;
- 13) обмен информацией;
- 14) помощь в разработке документации;
- 15) школа юного экономиста;
- 16) занятия с магистрантами;
- 17) шефство над начинающими;
- 18) обсуждение исследовательской деятельности с коллегами.

В ходе экспертного опроса руководителей научных организаций НАН Беларуси в 2019 г. изучались механизмы адаптации новых научных работников (не только молодых ученых) в коллективе.

Эксперты называли такие механизмы адаптации новых научных работников, как процедура наставничества, кураторства, менторства со стороны руководителя структурного

подразделения / опытного сотрудника; постепенное практическое вовлечение в непосредственную трудовую деятельность; подготовка во время обучения в аспирантуре; инструктаж, включая ознакомление с должностными обязанностями, техникой безопасности; стажировки на рабочем месте. При этом наставничество в качестве механизма адаптации новых сотрудников назвали 40% опрошенных экспертов (15); также были названы такие механизмы адаптации, как практика (8), аспирантура (3), инструктаж (3), стажировка (2).

Руководители научных учреждений указали следующие способы адаптации новых сотрудников в их организациях:

- 1) «Магистратура, аспирантура, есть макрошеф — доктор наук, руководитель диссертации — и микрошеф — куратор, кандидат наук»;
- 2) «Институт наставничества имеет место. Завлаб часть своих функций делегирует более опытным сотрудникам, завлаб должен контролировать ситуацию»;
- 3) «За новым научным работником закрепляется сотрудник института, который и проводит обучение новым методам, методикам»;
- 4) «Закрепляется за ведущим научным сотрудником, составляется план работ»;
- 5) «К новому сотруднику прикрепляется куратор, составляется план работы»;
- 6) «В последнее время все новые сотрудники приходят после вузов, поэтому обучение через наставничество»;
- 7) «Адаптацией новых научных сотрудников и усвоением ими функциональных обязанностей занимается непосредственно руководитель научного подразделения путем наставничества»;
- 8) «Инструктаж на рабочем месте; знакомство с коллективом; ознакомительная экскурсия; наставничество; периодические беседы и кураторство со стороны старших научных сотрудников»;

- 9) «Путем закрепления за ними руководителей с большим опытом работы и высокой квалификации»;
- 10) «С помощью старших коллег внутри подразделения, при содействии Совета молодых ученых».

Однако общие организационные программы адаптации новых работников (в том числе молодых специалистов) в большинстве организаций не выявлены, зачастую этот процесс зависит от конкретного коллектива, конкретного структурного подразделения и его руководителя. В отдельных институтах наставничество закреплено на общеорганизационном уровне, имеют место стажировки под руководством кураторов для вновь принятых специалистов. Как правило, отдел кадров и непосредственные руководители осуществляют ознакомление новых работников с должностными обязанностями, техникой безопасности, организационными целями.

Важным аспектом наставничества и адаптации в новом трудовом коллективе является возможность обращения за помощью (прежде всего профессиональной) со стороны молодых ученых к коллегам. По данным исследования 2017 г. более двух третей (70%) молодых ученых могут обратиться за помощью всегда, к любому из своих коллег; каждый четвертый (26%) — лишь к некоторым, с кем сложились хорошие отношения; 3% респондентов могут обратиться за помощью только в исключительных случаях, а 1% — отметили, что в их коллективах не принято обращаться к коллегам за помощью (рис. 2).

В 2019 г. 73% молодых ученых указали, что они могут всегда при необходимости обращаться за помощью по научной работе к своим коллегам; вариант «скорее да» выбрали 25%, «скорее нет» — 2%, «нет, никогда» — ни один из респондентов (рис. 3).

Наличие ролевых моделей для молодых сотрудников, в данном случае ученых, которые или работали ранее в научном институте, или продолжают работать в настоящее время, также определенным образом связано с функционированием института наставничества. Применительно к научной сфере это могут быть

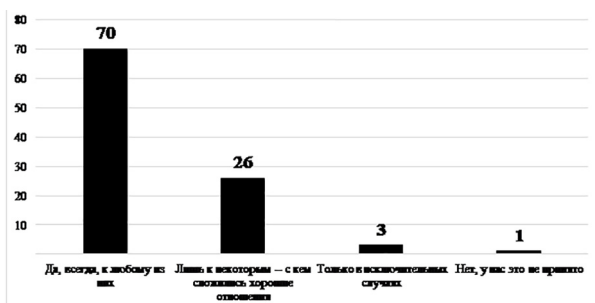

Рис. 2. Можете ли Вы при необходимости обращаться за помощью к Вашим коллегам? (2017 г., %)

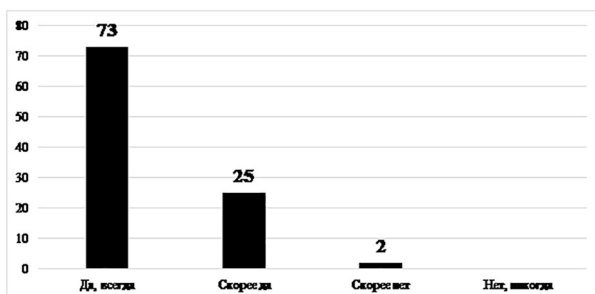

Рис. 3. Можете ли Вы при необходимости обращаться за помощью по научной работе к Вашим коллегам? (2019 г., %)

основатели, первые руководители институтов, ученые, внесшие значительный вклад в их развитие, основатели научных школ и направлений, лауреаты государственных и международных премий, академики и члены-корреспонденты и др. Подобные персоналии выступают в качестве организационного идеала, примера ученого и профессионала.

Практически две трети опрошенных молодых ученых по данным 2017 г. — 64% — указали, что в их институтах есть

сотрудники (работавшие ранее или продолжающие работать в настоящее время), с которых другие работники берут пример; каждый третий (32%) затруднился с ответом; 4% отметили, что таких сотрудников нет.

В 2019 г. абсолютное большинство молодых респондентов — 78% — отметили, что в их институтах есть ученые, работавшие ранее или продолжающие работать, которые являются примером профессионала для них лично; 4% отметили, что таковых нет; значительная доля респондентов — 18% — затруднились с ответом на этот вопрос.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы. Во-первых, отсутствуют систематические исследования института научного наставничества в современной белорусской академической науке, что актуализирует необходимость научного, прежде всего социологического обеспечения развития этого института. Во-вторых, научное наставничество в научных учреждениях НАН Беларуси характеризуется значительной вариативностью и многообразием форм, его реализация, как правило, делегируется на уровень структурных подразделений. В-третьих, отсутствует единый концептуальный подход к пониманию этого феномена, его развитию и формам на общеорганизационном уровне.

Список литературы

Об основах государственной молодежной политики. [Электронный ресурс]. Закон Респ. Беларусь от 7 дек. 2009 г. № 65-З; в ред. от 21 окт. 2016 г. № 434-З. Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10900065> (дата обращения: 04.11.2022).

Типовое положение о наставничестве. [Электронный ресурс]. Постановление Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси 27 янв. 2011 г. № 2. Режим доступа: https://fpb.1prof.by/wp-content/uploads/2019/12/000159_745059_etalon.doc. (дата обращения: 04.11.2022).

Положение о Совете молодых ученых Национальной академии наук Беларуси. [Электронный ресурс]. Постановление Президиума Нац. акад. наук

Беларуси 18 июля 2013 г., № 16. Режим доступа: <http://history.by/wp-content/uploads/2016/01/СМУ-положение.pdf>. (дата обращения: 04.11.2022).

The Science of Effective Mentorship in STEMM / Eds. A. Byars-Winston, M.L. Dahlberg. Washington: The Nation. Academies Press, 2019. XXVIII, 288 p.

THE ROLE OF MENTORING IN THE ADAPTATION AND INTEGRATION OF YOUNG SCIENTISTS

Evgeny V. Shukhno

Researcher,

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,

Minsk, Republic of Belarus;

e-mail: eshuhno@mail.ru

The article discusses the role of the institute of scientific mentoring in the adaptation of young scientists to the scientific team and their integration into the system of horizontal and vertical communication of a scientific organization. The problems of studying scientific mentoring in the modern research field of the sociology of science and science of science are represented. Based on the results of sociological research conducted at the National Academy of Sciences of Belarus using the methods of a questionnaire survey and expert interviews, the functioning of certain aspects of the institution of mentoring in the modern academic science of the Republic of Belarus is presented. The need for further purposeful study of the institution of scientific mentoring at the present stage of development of science is noted.

Keywords: mentoring, science, scientific personnel, researcher, scientific guidance, postgraduate studies, doctoral studies, science of science, sociology of science.

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ**

Международный ежегодник

ВЫПУСК 8 (38)

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Подписано в печать 21.12.2022. Заказ №14274

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 21,82. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10